

СКОТТ В.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ПУРИТАНЕ

Рассказы трактирщика

Вальтер Скотт

Пуритане

«Алгоритм»

1816

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Пуритане / В. Скотт — «Алгоритм», 1816 — (Рассказы трактирщика)

ISBN 978-5-486-02998-1

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. С необычайной живостью и красочностью Скотт изобразил историческое прошлое от Средневековья до конца XVIII в., воскресив обстановку, быт и нравы прошедших времен. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. В данном томе публикуется роман «Пуритане», главный герой которого, некий молодой дворянин Генри Мортон, потрясенный произволом и жестокостью королевской армии, присоединяется к восстанию шотландских пуритан против роялистов, вспыхнувшему в Шотландии в 1679 г. Приключения Мортон, осложненные романом с Эдит Белленден, воспитанной в роялистских традициях, в конце концов приводят его к размеренной и благополучной жизни. Другие герои – и Берли и Клеверхауз – реальные исторические лица.

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02998-1

© Скотт В., 1816
© Алгоритм, 1816

Содержание

Введение	7
Глава I	13
Глава II	20
Глава III	25
Глава IV	30
Глава V	36
Глава VI	42
Глава VII	50
Глава VIII	55
Глава IX	68
Глава X	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78
Комментарии	

Вальтер Скотт Пуритане

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2009

* * *

Введение

[1]

В конце прошлого века в Шотландии был хорошо известен один весьма примечательный человек по прозвищу Кладбищенский Старик. Роберт Патерсон – таково его настоящее имя – был, как говорят, уроженцем Клозбернского прихода в Дамфризшире и, вероятно, каменотесом – во всяком случае, он сызмальства был приучен владеть резцом. Неизвестно, что побудило его уйти из дому и пуститься странствовать по Шотландии, уподобляясь паломнику, – домашние ли неурядицы или глубокое и проникновенное ощущение того, что он считал своим долгом. Известно только, что не нужда толкнула его на эти скитания, ибо он решительно отказывался от денежной помощи и лишь позволял себе пользоваться гостеприимством, которое ему всюду охотно оказывали, а если случалось, что никто не приглашал его к себе в дом, у него всегда бывало достаточно денег для удовлетворения своих скромных потребностей. Его внешность и излюбленное – вернее, единственное – занятие подробно описываются в «предварительной» главе предлагаемого романа.

Лет тридцать назад, а то и побольше, автор встретился с этой необыкновенной личностью на кладбище в Даннотере, приехав сюда на день-другой к ныне покойному мистеру Уокеру, ученому и уважаемому приходскому священнику, чтобы осмотреть развалины Даннотерского замка, а заодно и памятники старины в ближайших окрестностях. Там же оказался за своим обычным, побуждавшим его к вечным скитаниям занятием и Кладбищенский Старик, ибо замок и приходское кладбище в Даннотере, хотя они и находятся во враждебном ковенанте-рам^[2] округе Мернс, являются для камеронцев^[3] своего рода святынею из-за мучений, которые здесь претерпели их предки во времена Иакова II^[4].

В 1685 году, когда Аргайл^[5] угрожал высадкой в Шотландии, а Монмут^[6] готовился вторгнуться в пределы Западной Англии, Тайный совет Шотландии, принимая в связи с этим крутые меры, велел арестовать в южных и западных провинциях более ста человек, многих вместе с женами и детьми, полагая, что вследствие своих религиозных воззрений они враждебны правительству. Узников, обращаясь с ними, точно со стадом волов, погнали на север, – впрочем, о волах проявляют заботу, между тем как до насущных потребностей этих людей никому не было дела. В конце концов их заперли в подземелье Даннотерского замка; окно их темницы было пробито в скале, нависшей на большой высоте над Северным морем. Они немало выстрадали в пути; их оскорбляли, над ними всячески измывались северные прелаты^[7]; их преследовали насмешками, издевательствами и шуточными песенками скрипачи и волынщики, сбегавшиеся со всех сторон на дорогу, чтобы потешиться вдоволь над теми, кто с такой нетерпимостью относился к их роду занятий. Даже в мрачной темнице их не оставляли в покое. Сторожа требовали с них плату за каждую оказанную ими услугу, даже за воду, и когда некоторые из узников противились столь наглому требованию, настаивая на своем праве получать ее безвозмездно, поскольку она необходима для поддержания жизни, их тюремщики выливали ее на пол, утверждая, что «если они обязаны приносить воду для ханжей-вигов^[8], то никто их не может заставить бесплатно давать им кувшины и кружки».

В этой тюрьме, которая и поныне называется «Темницей вигов», многие из заключенных погибли от болезней, обычных в подобных местах, а другие переломали себе руки и ноги или разбились насмерть, пытаясь бежать из своего страшного заточения. После революции над могилами этих несчастных их друзья воздвигли памятник с подобающей эпитафией.

Эту своеобразную усыпальницу вигов-мучеников глубоко чтят их потомки, как бы далеко от места их заключения и погребения они ни проживали. Мой друг, почтенный мистер Уокер, рассказывал мне, что лет сорок тому назад, путешествуя по Южной Шотландии, он имел несчастье заблудиться в лабиринте дорог и тропинок, пересекающих во всех направле-

ниях обширную пустошь близ Дамфриза, именуемую Лохарские Мхи; выбраться оттуда человеку чужому без посторонней помощи почти невозможно. Между тем найти провожатого было делом нелегким, так как все, кто встречался ему на пути, усердно копали торф, а это работа первостепенной важности, и ее нельзя прерывать. Мистеру Уокеру удалось добиться лишь нескольких малопонятных ему указаний на южном диалекте, который значительно отличается от мернского говора. Он начал уже тревожиться, не находя выхода из этого трудного положения, и обратился наконец к фермеру побогаче, занятому, как все, копанием торфа на зиму. Вначале старик, подобно другим, отказался проводить мистера Уокера, ссылаясь на неотложность своей работы, но, проникнувшись уважением к сану своего собеседника и увидев, что тот совершенно растерян, спросил:

– Вы, сударь, священник?

Мистер Уокер ответил утвердительно.

– Судя по вашей речи, вы с севера?

– Вы правы, друг мой, – отозвался священник.

– Разрешите спросить, не приходилось ли вам слышать о месте, прозываемом Даннотер?

– Мне полагалось бы кое-что знать о нем, друг мой, – сказал мистер Уокер, – я много лет был священником этого прихода.

– Рад это слышать, – оживился дамфризширец, – потому что один из моих близких родителей лежит там на кладбище, и на его могиле как будто есть памятник. Дорого я дал бы за то, чтобы узнать, цел ли еще этот памятник.

– Ваш родственник был, наверно, из тех, кто погиб в замке, в «Темнице вигов»; кроме них, на нашем кладбище покоится очень мало южан, и ни у кого из этих южан, насколько я знаю, нет могильного памятника.

– Именно, именно, – сказал камеронец (старый фермер принадлежал к этой секте). Он отложил лопатку, надел куртку и со всей искренностью предложил проводить священника, даже если его дневной урок и останется недоделанным. Мистер Уокер, по его словам, сторицею вознаграждал его за этот урон, прочитав ему эпитафию, которую знал наизусть. Старик был в восторге, услышав имя своего деда или прадеда среди имен братьев-страдальцев, и, выведя мистера Уокера на сухую и безопасную дорогу, отказался от вознаграждения, лишь попросив дать ему копию с эпитафии.

Слушая этот рассказ и осматривая упомянутый памятник, я впервые увидел Кладбищенского Старика; занятый своим обычным трудом, он очищал от наросшего мха и подправлял орнаменты и эпитафии на могильных плитах. Его наружность и одежда были точно такими, как они описаны в предлагаемом романе. Мне захотелось поближе узнать эту необыкновенную личность, и я рассчитывал, что смогу это сделать, так как Кладбищенский Старик остановился в доме гостеприимного веротерпимого пастора. Но хотя мистер Уокер и пригласил его выпить с нами после обеда стопочку водки, к которой, как поговаривали, старик не испытывал особого отвращения, все же он не пожелал говорить со всею откровенностью о своем неизменном занятии. Он был в дурном настроении, и, по его словам, ему было в тягость поддерживать с нами беседу.

Он был глубоко возмущен, услышав в одной из церквей в Эбердине камертон-дудку или что-то в этом роде, с помощью которого регент управлял пением псалмов: для Кладбищенского Старика это было величайшим кощунством. Возможно, он к тому же стеснялся нашего общества; может быть, он также испытывал подозрение, что вопросы пастора из Северной Шотландии и молодого судебного стряпчего вызваны скорее пустым любопытством, чем действительной заинтересованностью в деле его жизни. Во всяком случае, пользуясь выражением Джона Беньяна^[9], Кладбищенский Старик прошел своей дорогой, и я никогда больше его не видел.

Примечательный облик и род занятий этого вечного странника напомнил мне своим рассказом о нем мой добрый друг, мистер Джозеф Трен, акцизный контролер в Дамфризе, кото-

рому я обязан множеством самых разнообразных сведений подобного рода. От него я узнал и об обстоятельствах смерти этого необыкновенного человека, а также кое-какие подробности, нашедшие себе место в романе. Он же сообщил мне о том, что род Кладбищенского Старика существует в третьем поколении и поныне и пользуется большим уважением благодаря талантам и нравственным достоинствам его представителей.

Когда эти страницы уже печатались, я получил нижеследующее сообщение мистера Трена, который, со всегдашней любезностью, в свободные от своих многотрудных обязанностей часы собрал из достоверных источников эти сведения:

Часто бывая в Гленкенсе, я коротко познакомился с Робертом Патерсоном, сыном Кладбищенского Старика, проживающим в небольшой деревне под названием Балмакеллан. И хотя ему скоро семьдесят, он все еще сохраняет всю живость молодости; память у него поразительная и знаний гораздо больше, чем можно было бы ожидать в человеке его звания и образа жизни. Он же и рассказал мне о своем покойном отце и его потомках вплоть до настоящего времени.

Роберт Патерсон, *alias*¹ Кладбищенский Старик, был сыном Уолтера Патерсона и Маргарет Скотт, проживавших на ферме Хаггиша, в Ховикском приходе, в первой половине восемнадцатого столетия. Здесь в памятный 1715 год^[10] и родился Роберт.

Как младшего сына в большой семье, его еще мальчиком отправили к старшему брату Фрэнсису, который арендовал у сэра Джона Джардина из Эпплгарса небольшой клочок земли на Корнкокльской пустоши, близ Лохмабена. Здесь он познакомился с Элизабет Грей, дочерью Роберта Грея, садовника сэра Джона Джардина, на которой впоследствии и женился. Жена его довольно долго была кухаркой у сэра Томаса Керкпатрика из Клозберна, который исхлопотал для ее мужа у герцога Куинсбери разрешение разрабатывать на льготных условиях каменоломню в Гейтлоубригге, в приходе Мортон. Тут он выстроил дом и имел участок земли, достаточный для содержания лошади и коровы. Мой осведомитель не мог назвать с полной уверенностью год поселения его отца в Гейтлоубригге, но он убежден, что это должно было произойти незадолго до 1746 года, так как во время памятных всем морозов 1740 года его мать, говорит он, еще служила у сэра Томаса Керкпатрика. Возвращаясь из Англии зимой 1745/46 года^[11], горцы по дороге в Глазго разграбили дом мистера Патерсона в Гейтлоубригге и, захватив его с собою как пленника, отпустили лишь в Гленбеке, и все только из-за того, что он сказал одному из этой бродячей армии, будто их отступление можно было легко предвидеть заранее, ибо десница Всевышнего, несомненно, поднята не только на кровожадных и исполненных скверны Стюартов^[12], но и на всех, кто пытается оказать поддержку гнусным ересям римской церкви. Из этого видно, что Кладбищенский Старик уже смолоду находился во власти того религиозного фанатизма, который впоследствии стал наиболее примечательною чертою его характера.

Религиозная секта, называемая «горные люди», или камеронцы, пользовалась в то время широкой известностью и уважением благодаря строгости нравов и благочестию ее членов, порававших в этом основателю секты Ричарду Камерону, и Кладбищенский Старик сделался ревностным последователем ее учения. Он стал довольно часто ездить в Гэллоуэй на молитвенные собрания камеронцев и при случае привозил с собою надгробные плиты из своей гейтлоубриггской каменоломни с целью увековечить память почивших праведников. Кладбищенский Старик не принадлежал к числу тех ханжей, которые, лицемерно устремив один глаз к небесам, другим пристально следят за происходящим в подлунном мире. По мере того как его религиозное рвение возрастало, поездки в Гэллоуэй становились все более частыми, и мало-помалу он начал даже пренебрегать своими обязанностями отца семейства. Приблизительно с 1758 года он перестал возвращаться из Гэллоуэя к жене и пятерым детям в Гейтлоубригг, что вынудило ее послать старшего сына Уолтера, которому тогда было только двенадцать лет,

¹ Иначе (*лат.*).

в Гэллоуэй на розыски отца. Пройдя почти всю эту обширную область, от Ника в Бенкори до Фелла в Борульоне, мальчик нашел наконец отца на старом кладбище в Керккресте, расположенном на западном берегу Ди, напротив города Керкедбрайта, где он восстанавливал памятники на могилах камеронцев. Маленький путешественник всеми средствами, которые только мог измыслить, старался побудить отца возвратиться к семье, но все было тщетно. Миссис Патерсон посылала в Гэллоуэй и своих дочерей, чтобы они разыскали отца и убедили его вернуться домой, но и эта попытка не имела успеха. В конце концов летом 1768 года она переселилась в горную деревушку Балмакклеллан, близ Гленкенса, и, открыв небольшую школу, скромно, но безбедно жила там на доходы с нее со своей большою семьей.

На ферме Калдон, близ так называемого Дома в горах, существует небольшой памятный камень; он особо почитается камеронцами как первый памятник, воздвигнутый Кладбищенским Стариком тем, кто пал в этих местах, отстаивая свои религиозные верования во время гражданской войны в царствование Карла II^{2[13]}.

После Калдонской фермы Кладбищенский Старик с течением времени распространил свою деятельность чуть ли не на всю равнинную часть Шотландии. Почти на всех кладбищах в Эршире, Гэллоуэе или Дамфризшире и теперь можно увидеть работу его резца. Его легко отличить от работ любого другого мастера по примитивной бесхитростности эмблем смерти и наивной простоте надписей, высеченных им на грубо вытесанных камнях. Реставрация и установка надгробных камней, безо всякого вознаграждения от кого бы то ни было, были единственным занятием этой примечательной личности на протяжении сорока лет. Двери каждого камеронского дома были открыты для него в любой час, и его принимали с таким радушием, словно он был близким родственником семьи; впрочем, он не всегда пользовался этим гостеприимством, что видно по следующему перечню скромных расходов, обнаруженному в его записной книжке среди прочих бумаг покойного (кое-какие из них находятся у меня):

3

**ФЛИТСКАЯ СТОРОЖКА, 4 февраля 1796 г.
РОБЕРТ ПАТЕРСОН ДОЛЖЕН МАРГАРЕТ КРИСТЕЙЛ**

	Фунты	Шиллинги	Пенсы
За сухое помещение в течение семи недель	0	4	1
За четыре мерки овсяной муки	0	3	4
За шесть мерок картофеля	0	1	3
Взято взаймы в день причастия мистера Рейда	0	6	0
За три кружки эля с Сэнди, продавцом мела ¹	0	0	9
	0	15	5
Уплачено	0	10	0
Остается	0	5	5

² Этот дом был взят штурмом капитаном Орчардом, или Уркхартом, который был убит пулею во время атаки. (Примеч. авт.)

³ Хорошо известный шутник, здравствующий и поныне, называемый в народе Старый Куль с Мелом; он торгует мелом, которым фермеры метят овец.

Этот счет свидетельствует о том, что наш странник в старости очень нуждался; но это происходило скорее по его собственной воле, чем в силу стечения обстоятельств, так как в упоминаемое здесь время все его дети жили в достатке и были бы рады приютить у себя отца; однако никакие уговоры и мольбы не могли склонить его отказаться от бродячего образа жизни. Он путешествовал от кладбища к кладбищу верхом на белом стареньком пони до последнего дня своей жизни и умер, как вы написали в романе, 14 февраля 1801 года на восьмидесяти шестом году жизни. Извещение о случившемся было послано его сыновьям в Балмакклеллан тотчас по обнаружении его трупа, но из-за глубокого снега, выпавшего в тот год, письмо с изложением подробностей его смерти задержалось в пути, и этот вечный странник был предан земле, прежде чем кто-нибудь из его близких смог прибыть в Бенкхилл.

Вот точная копия счета, в котором перечисляются издержки на его погребение (оригинал этого документа находится у меня):

СЧЕТ РАСХОДОВ НА ПОХОРОНЫ РОБЕРТА ПАТЕРСОНА, УМЕРШЕГО В БЕНКХИЛЛЕ февраля 14-го дня 1801 г.

	Фунты	Шиллинги	Пенсы
За гроб	0	12	0
За отделку его	0	2	8
За рубашку покойному	0	5	6
За пару бумажных чулок	0	2	0
За хлеб на поминках	0	2	6
За сыр там же	0	3	0
За одну пинту рома	0	4	6
За одну пинту виски	0	4	0
Посыльному в Эннен	0	2	0
Могильщику	0	1	0
За полотно на саван	0	2	8
	2	1	10
Найдено на умершем	1	7	6
Остается	0	14	4

Этот счет был заверен сыном покойного.

Мой друг был болен и не мог поехать в Бенкхилл на похороны отца, о чем я глубоко сожалею, так как ему неизвестно, на каком кладбище тот погребен.

Я хотел поставить на его могиле небольшой памятник и тщательно, где только мог, навел справки о месте его погребения, но все мои розыски не привели ни к чему, так как смерть Кладбищенского Старика не занесена в книги ни одного из окрестных приходов. С горечью думаю я о том, что, по всей вероятности, этот удивительный человек, отдавший столько лет своей долгой жизни, чтобы молотком и резцом увековечить память многих, гораздо менее достойных, чем он, останется без простого надгробного камня, указывающего место упокоения его бранных останков.

У Кладбищенского Старика было три сына – Роберт, Уолтер и Джон; первый, как я уже говорил, живет в деревне Балмакеллан в полном достатке и пользуется большим уважением в своем околотке. Уолтер, скончавшийся несколько лет назад в той же деревне, оставил после себя вполне обеспеченную семью. Джон в 1776 году уехал в Америку; испытав на своем веку немало капризов фортуны, он обосновался в конце концов в Балтиморе.

Сам старый Нол^[14], как говорят, был не прочь пошутить (смотри мемуары капитана Ходжсона). Кладбищенский Старик в этом отношении кое в чем походил на протектора^[15]. Подобно господину Молчанию^[16], он был весел раза два за всю жизнь; впрочем, шутки его были мрачными, словно похороны, и порой имели для него неприятные последствия, как это явствует из приводимого ниже рассказа:

«Однажды Кладбищенский Старик занимался на кладбище в Гертоне обычным для него делом – восстанавливал надгробия на могилах страдальцев; невдалеке от него приходский могильщик выполнял родственную задачу, то есть, попросту говоря, рыл могилу. Несколько озорных мальчишек шумно играли близ них, беспокоя стариков своими забавами и мешая им в их сосредоточенной и серьезной работе. Особенно назойливыми в этой ватаге были два-три сорванца, внуки хорошо известной в округе личности, носившей имя Купера Климента. Этот мастер пользовался в то время в Гертоне и соседних приходах своего рода монополией на изготовление и продажу деревянных ковшей, чашек, мисок, кубков, ложек, солонок, досок для хлеба и тому подобных предметов домашнего обихода. Нужно отметить, что посуда, изготовляемая Купером, несмотря на великолепное качество, вначале придавала красноватый оттенок любой наливаемой в нее жидкости. Впрочем, это нередко бывает с новой деревянной посудой.

Внукам этого деревянных дел мастера пришлось в голову спросить могильщика, куда он деваает обломки старых гробов, которые выкидывает из земли, роя могилы. «Неужели вам неизвестно, – сказал на это Кладбищенский Старик, – что он продает их вашему деду, который превращает их в ложки, доски для хлеба, кувшины, чашки, кубки и прочее?» Это разъяснение страшно смутило мальчишек, и они стали с отвращением вспоминать, сколько еды им довелось съесть на тарелках, которые, по словам Кладбищенского Старика, годились лишь для пиршества ведьм и вампиров. Они рассказали об этом у себя дома, и в тот день пришлось выбросить немало обедов – такое отвращение вызвала разнесенная ими новость; ведь красноватый оттенок, который даже в дни величайшей славы Купера Климента казался несколько подозрительным, теперь стали объяснять происхождением употребляемого им материала. Товары Купера вызывали ужас, что было весьма на руку его соперникам – гончарам. Этот мастер резной ложки и миски видел, что дело его хиреет, и наконец узнал о причине беды, когда его прежние покупатели стали в ярости требовать, чтобы он принял обратно товар, сделанный из столь мерзкого материала, и возвратил уплаченные за него деньги. Попав в тяжелое положение, разорившийся мастер привлек Кладбищенского Старика к суду, на котором без труда доказал, что используемое им дерево – клепки от винных бочек, которые он скупал у контрабандистов, а последних в то время в округе было великое множество. Это обстоятельство объяснило красноватый оттенок, придаваемый жидкостям сделанной им посудой. Кладбищенский Старик заявил, что, говоря о дереве от гробов, он не имел другого намерения, как отделаться от мешавших ему детей. Но легче отнять доброе имя, чем его вернуть. Дело Купера Климента все больше приходило в упадок, и он окончил свои дни в нищете».

Глава I

Предварительная

*Среди заброшенных могил
Зачем все время бродит он?
Встревожить то, что гроб сокрыл?
Нарушить спящих вечный сон?*
Лэнгхорн^{4[17]}

Большинству читателей – сказано в рукописи мистера Петтисона^[18] – приходилось, конечно, не без удовольствия наблюдать веселую кутерьму, которую в тихий час летнего вечера, расходясь после занятий, поднимают деревенские школьники. Неумная живость, свойственная детскому возрасту и с таким трудом подавляемая в томительные часы учения, вдруг разражается, словно взорвавшись, криками, пением и проказами маленьких сорванцов, которые собираются на лужайке и, разбившись на группы, принимаются за свои состязания. Но есть еще одна личность, которая в этот момент испытывает облегчение; впрочем, ее чувства не так заметны стороннему наблюдателю и не в такой мере способны вызвать его симпатию. Я имею в виду учителя, который, оглушенный несмолкающим гулом голосов и задыхаясь в спертom воздухе классной комнаты, непрерывно сражался весь день (один против целой оравы), пресекая озорство, побуждая к труду безразличие, силясь просветить тупоумие и укрощая упорство. Мысли его спутались и потускнели оттого, что он выслушал сто раз подряд все тот же затверженный наизусть глупый урок, когда единственное, что нарушало унылое однообразие, – это разнообразный вздор, изрекаемый отвечающими. Даже цветы античного гения, доставлявшие столько радости его одинокой фантазии, и они, казалось, увядали и блекли от связанных с ними слез, ошибок и наказаний, так что не было такой эклоги Вергилия или оды Горация, которая не сплелась бы в его представлении с хмурым обликом или монотонным скандированием того или иного хнычущего ученика. А если это постоянное напряжение умственных сил испытывает человек хрупкого телосложения, наделенный душой, жаждущей более высокого поприща, чем мучительство школьников, читатель сможет понять, хотя и весьма отдаленно, какое великое облегчение голове, раскалывающейся от боли, и нервам, издерганным многочисленным докучным трудом на ниве просвещения, – одинокая прогулка в прохладе ясного летнего вечера.

Для меня эти блуждания вечерней порой были счастливейшими часами моей несчастливой жизни, и если какой-нибудь благосклонный читатель найдет удовольствие в чтении этого плода моих бессонных ночей, то да будет ему известно, что план своей книги я обычно обдумывал в те мгновения, когда отдых от изнурительного дневного труда и шума и безмятежность окружающего склоняли мой дух к сочинительству.

Мое излюбленное место прогулок в эти часы золотого досуга – берега небольшого ручья, который, «извиваясь по доли зеленого папоротника», протекает перед сельской школою в Гэн-дерклю. На первой четверти мили мне иногда приходится отвлекаться от своих размышлений, отвечая на приветствия моих забредших в эти места питомцев – кто неловко расшаркивается, кто сдергивает с головы шапчонку, – которые ловят в ручье форелей и всякую мелюзгу или собирают вдоль его берегов тростник и полевые цветы. Но забираться дальше упомянутого мной расстояния после захода солнца юные удильщики не очень-то любят. Причина заключается в том, что чуть выше по узкой долине, во впадине, как бы вырытой в крутом, поросшем вереском склоне, расположено заброшенное, старое кладбище, и маленькие трусишки боятся

⁴ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены В. Давиденковой.

подходить к нему в сумерки. Для меня, напротив, это место полно неизъяснимого очарования. Оно долгое время было излюбленной целью моих прогулок, и, если мой добрый наставник и покровитель не забудет своего обещания, оно станет (и, вероятно, довольно скоро) моим последним прибежищем по завершении мною земного пути⁵.

Здесь, как всегда на кладбище, испытываешь какое-то торжественное благоговение, но к нему не примешивается ничего тягостного и неприятного, неизменно ощущаемого при посещении других кладбищ. Уже много лет тут почти не хоронят, и поднимающиеся над ровной поверхностью могильные холмики покрыты тем же тонким ковром бархатистого дерна, что и все по соседству. Памятники, которых всего семь или восемь, наполовину ушли в землю и поросли мхом. Здесь нет ни одной свежей могилы, которая могла бы нарушить трезвую ясность наших раздумий напоминанием о недавнем горе, нет и буйно разросшейся сочной травы, навязывающей нам мысль о том, что она обязана своей мрачной роскошью гниющим под нею, разлагающимся и омерзительным останкам. Маргаритки, то здесь, то там выглядывающие из дерна, и склоняющиеся над ними колокольчики получают свою чистую пищу от небесной росы, и их цветение не вызывает в нас никаких отталкивающих и удручающих представлений. Разумеется, здесь побывала смерть, и ее следы перед нами, но с тех пор, как они отпечатались, прошло столько времени, что они поистерлись и не внушают нам ужаса. Между теми, кто спит в этих могилах, и нами, как подсказывает размышление, нет ничего общего, кроме того, что они были некогда тем, чем теперь являемся мы, и если их прах растворился в матери-земле и больше неотделим от нее, то такое же превращение когда-нибудь постигнет и нас.

И хотя даже на самом позднем из этих скромных могильных камней мох нарастал в течение четырех поколений, все же память о некоторых из тех, кто спит под ними, благоговейно почитается и поныне. Правда, на самом большом и для любителя старины наиболее интересном надгробии, где изображен доблестный рыцарь со шлемом и щитом, закрывающим грудь, герб на щите изгладило время, и несколько полустершихся букв, к удовольствию пытающегося разобрать надпись, можно прочесть и как «Dns. Johan... de Hamel» и как «Johan... de Lamel». Правда и то, что о другом памятнике, изобилующем скульптурными украшениями – орнаментированным крестом, митрой и пасторским посохом, – предание утверждает лишь то, что под ним погребен некий безымянный епископ. Но зато на двух других находящихся рядом плитах можно прочесть изложенную нескладной прозой и еще более нескладной поэзией историю покоящихся под ними. Как говорят эпитафии, они были из гонимых пресвитериан, судьба которых – одна из грустных страниц истории времен Карла II и его преемника на престоле⁶. Возвращаясь после битвы у Пентлендских холмов, горстка повстанцев подверглась в этой долине нападению со стороны небольшого отряда королевских войск, и трое или четверо из них были убиты в стычке или, попав в плен, расстреляны как мятежники, захваченные с оружием в руках. Могилы этих жертв прелатизма все еще почитаются крестьянами не в пример больше, чем самые богатые памятники. Обращая на них внимание своих сыновей и рассказывая им о судьбе страдальцев, они обыкновенно заканчивают следующим увещанием: если потребуют обстоятельства, стоять насмерть, как их славные предки, за священное дело гражданской и религиозной свободы.

Хотя я далеко не поклонник своеобразных воззрений, разделяемых теми, кто называет себя последователями этих людей, чьи нетерпимость и узколобий фанатизм поражают нас несколько не меньше, чем их благочестивое рвение, все же сказанное отнюдь не унижает

⁵ Примечание мистера Джедедии Клейшботэма*: «Свидетельством того, что я свято исполнил свой долг по отношению к покойному и незабвенному другу, может служить красивый надгробный камень, воздвигнутый мною на этом месте за собственный счет с начертанными на нем именем и званием Питера Петтисона, датой его рождения и погребения, а также перечислением его достоинств, засвидетельствованных мною, его начальником и руководителем. – Д.К.» * *Джедедия Клейшботэм* – вымышленный издатель «Пуритан» и некоторых других романов В. Скотта.

⁶ Иаков VII, король шотландский, и он же Иаков II, король английский. – Д.К.

памяти этих страдальцев, многие из которых соединяли в себе независимость мысли Хемпдена^[19] с жадной мученичества Хупера^[20] и Лэтимера^[21]. Вместе с тем, справедливости ради, не следует забывать, что многие из числа даже наиболее рьяных ненавистников и гонителей того, что в их понимании было злонамеренным и мятежным духом этих несчастных скитальцев, проявили, когда им пришлось пострадать за свои политические и религиозные взгляды, такое же беззаветное и несокрушимое рвение, окрашенное в этом случае рыцарской преданностью, тогда как у их противников оно было окрашено республиканским энтузиазмом. Разбираясь в шотландском характере, не раз отмечали, что свойственное ему упорство раскрывается отчетливее всего, если встречает противодействие; тогда он напоминает клен их родных гор, который не изменяет своей природе и не склоняется даже под воздействием господствующих ветров, но, раскидывая ветви одинаково смело во всех направлениях и не приспособляясь наветренной стороной к налетающим шквалам, может быть сломан, однако никогда не сгибается. Само собой разумеется, я изображаю своих соотечественников такими, какими их наблюдал. Что касается уехавших за море, то я слышал, что там они стали податливее. Но пора возвратиться к прерванному повествованию.

Как-то летним вечером, во время одной из моих описанных выше прогулок, приближаясь к этой пустынной обители мертвых, я удивился, услышав звуки, непохожие на те, что обычно баюкали ее тишину, – на ласковое журчание ручья и вздохи ветра в ветвях трех гигантских ясеней, поднимавшихся над погостом. На этот раз я отчетливо услышал стук молотка и, признаюсь, испытал некоторую тревогу: уж не ставят ли в долине ограду, о чем уже давно помышляли двое землевладельцев, чьи земли разделял милый моему сердцу ручей, чтобы заменить прямолинейным безобразием изящные извивы природной межи⁷. Подойдя ближе, я с удовольствием обнаружил, что мои предположения были ошибочны. На памятнике замученных пресвитериан сидел какой-то старик, усердно углублявший резцом полуистершую надпись, которая торжественным языком Писания возвещала вечное блаженство в удел убиенным и с подобающим гневом возглашала анафему их убийцам. Седые волосы благочестивого труженика прикрывала синяя шляпа необыкновенных размеров. Его одежду составляли широкий, старомодного покроя кафтан, сшитый из грубошерстной ткани, носящей название ходдингрей, и чаще всего употребляемый пожилыми крестьянами, такие же штаны и жилет; и хотя этот костюм выглядел еще вполне сносно, все же на нем были заметны отчетливые следы его долголетней службы. Все в заплатках, но еще крепкие башмаки, украшенные гвоздями с широкими шляпками, и черные суконные гетры дополняли его наряд. Невдалеке, меж могил, пощипывал травку пони, его дорожный спутник крайне преклонного возраста, о чем явственно говорили его необычайная белизна, костлявость и ввалившиеся глаза. Его сбруя, отличавшаяся крайней простотой, состояла из уздечки, сплетенного из конского волоса недоуздка и набитой соломой подушки, заменявших собою седло и поводья. С шеи животного свешивалась холщовая сумка, предназначавшаяся, видимо, для инструментов его хозяина и еще кое-каких вещей, которые он брал с собою в дорогу. Хотя этого старика я видел впервые, все же, принимая во внимание необычность его занятия и весь его облик, я тотчас же распознал в нем благочестивого странника, рассказы о котором слышал не раз и которого хорошо знали в разных частях Шотландии под прозвищем Кладбищенский Старик.

Откуда этот человек родом и каково его настоящее имя, я так и не выяснил; даже побуждения, заставившие его уйти из дому и предпочесть кочевой образ жизни оседлому, известны

⁷ Считаю необходимым уведомить читателя, что эта межа между соприкасающимися землями его милости владельца Гэндеркля и его милости владельца Гюздаба должна была представлять собою пограничный вал наподобие римского *agger* или, скорее, *murus*, то есть стену из диких камней без связи, обложенную *cespite viridi*, или, говоря по-иному, дерном. Их милости действительно повздорили из-за ничтожного клочка заболоченной земли, расположенного близ небольшой заводи, именуемой Бедролс-Байлд; дело после многолетнего разбирательства местными судьями было переправлено затем в столичный город Лондон на рассмотрение коронного суда, где оно, так сказать, *adhuc in pendente* (и посейчас не закончено – *лат.*). – Д.К.

мне лишь в самых общих чертах. По мнению большинства, он был уроженцем не то графства Дамфриз, не то Гэллоуэя и происходил от тех самых приверженцев ковенанта, подвиги и страдания которых были излюбленной темой его рассказов. Сообщают, что когда-то он держал небольшую ферму на пустоши, но то ли вследствие понесенных на ней убытков, то ли из-за семейных раздоров уже давно от нее отказался, как отказался, впрочем, от каких бы то ни было заработков. Говоря языком Писания, он покинул дом, кров и родных и скитался по самый день своей смерти, то есть что-то около тридцати лет.

В течение всего этого времени благочестивый паломник-энтузиаст непрерывно кочевал по стране, взяв себе за правило ежегодно навещать могилы несчастных пресвитериан, погибших в схватках с врагом или от руки палача в царствование двух последних монархов из дома Стюартов. Эти могилы особенно многочисленны в западных округах – Эйре, Гэллоуэе и графстве Дамфриз, но их можно увидеть и в других областях Шотландии – повсюду, где гонимые пуритане пали в боях или были казнены военной и гражданской властями. Их надгробия нередко в стороне от человеческого жилья, посреди диких пустошей и торфяников, куда, скрываясь от преследований, уходили эти скитальцы. Но, где бы эти могилы ни находились, они обязательно ежегодно навещались Кладбищенским Стариком, по мере того как его маршрут предоставлял ему эту возможность. И охотники на тетеревов порою встречали его, к своему изумлению, в самых глухих горных ущельях, возле серых могильных плит, над которыми он усердно трудился, счищая с них мох, подновляя своим резцом полуистершиеся надписи и восстанавливая эмблемы смерти – обычные украшения этих незатейливых памятников. Глубоко искренняя, хотя и своеобразная набожность заставила этого старого человека отдать годы жизни бескорыстному служению памяти павших воинов церкви. На свое дело он смотрел как на выполнение священного долга и считал, что, возрождая для взоров потомков пришедшие в упадок надгробия – эти символы религиозного рвения и подвижничества их предков, – он как бы поддерживает огонь маяка, который должен напоминать будущим поколениям, чтобы они стояли за веру не щадя живота своего.

Этот неутомимый старый паломник, видимо, никогда не нуждался в денежной помощи и, насколько известно, наотрез от нее отказывался. Правда, его потребности были очень невелики, и к тому же, куда бы ему ни доводилось попасть, для него всегда бывал открыт дом какого-нибудь камеронца, его единоверца по секте, или другого истинно религиозного человека. За почтительное гостеприимство, которое ему повсюду оказывали, он неизменно расплачивался приведением в порядок надгробий (если таковые имелись) членов семьи или предков своего хозяина. И так как странника постоянно видели за этим благочестивым занятием где-нибудь на деревенском кладбище или заставляли склонившимся над одинокой, полускрытой вереском могильной плитой с молотком, которым он ударял по резцу, пугая тетеревов и ржанок, тогда как его белый от старости пони пасся где-нибудь рядом, люди из-за его постоянного общения с мертвыми дали ему прозвище «Кладбищенский Старик».

Характеру такого человека должна быть чужда, как представляется, даже безобидная жизнерадостность. Однако среди людей, разделявших его религиозные убеждения, он слыл человеком веселого нрава. Потомков гонителей его веры и всех, кого он подозревал в приверженности к тем же религиозным взглядам, а также безбожников, нередко пристававших к нему со своим зубоскальством, он именовал не иначе как исчадьем ехидны. В беседе со всеми другими он соблюдал важность и уснащал свою речь нравочениями, не лишенными налета суровости. Впрочем, как утверждают, он никогда не выходил из себя, разве только один-единственный раз, когда какой-то негодник мальчишка отбил камнем нос у того херувима, над восстановлением которого старик в то время трудился. Вообще говоря, я берегу розгу и не следую тому правилу царя Соломона^[22], за которое школьники едва ли могут быть ему благодарны, но в данном случае и я, надо полагать, показал бы, что не испытываю ненависти к ребенку. Но

пора вернуться к рассказу об обстоятельствах, при которых состоялась моя первая встреча с этим интереснейшим энтузиастом.

Подойдя к Кладбищенскому Старик и почтительно извинившись, что нарушаю его труды, я не преминул отдать дань почтения его возрасту и убеждениям. Старик отложил резец, которым работал, вынул очки, протер их и, водрузив на нос, с подобающе учтивостью ответил на мое обращение. Ободренный его любезностью, я стал расспрашивать о страдальцах, памятником которым он тогда занимался. Говорить о подвигах ковенантеров было для него истинным наслаждением, подновлять их могилы – делом всей его жизни. Он принялся подробно выкладывать все собранные им на этот счет сведения об их войнах, об их скитаниях. Можно было подумать, что он их современник и своими глазами видел события, о которых рассказывает; он настолько проникся их чувствами и мыслями, что повествование его было обстоятельно, как рассказ очевидца.

– Мы, – сказал он, воодушевляясь, – мы единственные настоящие виги. Следуя за тем, кому принадлежит царство мира сего, люди, помышлявшие лишь о земном, присвоили себе это победоносное имя. Но кто из них просидел бы шесть часов сряду на сыром склоне холма, чтобы выслушать проповедь слова Божия? И часу, готов поручиться, было бы с них довольно! Да, они нисколько не лучше тех, кто не стыдится носить имя наших гонителей, кровожадных тори! Все они себялюбцы, алчущие богатств, власти, мирской суеты, предавшие забвению все, что было сделано и достигнуто отважными и могучими, шедшими на приступ в день великого гнева. И не приходится удивляться, что они трясутся от страха, как бы не свершилось возвещенное устами достопочтенного мистера Пидена (это бесценный слуга Господний, и всякое слово его исполнилось), предсказавшего, что мусью французы вскоре наводнят долины Эйра и хижины Гэллоуэя, как горцы в тысяча шестьсот семьдесят седьмом году. А теперь они хватаются за луки и копья, тогда как им только и остается, что оплакивать свою грешную землю и погранный ковенант.

Я не стал оспаривать его странные взгляды и дал старику успокоиться; затем, загоревшись желанием продолжить беседу с этим любопытнейшим человеком, я убедил его воспользоваться радушным гостеприимством, которое мистер Клейшботэм охотно оказывал всякому, кто в нем нуждался. По пути к дому учителя мы завернули в трактир Уоллеса, где в этот вечерний час всегда можно было застать моего покровителя. После вежливого обмена приветствиями Кладбищенский Старик с трудом сдался на уговоры своего будущего квартирохозяина разделить с ним компанию и пропустить стаканчик спиртного, причем он согласился на это лишь при условии, что ему будет позволено произнести подобающий тост; предпослав ему молитву минут на пять, он с непокрытой головой, возведя к небу глаза, осушил свой стакан в память тех героев пресвитерианской церкви, которые первыми подняли в горах ее знамя. Никакие увещания не могли его убедить продлить это пиршество и снизить хотя бы ко второй чарочке, и мой покровитель повел его к себе в дом и устроил в «Келье Пророка», как ему было угодно называть комнатку, в которой есть запасная кровать и которая часто служит приютом неимущему путнику⁸.

На следующий день я попрощался с Кладбищенским Стариком, растроганным, видимо, тем неослабным вниманием, которым я старался его окружить и с которым слушал его рассказы. Взобравшись не без труда на старого белого пони, он взял меня за руку и сказал: «Да пребудет с вами, молодой человек, благословенье Господне! Часы мои подобны колосьям, поспев-

⁸ Здесь мистер Петтисон мог бы добавить: и имущему также, ибо – благодарение моей счастливой звезде – с тех пор и великие мира сего не раз находили пристанище в моем скромном жилище. И пока у меня в доме жила служанка Дороти, девушка веселого нрава и приятной наружности, его милость владелец поместья Смекоу по дороге в столицу и на обратном пути благоволил предпочитать мою «Келью Пророка» даже спальне песочного цвета с кроватью под балдахином в трактире Уоллеса, а также осушать у меня чарку-другую, чтобы, как он говаривал в шутку, освоиться с новосельем, но в действительности чтобы скоротать со мной вечерок. – Д.К.

шим для жатвы, тогда как дни ваши – еще весенние дни, и все же вы, может статься, попадете в закрома смерти прежде, чем придет мой черед, ибо коса ее скашивает зеленыя так же часто, как и то, что созрело; и к тому же на ваших щеках румянец, под которым порою так же, как и в нераспустившейся розе, таится точащий изнутри червь. Поэтому трудитесь, как тот, кто не ведает, когда его призовет Господь. И если на мою долю выпадет возвратиться в эту деревню после того, как вы отойдете в уготованное вам место, эти старые, изборожденные морщинами руки соорудят над вашей могилой надгробие, дабы имя ваше не изникло среди людей».

Поблагодарив Кладбищенского Старика за его добрые побуждения и намерения, я подумал о том, что, быть может, вскоре и в самом деле потребуется его дружеская услуга, и тяжело вздохнул – полагаю, не от жалости к самому себе, а из покорности воле Божьей. Он, вероятно, нисколько не ошибался, считая, что течение моей жизни может оборваться в дни моей молодости, но он все же преувеличивал длительность оставшегося ему земного пути. Вот уже несколько лет, как он перестал появляться в местах, которые всегда посещал, и могильные плиты, подновлять кои было делом всей его жизни, опять начали зарастать мхом и лишайником. Свое земное поприще он окончил в начале нынешнего столетия. Его нашли на большой дороге близ Локерби в Дамфриршире в совершенном изнеможении и при последнем издыхании. Старый белый пони, его постоянный товарищ и спутник, стоял возле своего умирающего хозяина. На покойном были обнаружены кое-какие деньги, впрочем, достаточные для приличных похорон, и это доказывает, что его смерть не была ни насильственной, ни последовавшей от чрезмерных лишений. Простой народ и по сей час благоговейно хранит память о нем, и многие держатся того мнения, что надгробные плиты, которых касалась его рука, никогда больше не будут нуждаться в резце. Мало того, они утверждают, что надписи на надгробиях, упоминающие об обстоятельствах, при которых были убиты эти мученики за веру, а также их имена читаются после кончины Кладбищенского Старика так же отчетливо, как и при его жизни, тогда как имена гонителей, высеченные на тех же надгробиях, совершенно изгладились. Едва ли нужно указывать, что эти толки – плод досужего воображения и что со дня смерти благочестивого странника памятники, бывшие предметом его заботы, как и все творения рук человеческих, быстро ветшают и превращаются в прах.

Мои читатели, разумеется, понимают, что, включив в это сжатое повествование многочисленные истории, которые мне удалось узнать от Кладбищенского Старика, я не стал воспроизводить ни его стиля, ни его мыслей, ни даже тех или иных сообщенных им фактов, явно искаженных его сектантскими предрассудками. Я постарался проверить их подлинность и восстановить истину и с этою целью собрал достоверные сведения, добытые мною у представителей обеих сторон.

Что касается пресвитериан, то я расспрашивал тех фермеров западных округов, которые, проживая на пустошах, то ли благодаря доброте владельцев арендуемой ими земли, то ли как-нибудь иначе сумели сохранить за собой при последнем всеобщем переделе земельной собственности те самые пастбища, где их предки пасли своих овец и быков. Должен сознаться, я только недавно понял, как мало может дать этот источник. В поисках дополнительных сведений я обратился к тем скромным, вечно кочующим людям, которых щепетильная вежливость наших предков именовала странствующими торговцами, а мы, применяясь как в этом, так и в более важных вопросах ко вкусам и склонностям наших более богатых соседей, стали называть коробейниками или разносчиками. Многими добавлениями и пояснениями к рассказам Кладбищенского Старика, совсем во вкусе и духе последнего, я также обязан деревенским ткачам, обычно странствующим по стране в надежде сбыть плоды своих зимних трудов, и особенно бродячим портным, которые благодаря своему, так сказать, сидячему ремеслу и необходимости временно проживать, занимаясь своею работой, в разных местах, в семьях, прибегающих к их услугам, являются хранителями сельских преданий.

Гораздо труднее было разыскать материалы, которые помогли бы очистить эти кладези народных преданий от пропитавших их насквозь предубежденности и пристрастности, без чего было бы невозможно нарисовать правдивую во всех отношениях картину нравов этой злосчастной эпохи и воздать должное доблести обеих сторон. Впрочем, я смог сопоставить рассказы Кладбищенского Старика и его друзей-камеронцев с сообщениями потомков нескольких старинных и почтенных родов; низведенные силою обстоятельств до весьма незавидной жизненной доли, они все же горделиво оглядываются на те времена, когда их предки сражались и погибали за дело изгнанного дома Стюартов. Я даже могу похвалиться, что между моими осведомителями были и важные духовные лица, ибо несколько неприсягнувших священников, авторитет и доходы которых, равно как и их апостолический чин, таковы, что им мог бы позавидовать злейший ненавистник епископства, соблаговолили за скромной трапезою в трактире Уоллеса снабдить меня сведениями, дополнившими и уточнившими то, что я узнал от других. Добавлю, что в наших краях проживает несколько землевладельцев, которые не очень-то стыдятся того, что их отцы служили в карательных отрядах Эрлшелла и Клеверхауза, хотя, говоря об этом, и пожимают плечами. Я также сумел собрать немало весьма ценных сведений и от егерей только что упомянутых джентльменов – в знатных домах эта должность чаще всякой другой становилась наследственной.

В общем, у меня едва ли есть основания опасаться, что, описывая влияние, которое оказывали противостоявшие друг другу воззрения на хороших и дурных людей той эпохи, я могу в наши дни быть заподозренным в сознательном оскорблении или очернении одной из сторон. Хотя воспоминания о перенесенных в прошлом обидах, ультрароялизм, презрение и ненависть противников породили жестокость и произвол одной из враждующих партий, вместе с тем едва ли можно отрицать, что рвение к дому Господню если и не поглотило ковенантеров до конца, то, по меньшей мере, перефразируя слова Драйдена^[23], уничтожило добрую долю их верноподданнических чувств, здравого смысла и воспитанности. Мы можем с уверенностью сказать, что души отважных и искренних, принадлежавших к той и другой партии, долгие годы взирали с небес, как в этой юдоли тьмы, крови и слез извращаются их идеи, порождая взаимную ненависть и вражду. Мир их памяти! Будем же думать о них не иначе, чем думает об умершем отце, умоляя о том же своего господина, героя нашей единственной шотландской трагедии:

О, не тревожьте прах своих отцов!
Неумолимый гнев был их виною,
И тяжким было искупленье их.

Глава II

*И на заре сто всадников лихих
Для нас к воротам замка соберите.
Дуглас*

В царствование последних Стюартов правительство старалось противодействовать всеми доступными ему средствами аскетическому, или, что то же, пуританскому, духу – этой характерной особенностью республиканского правительства времен революции – и оживить те феодальные учреждения, которые связывали вассала с ленным владельцем, а их обоих – с короною. Власти устраивали частые смотры и народные празднества, объединяя боевые учения со всевозможными состязаниями и развлечениями. Их опека в последнем случае была по меньшей мере недалновидной, ибо, как всегда при таких обстоятельствах, те, кто вначале был всего-навсего щепетилен в вопросах совести, вместо того чтобы отступить перед преследованием властей, укреплялись в своих воззрениях, и молодежь обоего пола, для которой флейта и барабан в Англии или волынка в Шотландии сами по себе могли составить неодолимый соблазн, оказалась в состоянии пренебречь ими, находя для себя опору в горделивом сознании, что и в этом она сопротивляется воле совета. Побудить людей плясать и предаваться веселью по принуждению редко удавалось даже на борту невольничьих кораблей, где в прежние времена делались, бывало, попытки заставить несчастных узников немного размяться и разогнать застоявшуюся кровь в те считанные минуты, в которые им позволяли наслаждаться на палубе свежим воздухом. И чем упорнее пыталось правительство ослабить аскетизм ревностных пресвитериан, тем непримиримее он становился и тем шире распространялся. Истинно иудейское соблюдение седьмого дня, презрительное осуждение всех мужских развлечений и безобидных забав, равно как и «нечестивого» обыкновения плясать вперемешку, когда мужчины и женщины танцуют в одном хороводе (сколько я знаю, они допускали, что это занятие может быть и вполне невинным при условии, чтобы те и другие водили отдельные хороводы), отличали всех тех, кто среди них выделялся святостью жизни. Они же по мере возможности отваживали народ даже от привычных издавна «боевых смотров», как их тогда принято было именовать, на которые созывалось феодальное ополчение графства и куда каждый вассал короны под угрозой строгих, определенных законами наказаний был обязан являться с установленным для его владения количеством воинов и вооружения. Эти смотры особенно заботили ковентеров, так как проводившие их лорды-лейтенанты^[24] и шерифы^[25] в соответствии с указаниями правительства не щадили усилий, чтобы сделать их притягательными для молодежи, которую, конечно, могли увлечь и утренние боевые учения, и завершавшие этот день вечерние состязания.

Вот почему проповедники и приверженцы ревностных пресвитериан прилагали всяческие старания, чтобы предостережениями, увещаниями и прямым принуждением уменьшить число участников этих смотров: они хорошо понимали, что, действуя таким образом, они препятствуют распространению того *esprit de corps*⁹, который в короткое время сплачивает молодых людей, привыкающих общаться друг с другом на соревнованиях в мужской ловкости и на военных учениях, и тем самым ослабляет не только внешне, но и по существу силу правительства. Исходя из этого, они делали все возможное, чтобы удержать от участия в смотре всякого, кто мог бы удовлетворительно объяснить причину своей неявки, и были особенно суровы и непреклонны в отношении тех из своих прихожан, которые из пустого любопытства отправлялись поглазеть на интересное зрелище или из любви к телесным упражнениям становились

⁹ Товарищества (*фр.*).

участниками учений и состязаний. Но хотя многие из мелкопоместных дворян разделяли на этот счет кальвинистские взгляды^[26], они далеко не всегда имели возможность поступать соответственно с ними. Веления закона были строгими и неуклонными, и Тайный совет, высший орган исполнительной власти в Шотландии, беспощадно наказывал вассалов короны, пропустивших без достаточных оснований очередной смотр. Землевладельцам поэтому приходилось волея-неволей посылать в назначенные для сборов места своих сыновей, арендаторов и вассалов – столько людей, лошадей и копий, сколько за ними было записано; и нередко случалось, что юные воины оказывались не в силах справиться с искушением принять участие в следовавших за смотрами состязаниях или не могли уклониться от посещения церкви и от присутствия на происходивших в этих случаях богослужениях и, таким образом, по мнению своих негодующих и гневающихся родителей, прикасались к тому, над чем тяготеет Господне проклятие и что в глазах Господа – величайшая мерзость.

Утром 5 мая 1679 года – с этой даты и начинается наш рассказ – на обширной плоской равнине по соседству с одним королевским местечком^[27], название которого для моего повествования несущественно, шериф графства Ланарк производил боевой смотр феодальному ополчению захолустного округа, носившего наименование Верхний Уорд Клайдсдейла. После смотра и неизбежного разбора учений молодым людям, как обычно, предстояло приняться за различные состязания, главнейшим из которых была стрельба в «попку» – старинная забава с применением в былые дни луков и стрел, а в описываемое время – огнестрельного оружия. Этот «попка» представлял собой птичье чучело с пестрыми перьями, что и делало его похожим на попугая. Он был подвешен на шесте и служил мишенью, по которой стрелки поочередно разряжали свои ружья и карабины с расстояния шестьдесят или семьдесят шагов. Кто сбивал мишень на землю, тому на остаток дня присваивалось почетное звание «Капитана Попки», и обычно толпа торжественно провожала его до наиболее известного в округе трактира, где вечер и завершался веселым пиршеством, протекавшим под его председательством, а если он был в состоянии выдержать бремя связанных с ним издержек, то и за его счет.

Само собой разумеется, что местные дамы, за исключением, пожалуй, наиболее ревностных пуританок, почитавших за грех присутствовать на подобном шабаше нечестивцев, не преминули прибыть на это благородное соревнование в меткости. Ландо, кабриолетов и тильбюри в те бесхитростные времена еще не существовало. Только лорд-лейтенант графства (должностное лицо в ранге герцога) притязал на такое великолепие, как карета, то есть нечто покрытое поблекшею позолотой и резными украшениями и напоминавшее по форме ноев ковчег на лубочной картинке. Герцогская карета была влекома восемью длиннохвостыми фландрскими кобылами и вмещала восемь внутренних седоков и еще шесть наружных. Те, что сидели внутри, были сами их светлости, две фрейлины, двое детей, капеллан, всунутый в своего рода боковую нишу, образуемую выступом для дверей колымаги и прозванную «сапогом», и штальмейстер его светлости, запряженный в такой же закуток с другого бока. Кучер и трое форейторов – обладатели коротких шпаг и париков в три косицы – с мушкетами за спиной и пистолетами у луки седла правили колымагой. На подножке позади этих хором на колесах стояли или, вернее, висели в три ряда друг над другом шестеро вооруженных до зубов слуг в богатых ливреях. Остальное дворянство – мужчины и женщины, молодые и старые – было верхами в сопровождении слуг; впрочем, общество по причинам, отмеченным выше, было скорее избранным, чем многолюдным.

Невдалеке от необъятной кожаной колымаги – мы уже попытались дать ее описание, – как бы отстаивая превосходство своей титулованной госпожи над нетитулованным дворянством округа, виднелась степенная и смиренная лошадь леди Маргарет Белленден, несшая на себе сухое и угловатое тело самой леди Маргарет, облаченной в неизменные вдовьи одежды: славная леди не снимала их со дня казни своего супруга, осужденного за близость к Монтрозу^[28].

Ее внучка и единственная земная забота, светловолосая Эдит, единогласно признанная самой прелестной девицей во всем Верхнем Уорде, держалась позади своей пожилой родственницы и казалась весной, следующей по пятам за зимою. Ее вороная испанской породы лошадка, которой она правила с большой грацией, ее нарядный костюм амазонки, ее дамское, расшитое галуном седло были тщательно продуманы и подчеркивали наиболее выгодные стороны ее внешности. Пышные локоны, ниспадавшие из-под шляпы и повязанные зеленою лентой, лицо, красивое и привлекательное, не лишенное известного оттенка игривой насмешливости, спасавшего ее безукоризненно правильные черты от безжизненности, – упрек, который обращают порой к белокурым и голубоглазым красавицам, – все это вызывало у молодежи большее восхищение, нежели роскошь ее убора и стать ее лошади.

Свита этих знатных дам не соответствовала, однако, ни их рождению, ни обычаю того времени, так как состояла всего из двух верховых слуг. По правде говоря, славная старая леди, дабы полностью выставить воинов, которых ее баронству полагалось послать на смотр, – а допустить, чтобы там обнаружилась недостача, она бы не согласилась ни за что на свете, – была вынуждена призвать к оружию всю свою челядь. Старик управитель в стальном шлеме и необъятных ботфортах, который возглавил ее ополченцев, отпотел, по его выражению, водой и кровью, силясь взять верх над увертками и уловками фермеров с пустошей, которые в таких случаях были обязаны поставлять людей, лошадей и сбрую. В конце концов их спор привел к почти открытому объявлению войны, так как разъяренный сторонник епископства обрушил на упрямых смутьянов громы и молнии, суля им кары небесные, и услышал взамен предупреждения, угрожавшие ему кальвинистской анафемой. Как следовало ему поступить? Наказать строптивых арендаторов было проще простого. Тайный совет не замедлил бы наложить на них денежный штраф и прислать кавалерийский отряд, чтобы его взыскать. Но это было бы то же самое, что впустить в огород охотников и собак с целью затравить зайца.

«Мужичье, – сказал себе Гаррисон, – в конце концов не очень-то богато добром, и если я позову красные куртки^[29] и отберу у него то небольшое, чем оно обладает, то как сможет моя высокочтимая госпожа собрать на Сретенье причитающуюся ей арендную плату, если даже в лучшие времена это было делом нелегким?»

Итак, он вооружил охотника, сокольничего, лакея и пахаря с фермы при замке, а также вечно пьяного дворецкого-роялиста, когда-то служившего вместе с покойным сэром Ричардом под началом Монтроза и поражавшего вечерами тиллитудлемских слуг разглагольствовани-ями о своих подвигах при Килсайте и Типпермуре^[30], – единственного белоручку в отряде, не испытывавшего ни малейшей склонности к физическому труду. Таким образом, завербовав еще не то одного, не то двух равнодушных к делам религии браконьеров и любителей ловить рыбу в запретных водах, мистер Гаррисон набрал наконец ровно столько людей, сколько приходилось на долю леди Маргарет Белленден, как пожизненной владелицы баронства Тиллитудлем и прочих угодий. Но когда управитель в утро этого злополучного дня инспектировал свое *troup d'oree*¹⁰ перед железными воротами замка, появилась мать Кадди Хедрига, пахаря, нагруженная ботфортами, курткой из буйволово-вой кожи и прочими предметами снаряжения, розданными заранее всем назначенным в ополчение, и, сложив все это у ног управителя, вкрадчиво и учтиво сказала, что не ей судить, может статься, то болезнь живота, а может, и угрызения совести, но только Кадди метался целую ночь, и она не сказала бы, что утром ему полегчало. Тут перст Божий, продолжала она, и ее мальчик ни за что не пойдет выполнять подобные поручения. Угрозы наказать, наложить штраф, наконец, выгнать, последовавшие в ответ на ее заявление, оказались напрасными; мать Кадди была упряма, да и сам он при обследовании его на дому, предпринятом с целью проверки его телесного состояния, то ли не мог, то ли не хотел отвечать иначе, как тяжкими вздохами. Что касается Моз, то она с давних пор служила

¹⁰ Блистательное войско (*фр.*).

при доме, была в некотором роде любимицей леди Маргарет и соответственно с этим держала себя. Леди Маргарет самолично отправилась к Хедригам, но и ее вмешательство не увенчалось успехом. И вот в этот трудный момент добрый гений старого пьянчуги дворецкого подсказал выход. Ему пришлось повидать немало славных ребят, которые были, пожалуй, еще помельче, чем этот Гусенок Джибби, но они здорово дрались под началом Монтроза. А почему бы не взять с собой этого самого Джибби?

Это был слабоумный мальчуган очень малого роста, находившийся под началом у старой птичницы и помогавший ей ухаживать за домашнею птицей; в шотландском доме в эту пору было довольно странное разделение труда. Мальчика возвратили с жнивья, поспешно завернули в куртку из буйволовой кожи и, вернее сказать, не ему пристегнули меч, а его пристегнули к большому мечу взрослого воина. Его крошечные ножки утонули в ботфортах, а стальной шлем огромных размеров, водруженный на его голову, был предназначен, казалось, для того, чтобы его удушить. Снаряженный описанным образом, он был посажен, по его собственной настоятельной просьбе, на самую смирную лошадь в отряде и под опекою и руководством старого дворецкого Джона Гьюдыла, ехавшего непосредственно перед ним, благополучно прошел смотр: дело в том, что шериф не нашел нужным подвергнуть тщательной проверке рекрутов столь благонамеренной личности, как леди Маргарет Белленден.

Вот почему личная охрана леди Белленден в этот достопамятный день состояла всего из двух слуг – при других обстоятельствах она, разумеется, постыдилась бы показаться на людях с такой жалкою свитой. Но для королевского дела она готова была в любое мгновение на неограниченные личные жертвы. Она потеряла в гражданских войнах этой многострадальной эпохи мужа и двух сыновей, на которых возлагала большие надежды; но она познала также и сладость вознаграждения, ибо, двигаясь через Западную Шотландию навстречу Кромвелю – их столкновение произошло на злосчастном поле под Вустером^[31], – Карл II соблаговолил позавтракать у нее в Тиллитудлеме, и это событие положило начало новой и важной эре в жизни леди Маргарет, которая начиная с этого дня редко когда принималась за завтрак, будь то дома или в гостях, без того, чтобы не рассказать подробнейшим образом о посещении его величества короля, не забывая при этом упомянуть о приветствии, коим его величество почтил обе ее щеки, но опуская порою в своем рассказе, что той же милостью были отмечены и две пухленькие служанки, неотступно следовавшие за нею и возведенные на один этот день в ранг дежурных статс-дам.

Эти знаки монаршей милости оказались решающими, и если бы леди Маргарет не была убежденною роялисткой по воспитанию, из сознания своего высокого происхождения и из ненависти к мятежной партии, по вине которой она претерпела столько семейных несчастий, уже одно то, что ей довелось предложить завтрак монарху и получить взамен королевскую благодарность, было само по себе столь великою почестью, что связало бы ее раз и навсегда с судьбою Стюартов. Эти последние теперь явно восторжествовали над своими врагами, но ведь преданность леди Белленден оставалась нерушимой даже в самые худшие времена и была способна претерпеть столь же суровые удары судьбы, если бы чаша весов этой династии опустилась опять. В описываемый момент она радовалась от всего сердца при виде военной мощи, готовой отстаивать королевскую власть, и сдерживала, насколько могла, раздражение, вызванное недостойным дезертирством ее собственных подданных.

Ее милость и присутствовавшие на смотре представители различных преданных королевскому дому родовитых семейств, питавшие к ней глубокое уважение, успели обменяться множеством всяких учтивостей, и не один знатный юноша, проезжая мимо в рядах ополчения, выпрямлялся в седле и поднимал своего коня на дыбы, чтобы показать мисс Эдит Белленден в наиболее выгодном свете и свое искусство наездника, и отменную выездку своего скакуна.

Но юные кавалеры, отличавшиеся высоким происхождением и несомненными верноподданническими чувствами, привлекали не больше внимания мисс Эдит, чем этого требовали

непререкаемые правила этикета: она равнодушно внимала расточавшимся ей комплиментам, по большей части изрядно затасканным, хотя и позаимствованным ради такого случая из надуманных и бесконечно нудных романов Кальпренеда^[32] и Скюдери^[33], поставлявших молодежи эпохи излюбленные образцы для всемерного подражания, пока мода не выбросила за борт балласта и не заменила своих тяжелых и больших кораблей – таких, как романы «Кир», «Клеопатра» и кое-какие другие, – легкими и небольшими судами, так же мало нуждавшимися в глубокой воде или, чтобы выразиться яснее, требовавшими столь же малой затраты времени, как и тот малый челн, в который соблаговолил сесть мой благосклонный читатель. Однако судьбе было угодно не дать мисс Белленден выказывать до конца дня такую же невозмутимость.

Глава III

*От боли вскрикнул всадник, и с коня
Он рухнул вниз, доспехами звеня¹³⁴.
«Утехи надежды»*

По окончании военных учений, прошедших, принимая во внимание неуклюжесть людей и коней, относительно хорошо, громкий крик возвестил, что соревнующиеся готовы приступить к стрельбе в «попку», которого мы уже описали. Под возгласы столпившегося народа был поднят столб или, точнее, шест с поперечною рейкой, с которой свисала мишень; теперь не могли подавить в себе интерес к предстоящему соревнованию даже те, кто перед этим наблюдал за перестроениями феодальной милиции с презрительной и злорадной усмешкой, вызванной их откровенною неприязнью к королевскому делу. Собравшись у стрелкового рубежа, они встречали критическими замечаниями каждого участника состязания по мере того, как те выходили друг за другом вперед и стреляли по цели, причем их ловкость или неловкость вознаграждались одобрением или смехом многочисленных зрителей. Но когда вышел стройный молодой человек с ружьем наготове, одетый просто, но не без некоторого щегольства и изящества – его темно-зеленый откинутый назад плащ, кружевные брыжи и шляпа с перьями свидетельствовали о том, что это не какой-нибудь простолюдин, – в толпе зашептались; но говорило ли это о безусловном одобрении молодого стрелка, решить было трудно.

– Увы, милостивые государи! Видеть сына такого отца за столь беспутным занятием! – восклицали старшие и наиболее ревностные из пуритан, в ком любопытство настолько превозмогло фанатизм, что привело их на площадку для состязаний. Впрочем, большинство смотрело на происходившие соревнования отнюдь не так мрачно и ограничилось пожеланиями успеха сыну покойного пресвитерианского военачальника, не вдаваясь в тщательное исследование вопроса, пристойно ли ему быть одним из соискателей приза.

Их пожелания исполнились. С первого выстрела зеленый стрелок сразил попугая – то было первое попадание за весь день, хотя перед этим несколько пуль пролетели почти у самой мишени. Последовал дружный взрыв рукоплесканий. Однако этот успех не был решающим, так как еще не стрелявшие участники состязания имели право, в свою очередь, попытать счастья, после чего те, кому удалось поразить цель, должны были продолжать соревнование между собой, пока кто-нибудь один не добьется окончательного превосходства. Из всех остальных еще только двоим удалось попасть в попугая. Первый был молодой человек низкого звания, не ладно скроенный, но крепко сшитый, прикрывавший лицо серым плащом; второй – изящный молодой кавалер, примечательный своей красивою внешностью, нарядно одетый ради такого дня. Во время смотра он держался около леди Маргарет и мисс Белленден и покинул их с выражением безразличия на лице лишь после того, как леди Маргарет обратилась к нему с вопросом, почему никто из молодых людей знатных родов и роялистских убеждений не оспаривает победу у двух удачливых юношей. В какие-нибудь полминуты лорд Эвендел спрыгнул с коня, взял ружье у своего слуги и, как мы отметили выше, поразил цель. Продолжение борьбы между тремя добившимися удачи соперниками вызвало наибольший интерес. Парадная колымага герцога, не без труда приведенная в движение, приблизилась к месту действия. Всадники и всадницы тронулись вслед за нею, и все взоры устремились туда, где решался исход состязания в меткости.

По правилу, соперникам перед вторым кругом нужно было установить жребием очередность стрельбы. Первый выстрел достался молодому простолюдину, который, выйдя вперед, слегка приподнял плащ и, приоткрыв свое простое лицо крестьянского парня, сказал кавалеру

в зеленом: «Знаете, мистер Генри, в другой день я бы с удовольствием промазал из почтения к вам, но Дженни Деннисон смотрит на нас, и я должен показать себя в лучшем виде».

Он приложился к ружью и выстрелил; пуля прошла так близко от цели, что было видно, как вздрогнула подвешенная на рейке мишень, но все же он промахнулся, и ему пришлось отказаться от дальнейшего участия в состязании; опустив глаза, он поспешил удалиться, словно боялся быть узнанным. Вслед за ним вышел зеленый стрелок, и его пуля вторично попала в «попку». Все вокруг ликовало, и где-то в задних рядах закричали: «Да здравствует старое правое дело!»

Пока представители власти, слыша эти возгласы злонамеренных, хмурились, молодой лорд Эвендел успел еще раз попытать счастья, и снова успешно. Крики ликования и поздравления благонамеренных и аристократической части общества приветствовали успех, но на этом состязание в меткости еще не закончилось.

Зеленый стрелок, желая, как видно, ускорить решение спора, взял своего коня у того, на чьем попечении он находился, и, предварительно осмотрев, подтянута ли подпруга и все ли в порядке с седлом, вскочил на него. Помахивая рукою, чтобы ему уступили дорогу, он прищпорил коня, пустил его галопом к тому месту, откуда ему предстояло стрелять, и, поравнявшись с ним, бросил поводья, повернулся боком в седле, разрядил карабин и сбил попугая. Лорд Эвендел последовал его примеру, хотя многие стоявшие возле него заявляли, что это – новшество, идущее вразрез с установившимися обычаями, и что он не обязан ему подчиняться. Но то ли он не владел оружием с таким совершенством, то ли его лошадь не была так хорошо выезжена. При выстреле своего хозяина животное шарахнулось в сторону, и пуля пролетела, не задев попугая. Те, кого восхитила ловкость стрелка в зеленом, были теперь приятно изумлены и его учтивостью. Он утверждал, что последний выстрел не имеет никакого значения, и предложил своему противнику не засчитывать его как попадание и возобновить поединок, на этот раз спешившись.

– Я предпочел бы верхом, если б мой конь был так же хорошо выезжен и, возможно, приучен к стрельбе на скаку, как ваш, – сказал молодой лорд, обращаясь к сопернику.

– Не соблаговолите ли вы оказать мне честь и воспользоваться им в следующем круге, при условии, что одолжите мне вашего? – ответил молодой джентльмен.

Лорд Эвендел не решался принять эту любезность, так как предвидел, насколько потеряла бы в блеске его победа, согласись он на подобное предложение, но желание восстановить свою славу искусного стрелка все же возобладало, и он добавил, что, отказываясь от притязаний на почетное звание (это было сказано несколько презрительным тоном), он тем не менее, если победитель не возражает, готов принять его любезное предложение и обменяться конями исключительно для того, чтобы выстрелить в честь своей дамы. Сказав это, он смело посмотрел в сторону мисс Белленден, и, как утверждает молва, туда же, хотя и не так открыто, были направлены взоры юного *tirailleur*'а¹¹. Последний выстрел лорда Эвендела был так же неудачен, как предыдущий, и ему с трудом удавалось сохранять тот тон презрительного равнодушия, которым он до того разговаривал. Понимая, однако, что досада побежденного только смешна, этот молодой человек, возвращая лошадь, верхом на которой проделал свою последнюю и столь же безуспешную попытку, и получая взамен свою, принес благодарность сопернику, восстановившему, как он заявил, честь его любимого коня: ведь ему угрожала опасность свалить на бедную лошадку вину за испытанную им неудачу, которую теперь каждый, и он сам в первую очередь, должен отнести за счет всадника. Произнеся эти слова тоном, в котором досада набрасывала на себя покров равнодушия, он сел на коня и отъехал в сторону.

Как всегда в нашем мире, одобрение и внимание даже тех, кто от всей души желал успеха лорду Эвенделу, после понесенного им поражения сосредоточились на его восторжествовав-

¹¹ Стрелка (*фр.*).

шем сопернике. «Кто он? Как его зовут?» – спрашивали присутствовавшие на состязании землевладельцы-дворяне у тех немногих, кто его знал. Вскоре его имя и звание стали известны решительно всем, и, так как он был из того сословия, почтить которое великий человек мог без умаления собственного достоинства, четверо друзей герцога с такой же угодливостью, какую бедняга Мальволио^[35] приписывает своей воображаемой свите, решили представить победителя пред его светлые очи. Осыпая молодого человека поздравлениями с успехом, они торжественно сопровождали его сквозь толпу зрителей, и тут ему случилось проехать или, вернее, быть проведенным мимо леди Маргарет и ее внучки. И Капитан Попки и мисс Белленден, смущенно ответившая на низкий поклон, которым приветствовал ее победитель, склонившись чуть не до луки седла, покраснели как маков цвет.

– Ты знакома с этим молодым человеком? – спросила леди Маргарет.

– Да... сударыня... я его видела как-то у дяди и... помнится, где-то еще... – прошептала мисс Эдит Белленден.

– Тут говорят, – продолжала леди Маргарет, – что этот молодой щеголь – племянник старого Милнвуда?

– Сын покойного полковника Мортон из Милнвуда, который с большим мужеством командовал кавалерийским полком при Данбаре и Инверкейтинге^[36], – заметил с высоты своего седла джентльмен, конь которого стоял бок о бок с конем леди Маргарет.

– И который до этого сражался на стороне пуритан при Марстон-муре и Филипхоу^[37], – добавила леди Маргарет, со вздохом произнося эти роковые названия, неизменно беревившие в ней печальные воспоминания о гибели мужа.

– Память вашей светлости безупречна, – сказал джентльмен, улыбаясь, – но, право, было бы лучше, если бы все это было забыто.

– Но ему подобало бы помнить об этом, Гилбертсклю, – сказала в ответ леди Маргарет, – и не втираться в общество тех, у кого его имя вызывает неприятные воспоминания.

– Вы забываете, моя любезная леди, – возразил ее собеседник, – что молодой человек выполняет здесь обязанности и повинности своего дяди. Было бы очень неплохо, если бы каждое поместье в округе посылало на смотр таких же отличных ребят.

– Его дядя, надо полагать, такой же круглоголовый^[38], как и его покойный отец, – заметила леди Маргарет.

– Он всего-навсего старый скряга, – сказал Гилбертсклю, – и полновесный золотой в любое время перевесит его политические воззрения; вот почему, опасаясь денежных штрафов и прочих взысканий, он и послал сюда юного джентльмена, погрешив, возможно, против своих убеждений. Ну, а юнец – тот, вероятно, на седьмом небе, что улизнул на денек из унылого старого дома в Милнвуде, где он видит лишь желчного дядю и его всесильную домоправительницу.

– Не могли бы вы вспомнить, сколько людей и коней обязаны выставлять земли Милнвуд? – продолжала допрос старая леди.

– Двух вооруженных всадников, – ответил Гилбертсклю.

– А наша земля, – заявила леди Маргарет, с достоинством приосаниваясь в седле, – испокон веку посылала на смотры по восьми всадников, кузен Гилбертсклю, а нередко и втрое больше, и еще добровольное ополчение. Припоминаю, что его священнейшее величество король Карл, когда вкушал у меня в Тиллитудлеме завтрак, особенно подробно расспрашивал...

– Карета герцога, я вижу, уже тронулась с места, – поспешил сказать Гилбертсклю, испытывая в этот момент хорошо знакомую всем друзьям старой леди тревогу, охватывавшую их всякий раз, как она заводила речь о посещении королем ее родового гнезда. – Карета герцога, я вижу, уже тронулась с места; полагаю, что и ваша милость не преминет воспользоваться своим правом покинуть вслед за герцогом этот луг. Не разрешите ли проводить вашу милость и мисс

Белленден домой? Банды этих дикарей-вигов бродят в окрестностях, и поговаривают, что они обезоруживают и бесчестят благонамеренных, проезжающих без надежной охраны.

– Благодарим вас, кузен Гилбертсклю, – ответила леди Маргарет, – нас будут сопровождать мои люди, и, надеюсь, мы меньше чем кто-либо нуждаемся в том, чтобы причинять беспокойство друзьям. Будьте любезны сообщить Гаррисону, чтобы он привел сюда наших людей, и как можно скорее; он двигается до того медленно, словно едет во главе похоронной процессии.

Гилбертсклю послал человека, и тот передал приказания ее милости верному Гаррисону.

Честный управитель имел свои основания сомневаться в благоразумии полученного распоряжения, но, раз оно было отдано и передано, оставалось только повиноваться. Он пустил коня легкой рысцей; за ним следовал старый дворецкий, отличавшийся военной выправкой, которую приобрел, служа под началом Монтроза, и бросавший вокруг себя исполненные презрения взгляды, становившиеся все надменнее и все строже под влиянием винных паров, исходивших от чарки бренди, проглоченной им впопыхах в перерыве между исполнением служебных обязанностей за здоровье короля и гибель пуританского ковенанта. К несчастью, он подкрепился чересчур основательно, и из его памяти начисто улетучилось, что ему нужно опекать и поддерживать следовавшего за ним Гусенка Джибби. Между тем, едва кони перешли на рысь, ботфорты Джибби – справиться с ними бедный мальчуган оказался не в силах – начали колотить коня попеременно с обоих боков, а так как на этих ботфортах красовались к тому же длинные и острые шпоры, терпение животного лопнуло, и оно стало прыгать и бросаться из стороны в сторону, причем мольбы несчастного Джибби о помощи так и не достигли ушей слишком забывчивого дворецкого, утонув частью под сводами стального шлема с забралом, водруженного на его голову, частью в звуках воинственной песенки про храброго Грэмса, которую мистер Гьюдыл высвистывал во всю мощь своих легких.

Дело кончилось тем, что конь поторопился распорядиться по-своему: сделав, к великому удовольствию зрителей, несколько яростных прыжков туда и сюда, он пустился во весь опор к огромной семейной карете, описанной нами выше. Копье Джибби, выскользнув из своего гнезда, приняло горизонтальное положение и легло под его руками, которые – мне горестно в этом признаться – позорно искали спасения, ухватившись, насколько хватало сил, за гриву коня. Вдобавок ко всему этому шлем Джибби окончательно съехал ему на лицо, так что перед собой он видел не больше, чем сзади. Впрочем, если бы он и видел, то и это мало помогло бы ему при сложившихся обстоятельствах, так как конь, словно стакнувшись со злонамеренными, несся что было духу к парадной герцогской колымашке, и копьё Джибби грозило проткнуть ее от окна до окна, нанизав на себя одним махом не меньше народу, чем знаменитый меч Роланда^[39], пронзивший (если верить итальянскому эпическому поэту) столько же мавров, сколько француз насаживает на вертел лягушек.

Выяснив направление этой беспорядочной скачки, решительно все седоки – и внутренние и внешние – разразились паническим криком, в котором слились ужас и гнев, и это возымело благотворное действие, предупредив готовое совершиться несчастье. Своенравная лошадь Гусенка Джибби, испугавшись шума и внезапно осекшись на крутом повороте, пришла в себя и начала лягаться и делать курбеты. Ботфорты – истинная причина бедствия, – поддерживая добрую славу, приобретенную ими в былое время, когда они служили более искусным наездникам, отвечали на каждый прыжок коня новым ударом шпор, сохраняя, однако, благодаря изрядному весу, свое прежнее положение в стремях. Совсем иное случилось с горемыкою Джибби, который был с легкостью вышвырнут из тяжелых и широких ботфортов и на потеху многочисленным зрителям перелетел через голову лошади. При падении он потерял шлем и копьё, и, в довершение беды, леди Маргарет, еще не вполне уверенная, что доставивший присутствующим зевакам столько забавы – один из воинов ее ополчения, подъехала как раз вовремя, чтобы увидеть, как с ее крошки вояки сдирали его львиную шкуру, то есть куртку из буйволового кожи, в которую он был запеленат.

И так как она не знала о замене Кадди Гусенком Джибби и не могла даже догадываться об этом, удивление и негодование почтенной леди достигли такого предела, что ни извинения, ни объяснения управителя и дворецкого не смогли помочь делу. Засим, возмущенная возгласами и зубоскальством толпы и готовая обрушить свой гнев на упрямого пахаря, которого так неудачно замещал Джибби, она скомандовала поспешное отступление. Большинство окрестных помещиков также тронулось в путь, и злосчастное происшествие, приключившееся с воинством Тиллитудлема, долго веселило их по дороге домой. Стали покидать место сбора и прочие ополченцы, которые разъезжались группами, состоявшими из попутчиков. Остались лишь те, кто показал меткость в стрельбе по «попке» и кому полагалось, в соответствии со старинным обычаем, распить, перед тем как расстаться, почетную чашу в честь своего капитана.

Глава IV

*Всегда на ярмарках играл он,
Всегда бойцов увеселял он...
Оружье, шлемы – все сверкало,
Как самоцвет.
Кто ж грянет им напев удалый,
Коль Хебби нет?*

«Элегия на смерть Хебби Симпсона»

Во главе группы всадников, направлявшихся в городок или, вернее, местечко, ехал на своей белой лошадке Нийл Блейн, городской музыкант; вооружение его составляли кинжал и палаш, а в руке он держал волынку, с которой свешивалось такое множество лент, что их хватило бы на полдюжины деревенских красавиц, принарядившихся ради ярмарки или проповеди. Многочисленные достоинства Нийла – а он был пригожим, статным, крепким малым с сильными легкими – доставили ему должность городского музыканта в *** со всеми исконными ее правами и благами, а именно Музыкантским выгоном – участком земли площадью около акра, и поныне носящим то же название, – ежегодным жалованьем в пять мерков и ежегодно выдаваемым новым парадным костюмом присвоенного городку цвета; сюда еще присоединялись кое-какие надежды на доллар в день выборов муниципальных властей, буде старшины смогут и пожелают оказать ему милость, а также право объезжать раз в году, ранней весной, всех значительных землевладельцев округа, с тем чтобы усладить сердца слушателей своей музыкой, ублаговать свое собственное их элем и бренди и выпрашивать в каждом поместье малую толику зерна для посева.

В добавление ко всем этим бесценным правам и привилегиям личные, а быть может, и служебные совершенства Нийла завоевали ему сердце хорошенькой вдовушки, содержавшей в то время лучший кабачок в городке. Ее покойный супруг был строгим пресвитерианином, и до того ревностным, что приверженцы этой секты называли его не иначе, как Гаем-трактирщиком^[40]. Вот почему самых непримиримых из них глубоко возмутила профессия избранного его вдовую преемника. Но ее кабачок «Приют» сохранил, несмотря ни на что, свою несравненную славу, и большинство прежних его посетителей продолжало по-старому отдавать ему предпочтение. К тому же новый трактирщик обладал счастливым характером, позволявшим ему приспособляться ко всем и каждому: внимательно следя за рулем, он ловко и уверенно вел свой утлый челн среди бушующих волн политической смуты. Этот хитрец веселого нрава, думавший исключительно о себе, с полным безразличием относился решительно ко всем спорам о церкви и государстве и помышлял лишь о том, как бы ублаговать своих посетителей, независимо от их взглядов. Впрочем, его характер, а заодно и состояние всей страны читатель поймет и сам, если мы перескажем ему наставления, с какими Нийл обратился к своей единственной дочери, девушке лет восемнадцати, посвящая ее в хозяйственные заботы, бремя которых верой и правдой несла его жена и помощница, пока, за полгода до описываемых событий, достойную женщину не снесли на погост.

– Дженни, – говорил Нийл, в то время как девушка помогала ему снять волынку, – сегодня тебе предстоит впервые прислуживать посетителям, заменяя свою бесценную мать; славная она была женщина, приветливая, и все любили ее, и виги, и тори, и те, что с верхнего конца улицы, и те, что живут внизу. Трудненько придется тебе на ее месте, особенно в такой суматошный день, но ничего не поделаешь. Так было угодно Небу. Запомни, Дженни, что бы ни заказал Милнвуд, ему ни в чем не должно быть отказу, ведь он Капитан Попки, а старинных обычаев надо держаться; если он не сможет оплатить счет – я-то знаю, на очень уж коротком

поводу его держат, – не беда, я сумею пристыдить его дядюшку и выколотить должок. Священник играет в кости с корнетом Грэмом. Будь учтива и приветлива с тем и с другим – в наше время и духовные и военные могут натворить много беды, попробуй только их рассердить. Драгуны будут орать и требовать эля; им не в привычку да и ни к чему испытывать жажду – они, конечно, озорные ребята, но так или иначе, а все же платят за угощение. Недавно купил я коровку – ту, комолую, теперь она лучшая в нашем хлеву – у чернявого Фрэнка Инглиса и сержанта Босуэла; за нее я отдал десять шотландских фунтов, и они пропили эти деньги в один присест.

– погоди, отец, – прервала эту речь Дженни, – поговаривают, будто эти бессовестные разбойники увели ее у хозяйки, что с Беллской пустоши, придравшись к тому, что она пошла как-то в воскресенье после обеда послушать пришлого проповедника.

– Помалкивай, ты, сорока! – сказал Нийл. – Нам-то что до того, откуда скотина, которую они продают, – это дело их совести. Дженни, заметь хорошенько того угрюмого парня, что сидит у самого очага, спиной ко всем. Он, похоже, из тех, кто ушел в горы; я видел, как он вздрогнул, когда увидел здесь красные куртки, и мне сдается, что он был бы рад поскорее убраться отсюда, да лошадь его (добрый у него мерин!) совсем заморилась, вот ему поневоле приходится оставаться. Прислуживай и ему, да только с умом, Дженни, и без суеты, и не обрати на него, упаси боже, взглядов солдат, не надоедай расспросами; не отводи ему и отдельной комнаты, не то скажут, что мы его укрываем. Что до тебя самой, дочка, то будь учтива с народом и не слушай глупости и всякий вздор, с которыми к тебе будут лезть молодые ребята. Кто из семьи трактирщика, тому терпеть да терпеть. Твоя мать, царствие ей небесное, была терпелива, как большинство женщин, но только до той поры, пока дело чисто и не балуют руками. Если кто начнет приставать, можешь позвать меня. А когда выпивка осилит еду, они начнут разглагольствовать об управлении церковью и государством, и тогда, Дженни, они примутся спорить – ну и пускай себе: гнев распаляет людей, чем больше они спорят, тем больше и пьют; только имей в виду, тут уж лучше подавать им легкое пиво – оно меньше бьет в голову, а какое оно, никому из них не понять.

– А если они начнут колотить друг друга, как в прошлый раз, – сказала Дженни, – звать ли мне вас, отец?

– Ни в коем случае, Дженни; кто разнимает, тому и попадает. Если солдаты обнажат сабли, зови капрала и караул. Если мужики возьмутся за ухваты и кочерги, зови судью и городских стражников. А меня не зови; я устал, я дудел целый день и хочу спокойно пообедать у себя в кладовой. И еще вот о чем. Лэрд Ликитапа (то есть который был прежде лэрдом) заказал немного выпить и соленую селедку, так ты тронь его за рукав и шепни на ухо, что я буду рад с ним отобедать: он был когда-то выгодным гостем, и ему не хватает лишь денег, чтобы стать им опять, – он и теперь любит выпить, как прежде. И если ты знаешь какого-нибудь беднягу из наших знакомых, который жметя, потому что у него вышли деньжата, а идти домой далеко, дай ему глоток пива и кусок пирога; своего мы не упустим, а для такого заведения, как наше, это выглядит очень почтенно. А теперь, душенька моя, иди и обслуживай посетителей, но принеси сначала обед, да две кружки эля, да пинту бренди.

Возложив на Дженни, как на своего первого министра, бремя обязанностей по дому, Нийл Блейн и *ci-devant*¹² лэрд, некогда его покровитель, а теперь довольный положением его прихлебателя, засели на остаток вечера в кладовой, вдали от суеты общей комнаты.

В ведомстве Дженни все, можно сказать, кипело. Рыцари «попки» принимали обильное угощение своего капитана и в свой черед угощали его, тогда как он, почти не притрагиваясь к круговой чаше, следил за тем, чтобы она с надлежащею быстротой обходила всех остальных, которым казалось, что они отроду не встречали такого гостеприимства. Впрочем, число его

¹² Бывший (*фр.*).

гостей постепенно таяло, и в конце концов их осталось всего четверо или пятеро, но и те уже начали поговаривать, что пора по домам. За другим столом, невдалеке от них, сидели двое драгун, о которых упоминал Нийл Блейн: то были сержант и рядовой из прославленного полка лейб-гвардейцев, которым командовал Джон Грэм Клеверхауз.

Даже на унтер-офицеров и рядовых этих военных частей не смотрели как на обыкновенных наемников: к ним относились приблизительно так же, как во Франции к мушкетерам; в глазах всех они были как бы кандидатами на офицерский чин, проходящими солдатскую службу с видами на производство в случае, если им удастся отличиться.

В их рядах насчитывалось немало отпрысков знатных семейств, и это усиливало самоуверенность и кичливость лейб-гвардейцев. Превосходным образчиком таких молодых людей мог бы служить сержант, с которым нам сейчас предстоит познакомиться. Его настоящее имя было Фрэнсис Стюарт, но все звали его Босуэлом, так как он был прямым потомком последнего графа Босуэла – не бесчестного возлюбленного несчастной королевы Марии^[41], но Фрэнсиса Стюарта, тревожившего ранний период царствования Иакова VI Шотландского своим буйным нравом и постоянными заговорами и умершего изгнанником в нищете. Сын графа обратился к королю Карлу I с ходатайством о возвращении ему хотя бы части конфискованных отцовских поместий, но руки вельмож, которым они были розданы, оказались слишком цепкими, и у них ничего нельзя было вырвать. Гражданские войны окончательно разорили его, лишив и той небольшой пенсии, которая выплачивалась ему Карлом I, так что он умер в крайней нужде. Сын его, прослужив некоторое время солдатом за границей и в Англии и испытав многочисленные превратности своенравной судьбы, вынужден был довольствоваться положением сержанта в лейб-гвардии, хотя и происходил по прямой линии от королевского дома, так как отец графа Босуэла, имущество которого подверглось конфискации в пользу казны, был побочным сыном короля Иакова VI. Необычайная физическая сила и мастерское владение оружием, равно как и его высокое происхождение, привлекли к нему внимание полковых офицеров. При всем том Босуэл отличался крайней распушенностью и страстью к грабежам, которая была свойственна большинству солдат, привыкших выполнять обязанности правительственных агентов по взиманию штрафов и недоимок, требовать постоа и всячески притеснять отказывавшихся повиноваться правительству пресвитериан. Привыкнув к поручениям такого рода, они бесчинствовали и, уверенные в своей безнаказанности, не знали над собой ни закона, ни другой власти, кроме власти своих офицеров. Во всех таких случаях Босуэл неизменно бывал впереди.

Возможно, что Босуэл и его товарищ так долго не позволяли себе никаких выходок лишь потому, что тут же присутствовал их корнет, командовавший небольшим отрядом, расквартированным в городке, и в описываемое время поглощенный игрой в кости с местным священником. Но когда обоих игроков оторвали от их занятия, вызвав по неотложному делу в ратушу, Босуэл не замедлил выказать свое презрение ко всем остальным.

– Не странно ли, Хеллидей, – сказал он, обращаясь к своему товарищу, – что эта кучка мужланов, бражничая здесь целый вечер, ни разу не выпила за здоровье его величества короля?

– Они пили здоровье короля, Босуэл, – заметил Хеллидей, – я слышал собственными ушами, как эта зеленая капустная гусеница возгласила здоровье его величества.

– Так ли? – пробурчал Босуэл. – В таком случае, Том, мы заставим их выпить за здоровье архиепископа Сент-Эндрю, и пусть они проделают это, став на колени.

– Это дело, ей-богу, – оживился Хеллидей, – а если кто станет отказываться, того мы потащим к нам в кордегарию и выучим ездить верхом на кобылке, выращенной из желудя^[42], привязав для устойчивости посадки к каждой ноге по парочке карабинов.

– Правильно, Том, – продолжал Босуэл, – и, чтобы все было как полагается, начнем с того надутого синего колпака, который прилип к очагу.

Он встал и, сунув под мышку палаш, чтобы в случае нужды подкрепить силой задуманную им наглую выходку, направился к посетителю, о котором Нийл Блейн в своем наставлении

дочери говорил, что он, по-видимому, из тех, кто скрывался в горах, или, иными словами, что он мятежный пресвитерианин.

– Я беру на себя смелость, любезнейший, – произнес Босуэл подчеркнуто торжественным тоном и гнусава, как это обыкновенно делают деревенские проповедники, – потребовать с вас заверения, что вы соизволите подняться со своего места и будете сгибать ваши поджилки, пока не коснетесь коленями пола, а также что вы опрокинете в себя эту чарку (невежды зовут ее пинтой) живительной влаги, именуемой смертными бренди, во здравие и славу его милости архиепископа Сент-Эндрю, достопочтенного примаса всей Шотландии.

Все ждали ответа незнакомца. Его суровые, почти свирепые черты, взгляд вбок, казавшийся косым, хотя в действительности этого не было, и придававший его лицу мрачное выражение, его телосложение, плотное, крепкое и мускулистое, хотя он был чуть ниже среднего роста, – все предвещало, что этот человек не склонен сносить грубые шутки и не оставит безнаказанным оскорбление.

– А что, если я не пожелаю исполнить ваше не слишком учтивое требование? – спросил он.

– Тогда, любезнейший, – ответил Босуэл тем же насмешливым тоном, – во-первых, я хорошенько ущипну твой хоботок, или, попросту, нос; во-вторых, любезнейший, я приложу свой кулак к твоим красивым буркалам, и в заключение, любезнейший, я дам практическое применение плоской стороне своего палаша, который пройдет по плечам мятежника.

– Вот как! – сказал незнакомец. – В таком случае подайте мне чарку. – И, взяв ее в руку, он с усмешкой произнес каким-то странным голосом: – За архиепископа Сент-Эндрю и за место, которое он теперь по достоинству занимает; пусть каждый прелат Шотландии станет в близком будущем тем, чем ныне является праведный и преосвященный Джеймс Шарп!

– Он выдержал испытание! – воскликнул Хеллидей с торжествующим видом.

– Да не вполне, – ответил Босуэл, – никак не пойму, на что намекает этот дьявольский лопухий виг.

– Хватит, джентльмены, – вмешался Мортон, выведенный из терпения наглой выходкой солдат. – Мы здесь собрались как добрые подданные его величества, и притом ради праздника, и вправе рассчитывать, что нас не станут тревожить подобными ссорами.

У Босуэла на языке вертелся дерзкий ответ, но Хеллидей шепотом напомнил ему о строгом приказании – не допускать со стороны солдат оскорбления тех, кто был послан на смотр в соответствии с распоряжением Тайного совета. И так, удостоив Мортон продолжительным и пристальным взглядом, Босуэл проговорил:

– Ну что ж, господин Попка, не стану оспаривать ваше царствование, ведь оно, полагаю, окончится ровно в полночь. Не забавно ли, Хеллидей, – продолжал он, обращаясь к своему приятелю, – что они поднимают столько шума, щелкнув разок-другой своими годными разве что для птичек ружьишками по цели, которую любая женщина или мальчик смогут сбить после дневной подготовки? Если бы Капитан Попки или кто-нибудь из его армии пожелал схватиться на палашах, тесаках, просто рапирах или рапирах вместе с кинжалом, со ставкою в один золотой за первую каплю крови, то я был бы готов признать в них хоть немного души, да черт меня побери, если бы эта деревенщина согласилась хотя бы бороться, или метать железные брусья, или кидать камень, или бросать шест, если уж (при этом он презрительно коснулся носком сапога шпаги Мортон) они обвешиваются оружием, обнажать которое сами боятся.

Терпение Мортон совершенно иссякло, и он, забыв о благоразумии, собрался было зло ответить на наглую замечание Босуэла, как вдруг незнакомец, покинув свое место у очага, шагнул на середину комнаты.

– Ссора возникла из-за меня, – сказал он, – и ради правого дела я хочу лично покончить с нею. Послушай-ка, ты, приятель, – бросил он Босуэлу, – не хочешь ли побороться со мной?

– С превеликой охотой, любезнейший, – ответил Босуэл. – Конечно, я буду бороться с тобой, пока один из нас или мы оба не грохнемся на пол.

– В таком случае, исполненный веры в того, кто один только и может помочь, – ответил ему противник, – я сделаю так, чтобы впредь ты стал примером для всех таких же, как ты, дерзких Рабсаков^[43].

Произнеся эти слова, он сбросил с плеч серую, из грубого сукна, дорожную куртку и, вытянув вперед свои цепкие, могучие руки, с решительным видом приготовился к схватке. Сержанта, видимо, не смутили ни мускулистое телосложение, ни широкая грудь, ни могучие плечи, ни смелый взгляд противника. Хладнокровно насвистывая, он отстегнул пряжку на своем поясе, снял военную куртку и отложил ее в сторону. Присутствующие стояли вокруг борцов, с беспокойством ожидая исхода.

В первой схватке, как казалось, перевес был на стороне Босуэла; то же было и во второй, хотя все еще нельзя было предугадать, чем окончится эта борьба. Впрочем, всякому стало ясно, что сержант, сразу использовав всю свою силу, начинает выдыхаться, борясь с соперником, обладающим большой выдержкой, ловкостью, выносливостью и хорошими легкими. В третьей схватке крестьянин приподнял противника и бросил его оземь с такой силою, что тот на мгновение потерял сознание и растянулся на полу, не подавая признаков жизни. Его товарищ Хеллидей выхватил из ножен палаш.

– Вы убили моего сержанта! – воскликнул он, бросаясь на победителя. – И, клянусь всем святым, ответите мне за это.

– Стойте! – закричал Мортон и все окружавшие. – Игра велась чисто; ваш приятель сам искал схватки и получил ее.

– Что верно, то верно, Том, – произнес Босуэл, медленно поднимаясь с пола, – убери свой палаш. Не думал я, чтобы среди этих лопоухих бездельников нашелся такой, который мог бы красу и гордость королевской лейб-гвардии повалить на пол в этой гнусной харчевне. Эй, приятель, давайте-ка вашу руку.

Незнакомец протянул руку.

– Обещаю вам, – сказал Босуэл, крепко пожимая руку противника, – что придет время, когда мы встретимся снова и повторим эту игру, причем гораздо серьезнее.

– И я обещаю, – сказал незнакомец, – что в нашу следующую встречу ваша голова будет лежать так же низко, как она лежала сейчас, и у вас не достанет сил, чтобы ее поднять.

– Превосходно, любезнейший, – ответил на это Босуэл. – Если ты и взаправду виг, все же тебе нельзя отказать в отваге и силе, и знаешь что, бери свою клячу и улепетывай, пока сюда не явился с обходом корнет; ему случалось, уверяю тебя, задерживать и менее подозрительных лиц, чем твоя милость.

Незнакомец, очевидно, решил, что этим советом не следует пренебрегать; он расплатился по счету, пошел в конюшню, оседлал и вывел на улицу своего могучего вороного коня, отдохнувшего и накормленного; затем, обратившись к Мортону, он произнес:

– Я еду по направлению к Милнвуду, где, как я слышал, ваш дом; готовы ли вы доставить мне удовольствие и высокую честь, отправившись вместе со мною?

– Разумеется, – сказал Мортон, хотя в манерах этого человека было нечто давящее и неумолимое, неприятно поразившее его с первого взгляда.

Гости и товарищи Мортон, учтиво пожелав ему доброй ночи, стали разъезжаться и расходиться, направляясь в разные стороны. Некоторые, впрочем, сопровождали Мортон и незнакомца приблизительно с милю, покидая их один за другим. Наконец всадники остались одни.

Вскоре после того, как все они покинули гостеприимный «Приют», как называлось заведение Блейна, ночную тишину нарушили звуки литавр и труб. Лейб-гвардейцы, поспешно хватая оружие, собирались на базарную площадь. Корнет Грэм, родственник Клеверхауза, и мэр

городка, с выражением тревоги и озабоченности на лицах, в сопровождении полдюжины солдат и городских стражников с алебардами, поспешно вошли в кабачок Нийла Блейна.

– Приставить стражу к дверям! – таковы были первые слова, брошенные корнетом. – Никого отсюда не выпускать! Что это значит, Босуэл? Или вы не слышали сигнала тревоги?

– Он собирался бежать в казармы, сэр, – ответил корнету его приятель, – но, видите ли, упал и расшибся.

– Конечно, в драке, – прервал его Грэм. – Если вы будете и впредь пренебрегать своими обязанностями, вам едва ли поможет ваше королевское происхождение.

– В чем же я пренебрегаю своими обязанностями? – угрюмо спросил Босуэл.

– Вам следовало находиться в казармах, сержант Босуэл, – ответил корнет, – вы упустили такой удобный случай. Пришло известие, что архиепископ Сент-Эндрю убит, убит зверски и при исключительных обстоятельствах. Шайка мятежных вигов, преследовавших его на Магусмурской равнине, близ Сент-Эндрю, вытащила его из кареты и искромсала палашами и кинжалами¹³.

Все оцепенели при этом известии.

– Вот приметы преступников, – продолжал офицер, разворачивая воззвание к населению, – за голову каждого из убийц назначено вознаграждение в тысячу мерков.

– Так вот оно, не вполне удавшееся испытание, – сказал Босуэл, обращаясь к своему приятелю Хеллидею, – теперь все разъяснилось. Черт меня побери! И мы не задержали его! Беги, Хеллидей, седлай лошадей. Скажите, корнет, не было ли среди убийц дюжего, коренастого, широкогрудого, но узкого в бедрах молодчика с ястребиным носом?

– Погодите, погодите, давайте-ка заглянем в бумагу, – ответил корнет. – Хэкстон из Рэтилета: высокий, тонкий, черные волосы.

– Нет, это не он, – сказал Босуэл.

– Джон Белфур, прозываемый Берли: орлиный нос, рыжие волосы, пяти футов восьми дюймов росту.

– Это он! – воскликнул Босуэл. – Он самый... К тому же здорово косит на один глаз, не так ли?

– Правильно, – продолжал Грэм, – под ним сильный вороной конь, которого он захватил после убийства примаса.

– Он, он самый, – повторял Босуэл, – и тот самый конь! Этот человек был тут не больше как четверть часа назад.

Торопливо расспросив о подробностях происшедшего, он убедился в том, что мрачный и замкнутый незнакомец был Белфур из Берли, главарь шайки убийц, слепых фанатиков, которые беспощадно расправились с примасом, настигнутым ими случайно в то время, как они разыскивали другое лицо, навлекшее на себя их ненависть¹⁴. Их возбужденному воображению случайная встреча с архиепископом показалась указанием Провидения, и они убили его с холодной жестокостью, веря, что сам Господь, как они говорили, отдал его их карающей длани.

– На коней, на коней, в погоню, ребята! – воскликнул корнет. – Голова этого злобного пса стоит обещанного за нее золота!

¹³ Сообщение об этом убийстве можно найти во всех хрониках того времени. Более подробные сведения содержатся в рассказе одного из участников этого события, Джеймса Рассела, помещенном в приложении к *History of the Church of Scotland* («История шотландской церкви») Керктона, изданной Чарлзом Керкпатриком Шарпом, эсквайром. Эдинбург, 1817. (Примеч. авт.)

¹⁴ Речь идет о некоем Керкмаikle, шерифе – депутате графства Файф, который всячески преследовал нонконформистов. Он охотился на болоте, но, случайно узнав, что его разыскивают с целью убить, возвратился домой и тем избежал предназначенной ему участи, обрушившейся на его покровителя – архиепископа. (Примеч. авт.)

Глава V

*Восстань, о юность! То не клич земной –
То Божьей церкви голос призывной,
То стяг с крестом, подъятый в синеву,
Путь к славной смерти или к торжеству.*
Джеймс Дафф^[44]

Покинув городок, Мортон и его спутник ехали некоторое время в полном молчании. В незнакомце, как мы отметили, было что-то отталкивающее, что мешало Мортону первому обратиться к нему, а тот, видимо, не испытывал ни малейшего желания вступить в разговор. Внезапно он резко спросил:

– Что побудило сына такого отца, как ваш, предаваться греховным забавам, в которых, я знаю, вы принимали сегодня участие?

– Я выполнял мой долг верноподданного и ради своего удовольствия позволил себе самые безобидные развлечения, – ответил Мортон, несколько уязвленный этим вопросом.

– Неужели вы думаете, что ваш долг или долг любого другого юноши-христианина состоит в том, чтобы служить своим оружием делу тех нечестивцев, которые в ярости проливали, как воду, кровь Господних святых в пустыне? И разве безобидное развлечение тратить время, стреляя по этому дурацкому пучку перьев и бражничая весь вечер в кабаках и на ярмарках, когда тот, кто могуч и всесилен, сошел в нашу страну, дабы отделить пшеницу от плевел?

– Судя по вашим словам, – отозвался Мортон, – вы один из тех, кто счел возможным открыто выступить против правительства. Нахожу нужным напомнить, что едва ли следует произносить перед случайным попутчиком речи столь опасного содержания, которые к тому же в такое время, как наше, небезопасно слушать и мне.

– От этого никуда не уйдешь, Генри Мортон, – продолжал его спутник, – Господь имеет на тебя свои виды, и раз Он тебя призывает, ты должен повиноваться; я убежден, что ты еще не слышал настоящего проповедника, иначе ты был бы таким, каким ты, бесспорно, когда-нибудь станешь.

– Мы, как и вы, придерживаемся пресвитерианского исповедания, – ответил Мортон, так как его дядя со всеми домочадцами принадлежал к пастве одного из тех многочисленных пресвитерианских священников, которым, с известными ограничениями, была разрешена свободная проповедь. Эта индульгенция^[45], как выражались в то время, вызвала среди пресвитериан великий раскол, и те, кто ее принял, подвергались суровому осуждению со стороны наиболее ревностных приверженцев секты, отказавшихся пойти на предложенные условия. Вот почему незнакомец выслушал с величайшим презрением сообщение Мортон о его исповедании веры.

– Это всего-навсего отговорка, пустая и жалкая отговорка. Вы слушаете по воскресеньям холодные, мирские, приспособленные к духу времени речи, исходящие от того, кто до такой степени забыл свое высокое назначение, что получил апостолический чин благодаря покровительству придворных и лжепрелатов, и вы именуете проповеди таких лиц словом Господним! Из всех соблазнов, коими дьявол в эти дни крови и мрака улавливает души людей, ваша черная индульгенция была самым опасным и самым пагубным. Это была страшная сделка: она означала, что пастырь убит, а овцы рассеялись по горам, что одно христианское знамя поднято против другого и что на мечи сынов света обрушивается воинство тьмы.

– Мой дядя считает, – заметил Мортон, – что, находясь на попечении принявших индульгенцию пасторов, мы в достаточной мере располагаем свободой совести, а так как избрать церковь для себя и своих домашних – его бесспорное право, я должен в силу необходимости следовать в этом за ним.

– Ваш дядя таков, – заявил незнакомец, – что последний ягненок в милнвудском стаде ему дороже, чем вся христианская паства. Он один из тех, кто охотно пал бы ниц перед золотым тельцом^[46] в Вефиле и вылавливал бы из вод частички его, после того как телец был истолчен в порошок и этот порошок брошен в воду. Твой отец был человеком другого закала.

– Мой отец, – сказал Мортон, – и в самом деле был отважным и честным воином. Но вы, должно быть, знаете, сэр, что он сражался под знаменами того же королевского дома, во имя которого и я сегодня брался за оружие.

– Это верно, но если б он дожил до этих дней, он проклял бы час, в который обнажил меч за их дело. Когда-нибудь поговорим и об этом, а пока я твердо возвещаю тебе, что и твой час у порога, и тогда слова, которые ты только что слышал, застрянут в твоей груди, как стрелы с зазубренным наконечником. Прощай, мне сюда.

Он указал на ущелье, которое, уходя вверх, вело в дикий край пустынных и мрачных гор; но когда он уже совсем собрался свернуть на извилистую тропу, отходившую от дороги в указанном им направлении, к ним приблизилась какая-то старуха в красном плаще, сидевшая до этого у перекрестка, и, испуганно озираясь, зашептала:

– Если вы наш человек и дорожите жизнью, то не езжайте нынешней ночью этим ущельем. На тропе залег лев. Бросерстейнский священник и с ним десять солдат преградили проход, чтобы отнять жизнь у всякого из наших скитальцев, если кто из них попытается пройти этим путем к Гамильтону и Дингуоллу.

– А разве гонимые соединились в отряд и у них есть предводитель? – спросил незнакомец.

– Их человек семьдесят конных и пеших, – сказала старуха, – но горе им! У них плохо с оружием и еще хуже с едой.

– Господь поможет своим, – сказал всадник. – По какой же дороге мне ехать, чтобы их отыскать?

– Сегодня это никак невозможно, – ответила женщина, – уж очень зорко стерегут солдаты проход; говорят, странные вести пришли с востока; вот они и бесятся из-за этого и в ожесточении сердца своего еще свирепее, чем когда-либо прежде; вам нужно найти себе убежище на ночь, а потом уже пробираться через торфяники; спрячьтесь до первого света, а после поезжайте через Дрейкскую топь. Когда я услышала страшные угрозы насильников, я накинула на себя плащ и села у самой дороги предупреждать наших рассеянных повсюду страдальцев, чтобы они не забрели на эту тропу и не попали в сети злодеев.

– Вы живете поблизости? – спросил незнакомец. – Не приютите ли меня на ночь?

– Моя хижина возле дороги, около мили отсюда; но у меня поместили четырех слуг Велиала^[47], чтобы они себе на потеху грабили и разоряли меня, а все потому, что я не хотела слушать бессмысленные, бесконечные и бессвязные разглагольствования этого погрязшего в мирской суеде Джона Халфтекста^[48], священника.

– Доброй ночи. Вы славная женщина. Благодарю за совет, – сказал незнакомец и тронул коня.

– Да будет над вами благословенье Господне, – напутствовала его старуха, – да хранит вас Всемогущий: Он один властен над нами.

– Аминь! – произнес спутник Мортон. – Ибо разумение человеческое бессильно измыслить, где этой ночью я мог бы укрыть свою голову.

– Мне очень горестно видеть вас в столь затруднительном положении, – сказал Мортон, – и будь у меня свой собственный дом или какой-нибудь кров, который я мог бы назвать своим, полагаю, что я скорее рискнул бы навлечь на себя жестокую кару закона, чем оставил бы вас в этой крайности. Но мой дядя настолько боится штрафов и наказаний, предусмотренных законом для тех, кто поддерживает, принимает и поощряет враждебных правительству лиц, что строго-настрого запретил и мне, и всем своим слугам вступать с ними в какое-либо общение.

– Ничего другого я и не ждал, – сказал незнакомец, – и все же вы могли бы приютить меня без его ведома; какой-нибудь амбар, сеновал или сарай для телег – любое место, где я мог бы прилечь, было бы для меня с моей неприхотливостью скинией, убранной со всех сторон серебром, и жертвенником, сложенным из кедрового дерева.

– Уверю вас, – сказал в замешательстве Мортон, – я не могу пригласить вас в Милнвуд без ведома и согласия дяди, и даже если бы я был в состоянии это сделать, то и тогда я бы не позволил себе навлекать на него, ничего не подозревающего, опасность, которой он больше всего страшится и от которой так старательно отгораживается.

– Ну что ж, – проговорил незнакомец, – в таком случае еще одно слово. Слыхали ли вы когда-нибудь от отца имя Джона Белфура Берли?

– Еще бы! Его давнего друга и товарища по оружию, спасшего ему жизнь, едва не отдав свою, в битве при Лонгмастонмуре? Часто, очень часто.

– Так вот, этот Белфур – я, – сказал спутник Мортон. – Вот дом твоего дяди; я вижу свет между деревьев. Тот, кто жаждет отомстить мне за кровь, гонится за мной по пятам, и смерть моя неизбежна, если ты не скроешь меня. А теперь, юноша, выбирай: бежать ли от отцовского друга, как тать в ночи, и тем самым обречь его мучительной смерти, от которой он спас когда-то твоего отца, или подвергнуть бранные блага дяди опасностям, которые грозят всякому, кто в наше развратное время подаст ломоть хлеба или глоток воды христианину, погибающему от голода или жажды.

Множество воспоминаний пронеслось в голове Мортон. Его отец, память о котором он чтит как святыню, не раз говорил ему, чем он обязан этому человеку, и всегда сокрушался, что после длительной дружбы они расстались с некоторой неприязнью друг к другу; это произошло в то тяжелое время, когда все население Шотландского королевства разделилось на два враждующих стана – «резольюционистов»^[49] и «протестующих»; после того как отец его умер на эшафоте, первые стали приверженцами Карла II, тогда как вторые склонялись к союзу с победоносными республиканцами. Неистовый фанатизм Берли связал его с партией «протестующих», и друзья разошлись, чтобы никогда больше не встретиться. Обо всем этом покойный полковник Мортон часто рассказывал сыну и всякий раз выражал при этом глубокое сожаление, что ему так и не удалось тем или иным способом отблагодарить Берли за помощь, которую тот неоднократно ему оказывал.

Колебаниям Мортон положил конец ночной ветерок, принесший издали зловещие звуки литавр; с каждым мгновением они, казалось, становились все ближе, и это говорило о том, что в сторону наших спутников направляется кавалерийский отряд.

– Это, видимо, Клеверхауз с остатком своего полка. Но что означает этот ночной поход? Если вы отправитесь дальше, то неминуемо попадете в их руки; если возвратитесь в местечко, вы в не меньшей опасности, потому что там корнет Грэм со своими людьми. Тропу, ведущую в горы, перехватили драгуны. Я должен либо укрыть вас в Милнвуде, либо покинуть на верную смерть; впрочем, кара закона по справедливости должна обрушиться на меня одного и не задеть дядю. Едем!

Берли, с полным бесстрашием ожидавший решения Мортон, молча двинулся вслед за ним.

Дом Милнвуда, выстроенный отцом нынешнего владельца, был скромным жилищем, под стать самому поместью; к тому же со времени перехода в руки теперешнего хозяина он заметно пришел в упадок. Невдалеке от дома стояли хозяйственные постройки. Тут Мортон остановился.

– Мне придется ненадолго оставить вас в одиночестве, – прошептал он. – Нужно добыть вам постель.

– О, я не нуждаюсь в таких удобствах, – сказал Берли, – на протяжении последних тридцати лет эта голова чаще покоилась на кучке торфа или валуне, чем на шерстяной или пуховой

подушке. Глоток эля, кусок хлеба, молитва на ночь и вместо постели немного сухого сена для меня то же самое, что для иных расписная опочивальня и княжеский стол.

В это мгновение Мортону пришло в голову, что, попытавшись провести беглеца внутрь дома, он подвергнет его дополнительной опасности быть обнаруженным; итак, пройдя в конюшню и разыскав оставленные для него трут и огниво, он высек огонь и, привязав обоих коней, проводил Берли к деревянной лежанке, поставленной на сеновале, наполовину заполненном сеном; раньше здесь спал поденщик, пока дядюшка в припадке скупости, возраставшей в нем день ото дня, его не уволил. Покидая своего случайного гостя в этом нежилом помещении, Мортон посоветовал ему заслонить свет таким образом, чтобы в окне его не было видно, и вышел, с тем чтобы вскоре вернуться с провизией, какую ему удастся раздобыть в столь позднее время. В последнем, однако, он совсем не был уверен, так как возможность достать даже самую простую еду всецело зависела от настроения, в каком он найдет единственное лицо, пользовавшееся доверием дяди, – его старую домоправительницу. Если она уже улеглась, что было вполне вероятно, или в плохом настроении, что столь же вероятно, успех его предприятия был, по меньшей мере, сомнителен.

Кляня в душе гнусную скаредность, проникшую во все поры хозяйства старого Милнвуда, он, как обычно, постучал в запертую на засов дверь, через которую попадал в дом, когда ему случалось задерживаться позже того весьма раннего часа, когда в поместье гасили огни. Он стучал робко, нерешительно, словно сознавал за собою вину; казалось, что он скорее вызывает, чем настаивает на внимании. Мортону пришлось постучать еще и еще, прежде чем домоправительница, сердито ворча, так как ей пришлось выбраться из теплого местечка у печки в прихожей, с головою, повязанной клетчатый шейным платком, чтобы уберечься от холодного воздуха, прошлепала по каменным плитам и, повторив предусмотрительно несколько раз свое: «Кто там так поздно?» – отодвинула засовы, отомкнула замки и опасно приоткрыла дверь.

– Вот это и впрямь подходящее время, мистер Генри, – сказала она тем властным и вызывающим тоном, какой свойствен любимым и избалованным слугам, – глухая ночь на дворе и пора в самый раз, чтобы нарушать покой мирного дома и не давать утомленным людям, ожидающим вас, лечь наконец в постель. Ваш дядюшка знай себе посапывает носом уже часика три, Робина одолел ревматизм, и он лежит пластом у себя на кровати. И я должна сидеть одна-одинешенька, как бы ни душил меня кашель.

Тут она кашлянула разок-другой в доказательство неслыханных мук, которые ей пришлось вытерпеть.

– Премного обязан вам, Элисон, тысяча благодарностей.

– Как это, сэр! Ведь мы так отменно воспитаны! Многие называют меня миссис Уилсон, и лишь один Милнвуд во всем поместье зовет меня Элисон, да и он частенько обращается ко мне, как все остальные, «миссис Элисон».

– Простите, пусть будет по-вашему, – сказал Мортон, – я глубоко огорчен, миссис Элисон, что вам пришлось так долго меня дожидаться.

– А раз вы уже дома, – сказала ворчливая домоправительница, – почему бы вам не взять свечи и не отправиться спать? Да когда будете проходить по гостиной с панелями, смотрите, чтобы свеча у вас не накапала, а то весь дом потом придется отскабливать и очищать от сала.

– Но, Элисон, прежде чем отправиться спать, нужно же мне немного перекусить и пропустить глоток эля.

– Перекусить? И эль, мистер Генри? Господи Боже, значит, вы вовсе не угостились. И вы думаете, что мы не слыхали о ваших подвигах с «попкою», о том, что вы перевели столько порошу, сколько пошло бы на дичь, которой хватило бы от этого дня до самого Сретенья, что потом отправились шумной ватагой в харчевню вольтыжника, что сидели там с кучкою самых отпетых бездельников и негодяев и бражничали вплоть до заката на счет вашего несчастного

дяди, со всяким сбродом и подонками с побережья, а теперь вы вваливаетесь домой и требуете эля, как настоящий господин и хозяин.

Возмущенный ее словами, но помня о том, что ему во что бы то ни стало необходимо добыть ужин для своего гостя, Мортон подавил в себе раздражение и с добродушным видом стал уверять миссис Уилсон, что ему действительно хочется есть и пить.

– А что касается стрельбы в «попку», то я слышал от вас, – заключил он свою речь, – что вам и самой доводилось бывать, миссис Уилсон, на таких состязаниях; очень жаль, что вы не приехали посмотреть и на нас.

– Ах, мистер Генри, – ответила на это старушка, – а мне очень жаль, что вы учитесь нашептывать на ушко женщинам медовые речи! Впрочем, болтайте себе на здоровье, большой беды тут не будет, да только если речь идет о таких старухах, как я. Берегитесь, однако, плутовок помоложе, мой милый. Ах вы, Попка! Вы считаете себя молодцом хоть куда, и, по правде сказать (тут она осветила его свечой), нет ничего худого быть пригожим снаружи, лишь бы изнутри было то же. Припоминаю, что когда я была еще шальной девчонкой, то видела герцога, того самого, которому потом отрубили в Лондоне голову^[50], – говорили, что она была у него не бог весть какая, а все же ему, бедняге, жалко было с ней расставаться. Так вот, он сбил «попку», потому что немногие посмели тягаться с самим его светлостью; а был он красавчик, и когда вся знать села на коней, чтобы погарцевать на народе, его светлость оказался рядом со мной, вот так, к примеру, как вы, и он мне тогда сказал: «Поберегитесь, милочка (это его собственные слова), мой конь не очень-то ловок!» А теперь, раз вы говорите, что недоели и недопили, я докажу, что никогда не забываю о вас; молодым людям не следует отправляться в постель на голодный желудок.

Справедливость побуждает нас указать, что ночные наставления миссис Уилсон, расточаемые ею в подобных случаях, нередко заканчивались этой в высшей степени разумною фразой, которая неизменно предшествовала появлению на столе каких-нибудь кушаний, и притом более изысканных, чем обычно, что случилось и в этот раз. В действительности главной причиной ворчания было желание потешить свое тщеславие и проявить власть, ибо миссис Уилсон не была, в сущности, злобною женщиной и, конечно, больше всех на свете любила своего старого и молодого хозяев, хотя всячески мучила и того и другого.

И, подавая мистеру Генри, как она имела обыкновение величать Мортон, оставленные для него яства, она ласково и внимательно разглядывала его.

– Кушайте на здоровье, голубчик. Не думаю, чтобы вас потчевали у Нийла такими лакомствами. Его жена была умелой хозяйкой и могла неплохо готовить разные блюда для своего заведения, но, уверяю вас, она все же не справилась бы с хозяйством в порядочном доме. Ну, а дочка, сдается мне, просто дурочка; чего только не накрутила она себе в волосы, когда в прошлое воскресенье я видела ее в церкви. Чую, ох, чую, услышать нам новости об этом трактире. Ну, дорогой, старые глаза мои вовсе слипаются; не суетитесь и не забудьте погасить свечку; у вас в комнате полный рог эля и стакан с гвоздичной водой; ее я никому не даю, берегу как лекарство, и для вашего молодого желудка она будет, пожалуй, получше, чем бренди. Покойной ночи, мистер Генри, и смотрите не забывайте, что со свечой нужно быть осторожным.

Мортон обещал в точности выполнить ее указания и попросил, чтобы она не тревожилась, если услышит, как отворяется наружная дверь: ведь ей хорошо известно, что ему предстоит еще раз навестить к своей лошади и позаботиться о ней. Миссис Уилсон удалилась к себе, а Мортон, взяв с собой ужин, собрался было направиться к своему гостю, как вдруг кивающая голова старой домоправительницы снова показалась в дверях, с тем чтобы еще раз напомнить ему о необходимости отдать себе строгий отчет в совершенных им за день поступках, прежде чем он отойдет ко сну и помолится о покровительстве Божьем на те часы, когда все окутано непроглядной тьмой.

Таковы были нравы известного круга слуг, нравы, когда-то обычные для Шотландии и, быть может, существующие еще и поныне где-нибудь в старых замках, затаившихся в самых глухих углах нашей страны. Эти слуги были связаны неразрывными узами с семьями, в которых они служили; они не представляли себе, что могут при жизни расстаться со своими хозяевами, и были искренне преданы каждому члену семьи¹⁵. С другой стороны, избалованные снисходительностью своих давних господ, они нередко становились капризными и властными тиранами в доме, так что порой хозяйка или хозяин были бы рады променять эту сварливую преданность на льстивое и угодливое двоедушие современной прислуги.

¹⁵ Один слуга, наговорив кучу дерзостей своему господину, получил приказание немедленно получить расчет. «Уж конечно, я не сделаю этого, – сказал он. – Если вашей чести неизвестно, что она располагает хорошим слугой, то я зато знаю, насколько хорош мой господин, и отсюда никуда не уйду». Во втором случае, похожем на этот, господин сказал: «Джон, нам с вами больше не спать под одним кровом», – на что Джон ответил с прелестной наивностью: «Но у какого дьявола собирается ваша честь поселиться?» (Примеч. авт.)

Глава VI

*Суровый взгляд, как страшное заглавье,
Нам страшную предсказывает повесть.
Шекспир^[51]*

Отделавшись наконец от домоправительницы, Мортон собрал все съестное, оставленное ему миссис Уилсон, и приготовился отнести ужин своему тайному гостю. Он решил, что обойдется без фонаря, так как отлично знал все закоулки в усадьбе, и его счастье, что он его с собою не взял: не успел он переступить порог дома, как тяжелый топот многих коней возвестил, что большою дорогой, оббегающей подошву холма, на вершине которого стояло поместье Милнвуд, проходит кавалерийский отряд, литавры которого они слышали еще в пути¹⁶. До его слуха отчетливо донеслись слова команды старшего офицера, прокричавшего «стой!». Затем на короткое время воцарилась полная тишина, нарушаемая порой только ржанием или ударом копыта о землю какого-нибудь нетерпеливого скакуна.

– Чей это дом? – произнес кто-то властным и повелительным голосом.

– Милнвуда, с позволения вашей чести, – ответил другой.

– А владелец – благонамеренный человек? – спросил первый.

– Он покорен во всем властям и посещает проповеди священника, принявшего индульгенцию.

– Гм, вот как! Принявшего индульгенцию? Да ведь это всего-навсего личина предательства, весьма неразумно дозволенная всякому, кто слишком труслив, чтобы явно исповедовать свои убеждения. Не лучше ли послать несколько человек и хорошенько пошарить в доме? А что, если там скрывается кто-нибудь из кровожадных убийц, замешанных в этом гнусном злодействе?

Прежде чем Мортон успел совладать с тревогой, в которую повергло его предложение офицера, в разговор вступил еще один собеседник:

– Не думаю, чтобы это было необходимо: Милнвуд – больной, нудный старик; он никогда не вмешивается в политику и дрожит над своей мощной и закладными, которые для него дороже всего на свете. Племянник его был, как я слышал, сегодня на смотре и выиграл «попку», так что и он непохож на фанатика. Они, наверно, уже давно спят, и беспокойство, которое мы причиним в такой поздний час, может быть роковым для бедного старика.

– Согласен, – присоединился к этому мнению командир, – пусть будет по-вашему; обыскивать дом – значит потерять драгоценное время, которого и без того в обрез. Господа лейб-гвардейцы, вперед! Марш!

Звуки трубы и время от времени грохот отбивающих ритм литавр вместе со стуком копыт и бряцанием оружия указали, что отряд снова двинулся в путь. Когда передние ряды колонны достигли склона холма, на который петлями взбегала дорога, из-за туч показалась луна и осветила стальные каски солдат; во мгле можно было различить темные фигуры всадников и коней. Они поднимались на холм и исчезали за его гребнем, и так как это продолжалось довольно долго, то кавалерийский отряд, надо полагать, был очень внушительным.

Как только последний всадник исчез из виду, Мортон поспешил к своему гостю. Войдя в предоставленное им Берли убежище, он увидел его сидящим на убогой лежанке с карманной Библией в руке – тот казался всецело поглощенным чтением. Палаш, который он извлек

¹⁶ Военная музыка никогда не играет ночью. Но кто поручится, что она не играла по ночам и во времена Карла II? Пока я доподлинно не выясню этого, литавры у меня все же будут греметь, так как это придает живописность ночному маршу. (Примеч. авт.)

из ножен, когда у дома остановились драгуны, лежал у него на коленях; маленький огарок свечи, прилаженный сбоку на опрокинутом старом ящике, заменявшем стол, бросал мерцающие, тусклые отблески на суровые и резкие черты его лица, свирепость которого, ставшая еще явственнее, облагораживалась налетом дикого, полного трагической силы энтузиазма. На челе его лежала печать какой-то всепоглощающей страсти, подавляющей другие страсти и чувства; так прилив в новолуние или при полной луне скрывает от нашего взора прибрежные утесы и скалы, и об их существовании свидетельствует лишь разъяренная пена волн, которая кипит и перекачивается над ними. Почти целую минуту Мортон молча смотрел на него; наконец его гость поднял голову.

– Вижу, – сказал Мортон, бросив взгляд на палаш, – что вы слышали, как мимо нас проходили драгуны; их прибытие задержало меня.

– Я почти не обратил на это внимания, – ответил Белфур, – час мой еще не пробил. Но я твердо уверен, что придет день, когда я попаду в их кровавые руки и удостоюсь чести разделить участь тех святых страстотерпцев, которых они замучили. Я жажду, молодой человек, чтобы час этот пробил; он мне столь же желанен, как час свадьбы для жениха. Но если Господу моему труд мой еще необходим на земле, я обязан безропотно трудиться во имя Его.

– Поешьте и отдохните, – сказал Мортон. – С первым светом, как только станет возможным различать тропу на болоте, вам следует покинуть наш дом и направиться в горы.

– Молодой человек, – задумчиво произнес Белфур, – вы уже тяготитесь мною и, вероятно, тяготились бы еще больше, если бы знали, какое бремя я только что возложил на себя. И это неудивительно, ибо порою я сам себе в тягость. Разве не тяжкое испытание для плоти и духа чувствовать себя орудием, выполняющим справедливые приговоры Неба, пока ты сам еще на брэнной земле и сохраняешь в себе слепое чувство и сострадание к телесным мучениям, которые заставляют содрогаться нашу грешную плоть, когда мы пронзаем мечом чужую? И неужели вы думаете, что, отняв жизнь у какого-нибудь зловреднейшего тирана, те, через кого свершилось возмездие, оглядываясь назад и вспоминая свое участие в его умерщвлении, могут неизменно пребывать неколебимыми и твердыми духом? Не должны ли они порою задаваться вопросом, справедлив ли этот пыл, который они ощущали в себе и под влиянием которого действовали? Не должны ли они иногда терзаться сомнениями, от кого исходило то неумолимое побуждение, которое возникло и укрепилось в них после их горячих молитв о Господнем руководстве в их трудном деле, и не приняли ли они в смятении чувств заблуждение, внушенное им врагом человеческим, за ответ, исходящий от самой Истины?

– В этих вещах, мистер Белфур, я слишком плохо осведомлен, чтобы вступать с вами в спор, но, признаться, я глубоко сомневаюсь в божественном происхождении побуждений, толкающих на поступки, которые противоречат естественному чувству человеколюбия, предписанному нам Небом как непреклонный закон нашего поведения.

Белфура, казалось, взволновали эти слова: он весь передернулся, но тотчас же взял себя в руки и холодно произнес:

– Вполне понятно, что вы привержены таким взглядам, вы узник закона, вы пребываете в яме, еще более темной, чем та, в которую был брошен Иеремия^[52], мрачнее темницы Малахии, сына Гамелеха, где не было воды, но была жидкая грязь. На челе вашем печать кovenantа, но сын праведника, не щадившего своей крови, когда отстаивал поднятое в горах знамя свободы, не сгинет бесследно, как какие-нибудь чада тьмы. Неужели вы думаете, что в эти дни скорби и бедствий от нас не требуется ничего больше, как придерживаться нравственного закона, насколько нам позволяет наша слабая плоть? Неужели вы полагаете, что нам должно добиваться победы лишь над собственными пороками и страстями? Нет, с того часа, как мы препоясали чресла свои, мы обязаны смело вступить в борьбу и, обнажив меч, беспощадно разить им всякого неугодного Богу, будь то даже сосед наш, и жестокосердного мужа власти, будь то наш родственник или друг, которого мы лелеяли в сердце своем.

– Это то самое, – сказал Мортон, – в чем вас обвиняют ваши враги и что если не оправдывает, то, во всяком случае, объясняет жестокие меры, принятые Тайным советом в отношении вас. Ваши противники утверждают, что вы присвоили себе право на самочинные действия, ссылаясь на, как вы говорите, внутреннее озарение, что вы пренебрегаете предписаниями законной власти, законами государства и простой человечностью, если они противоречат тому, что вы называете духом, обитающим в вас.

– Они клеветают на нас, – возразил ковенантер, – это они клятвопреступники, которые попирают всякий закон, божеский и человеческий, это они преследуют нас за приверженность Торжественной лиге и ковенанту Господа с королевством Шотландским, ковенанту, которому все они, за исключением нескольких закоснелых папистов, в былые дни клялись в верности. А теперь они сжигают его на рыночных площадях и, издеваясь, топчут ногами. Да, Карл Стюарт возвратился в наши королевства, но разве они, разве эти нечестивцы вернули его сюда? Они стремились к этому вооруженной рукой, но им это не удалось. Разве я говорю неправду? Разве Джеймс Грей Монтроз и его разбойники-горцы смогли бы возвести его на отцовский трон? Их головы на западных воротах в Эдинбурге долго рассказывали совсем о другом. Работники, что трудились во славу святого дела, те, кто жаждал восстановить скинию в изначальной ее красе, – вот кто вернул Карлу престол, с которого был свергнут его отец. А что мы получили в награду? По слову пророка: «Ждем мира – а ничего доброго нет, ждем времени исцеления – и вот ужасы. От Дана слышен храп коней его, от громкого ржания жеребцов его дрожит вся земля, и придут и истребят землю и все, что на ней, город и живущих в нем».

– Мистер Белфур, – сказал Мортон, – не берусь ни опровергать ваши обвинения правительства, ни признать их справедливыми. Я считаю своей обязанностью заплатить долг старому другу отца, предложив вам убежище, раз вы в нем нуждаетесь, и думаю, что вы извините меня, если я не стану высказываться как за, так и против изложенных вами взглядов. Оставляю вас, чтобы вы могли отдохнуть, и глубоко сожалею, что не в моей власти предоставить вам более удобный ночлег.

– Надеюсь, однако, что увижу вас завтра перед отъездом? Я не такой человек, чтобы прилепиться всем сердцем к родным или друзьям на этой брэнной земле. Взавшись за плуг, я порвал путы моих земных привязанностей и не стану оглядываться и сожалеть об оставшемся у меня за спиной. Но сын моего старого боевого товарища для меня то же, что собственный, и я не могу взирать на него без глубокой и твердой надежды, что придет день, когда он препояшет себя мечом ради того благородного и правого дела, за которое некогда бился и истекал кровью его отец.

Мортон обещал разбудить своего гостя, когда рассветет настолько, что он сможет продолжить свой путь, и они расстались.

Мортон прилег, чтобы хоть немного вздремнуть; но воображение, возбужденное событиями минувшего дня, не дало ему желанного отдыха. Его томили неясные, но мучительные видения, главным действующим лицом которых был его новый знакомец. К ним примешивался также образ Эдит Белленден; прекрасное лицо ее было в слезах, волосы в беспорядке, и она, казалось, искала его поддержки и зывала к нему о помощи, которой он не мог ей оказать. Мортон пробудился от беспокойного сна, чувствуя себя совершенно разбитым, и сердце его сжалось в предчувствии чего-то недоброго. Вершины далеких гор уже горели в лучах восходящего солнца, было совсем светло; летнее утро дышало свежестью.

«Я проспал! – воскликнул он, обращаясь к себе самому. – Уже поздно, и нужно поторопиться этого несчастного скитальца с отъездом».

Он поспешно оделся, осторожно отворил дверь и торопливо направился к убежищу ковенантера. Мортон вошел к нему на носках, так как резкость тона и манер этого странного человека, равно как и его необыкновенные речи и убеждения, внушила ему чувство, близкое к страху. Белфур еще не проснулся. Луч солнца осветил убогое ложе без полога и позволил Мор-

тону рассмотреть его суровое, с искажившимися чертами лицо, на котором отражалась какая-то ожесточенная внутренняя борьба. Он не раздевался. Руки его лежали поверх одеяла; правая была крепко сжата в кулак и время от времени как бы порывалась нанести кому-то удар, как это нередко бывает, когда снятся кошмары, левая, беспомощно вытянутая вдоль тела, иногда поднималась, словно отталкивая кого-то. На лбу его каплями выступил пот, «как пузырьки на только что растревоженных водах потока», и этим признакам внутреннего смятения сопутствовали отрывочные слова, срывавшиеся с его уст: «Я настиг тебя, иуда... Я настиг тебя... не ползай у моих ног... не ползай... Разите его!.. Священнослужитель? Увы, священнослужитель Ваала^[53], которого должно связать и убить тут же на берегу Киссона...^[54] Пуле не взять его... Разите... Пронзите его клинком... Кончайте скорее... Кончайте... Избавьте его от мучений хотя бы из уважения к седидам его».

Встревоженный смыслом этих выкриков, вырывавшихся у спящего с мрачною страстностью и наводивших на мысль о каком-то совершенном им насилии, Мортон стал будить своего гостя и трясти его за плечо. Просыпаясь, тот произнес: «Делайте со мной что хотите, я готов отвечать за содеянное».

Осмотревшись вокруг и придя наконец в себя, он тотчас же принял свой обычный строгий и мрачный вид и, опустившись на колени, прежде чем заговорить с Мортонем, излился в пылкой молитве о страждущей церкви Шотландии, о том, чтобы кровь ее святых мучеников и страстотерпцев была угодна Создателю и чтобы щит Всемогущего оборонил рассеянные остатки их, во имя Его скрывшиеся в пустыне. Возмездие, скорое и полное возмездие угнетателям и насильникам – вот о чем в заключение просил он в своей молитве, произнесенной энергичным и возвышенным языком, выразительность которого усиливали восточные обороты Писания.

Окончив молиться, он поднялся с колен и, взяв Мортоня под руку, спустился вместе с ним с сеновала в конюшню, где Скиталец (под таким именем знали Берли приверженцы его секты) принялся снаряжать коня в путь. Оседлав и взнуздав его, он попросил Мортоня проводить его хотя бы немного, на расстояние ружейного выстрела, через лес и указать кратчайшую дорогу к болоту. Мортон охотно согласился, и они некоторое время двигались молча в тени раскидистых старых деревьев, по заброшенной тропе, которая, пройдя по лесу, выводила к голой пустоши, простиравшейся до подножия гор.

Беседа их не вязалась, пока Берли неожиданно не спросил Мортоня, не принесли ли плодов в душе его те слова, которые были сказаны им минувшею ночью.

Мортон ответил, что остался при своем старом мнении и что он полон решимости, насколько возможно и пока будет возможно, совмещать в себе доброго христианина и вместе с тем верноподданного.

– Другими словами, – заметил Берли, – вы хотите служить и Богу и маммоне^[55], в иные дни вещать своими устами истину, а в иные – брать в руки оружие и по приказу земной и тиранической власти проливать кровь тех несчастных, которые ради той же истины отреклись от благ мира сего. Неужели вы полагаете, – продолжал он, – что можно прикоснуться к смоле и не испачкаться; стать в ряды безбожников, папистов, прелатистов, латитудинариев^[56] и богохульников; разделять их забавы, которые представляют собою не что иное, как жертвоприношение идолам, входить при случае к их дочерям, как некогда, до потопа, сыны Божии входили к дочерям человеческим, – неужели вы полагаете, говорю я, что можете творить эти мерзости и остаться неоскверненным? А я говорю вам, что всякое общение с врагами церкви – страшное зло, ненавистное Господу! Не прикасайтесь, не трогайте, не берите в руки! И не тужите, молодой человек, точно вам одному на всем свете приходится подавлять в себе земные привязанности и отрекаться от наслаждений, которые суть силки, раскинутые у вас под ногами. Говорю вам, что сын Давидов^[57] не лучшую долю возвестил всему роду людскому.

Он вскочил на коня и, обернувшись к Мортону, прочел текст Писания:

– «Тяжкое бремя возложено на сынов Адамовых с того дня, как они вышли из чрева матери, и до того, когда возвратятся в лоно матери сущего; и тому, кто облачен в лазоревый шелк и украшен венцом, и тому, на ком простые льняные одежды, тот же удел: вражда и зависть, заботы и тревоги душевные, тяготы, и борьба, и страх смерти в час отдохновения и покоя».

Произнеся эти слова, он пустил коня вскачь и вскоре исчез между деревьев.

«Прощай, суровый фанатик, – подумал Мортон, смотря ему вслед. – Сколь опасно могло бы быть для меня общение с таким человеком в иные мои минуты. Если он и не увлек меня своим рвением к догматам веры или, точнее, к определенной форме устройства церкви (ибо это главное в его рассуждениях), то могу ли я именоваться человеком в полном смысле этого слова, и к тому же шотландцем, и равнодушно взирать на гонения, превращающие разумных людей в безумцев? И не боролся ли мой отец за дело гражданской и религиозной свободы? Поступлю ли я правильно, оставаясь бездеятельным или став на сторону творящей насилия власти, если представится действительная возможность избавить от невыносимых страданий несчастных моих соотечественников? Но кто мне поручится, что люди, одичавшие от преследований, не станут в час торжества такими же жестокими и нетерпимыми, как те, кем они ныне гонимы? Какую умеренность, какого милосердия можно ожидать, скажем, от Берли, одного из главных их предводителей, еще не остывшего, по-видимому, от какого-то только что совершенного им насилия, Берли, угрызания совести которого так сильны, что их не может заглушить даже его пламенный фанатизм? Мне надоело видеть вокруг себя только насилие, только ярость, то под личиной законной государственной власти, то под личиной религиозного рвения. Мне ненавистны родина, я сам, моя зависимость, необходимость подавлять свои чувства, этот лес, река, дом – все, кроме одной Эдит, но и она никогда не станет моей. К чему подстергать ее на прогулке? К чему тешить себя, а может быть, и ее несбыточными мечтами? Все равно она никогда не станет моей.

Все ополчилось против меня: ее надменная бабка, враждебные друг другу взгляды наших семейств, мое проклятое подневольное положение... О жалкий, несчастный раб, не располагающий даже жалованьем слуги, – и нет ни малейшей надежды, что мы когда-нибудь сможем соединиться! К чему упорствовать, к чему тешить себя такой мучительной мечтой?»

– Но я не раб! – сказал он вслух, выпрямляясь во весь рост. – Да, я не раб, по крайней мере в одном. Я могу уехать отсюда; шпага моего отца – моя шпага; передо мною Европа, как некогда она была перед ним и сотнями моих соотечественников, наполнивших ее громкою славою своих подвигов. Быть может, и меня вознесет какой-нибудь нечаянный случай, как вознес наших Рутвен^[58], Лесли^[59] или Монро^[60], лучших военачальников прославленного ревнителя протестантства, короля Густава-Адольфа; во всяком случае, там меня ждет жизнь солдата или могила солдата.

Занятый этими мыслями, он обнаружил, что неприметно для себя самого дошел до усадьбы дядюшки. Он решил не терять времени и немедленно известить его о своих планах.

«Но один-единственный взгляд Эдит, одна-единственная прогулка с нею, и моя решимость бесследно исчезнет. Я должен отрезать себе путь к отступлению, и когда со всем будет покончено, только тогда повидаться с нею».

Обуреваемый этими мыслями, он вошел в столовую с отделанными панелью стенами, где застал дядю за утреннюю трапезой, состоявшей из огромной миски овсяной каши и такого же количества пахтанья. Тут же на страже находилась и уже известная нам любимица дядюшки, его домоправительница, стоявшая позади него, наклонившись над спинкою его кресла, в позе, которая свидетельствовала о свободе в обращении и вместе с тем о почтительности. Старый джентльмен в дни молодости был поразительно высокого роста, но уже давно утратил свою молодецкую выправку и согнулся до такой степени, что какой-то шутник-сосед, встретив его на собрании, где обсуждался вопрос о способах постройки горбатого моста, который предпо-

лагалось перебросить через довольно широкий ручей, предложил выплатить Милнвуду порядочную сумму за его кривой позвоночник, утверждая, что тот охотно продаст любую принадлежащую ему собственность. Кривые ноги необыкновенных размеров, длинные тонкие руки, кисти которых украшались ногтями, давно не знавшими ножниц, дряблое и сморщенное лицо, длиною своею под стать всей его нескладной фигуре, вместе с маленькими хищными серыми глазами, выискивавшими всегда и везде только корысть, довершали не предвещавшую ничего хорошего наружность мистера Мортон из Милнвуда. Было бы весьма неразумно вкладывать в такую недостойную оболочку благородство, благожелательность и прочие добрые качества, и природа снабдила его душою, вполне соответствующей его внешности, то есть низкой, эгоистичной и алчной.

Когда эта симпатичная личность заметила появившегося в столовой племянника, она поспешила, прежде чем обратиться к нему, проглотить полную ложку каши, которую как раз подносила ко рту, а так как каша оказалась чертовски горячей, причиненный ею ожог, пока она опускалась по пищеводу в желудок, усилил раздражение мистера Милнвуда, и без того сердившегося на своего юного родственника.

– Черт побери того, кто ее стряпал! – таково было его первое восклицание, обращенное к миске с кашей.

– А каша сегодня отменная, – заметила миссис Уилсон, – вам нужно было только остудить ее в ложке. Я сама варила ее, но когда у людей не хватает терпения, горло у них должно быть луженым.

– Помолчите, Элисон! Я говорю с племянником. Итак, что вы скажете, сударь? Где это вы пропадали так поздно? Вчера вас не было дома почти до полуночи.

– Да, сэр, около этого, – бесстрастным тоном ответил Мортон.

– Около этого, сударь? Это что за ответ, сударь? Почему вы не изволили возвратиться домой вместе со всеми присутствовавшими на смотре?

– Полагаю, что вы отлично осведомлены об этом, – сказал Мортон. – Мне вчера посчастливилось занять первое место среди стрелков, и я задержался, чтобы угостить, по обычаю, других молодых людей, участников состязания.

– Черт побери, сударь! И вы мне об этом заявляете прямо в глаза? И вы позволяете себе угощать других, вы, который не знали бы, чем пообедать, если бы вас не кормил столь долготерпеливый человек, как я? Но если я трачусь на вас, вы обязаны, по крайней мере, отработать стоимость вашего содержания. Не понимаю, почему бы вам не взяться за плуг, особенно теперь, когда от нас ушел пахарь; это было бы вам больше к лицу, чем наряжаться в зеленые тряпки и выбрасывать деньги на свинец и порох: вы имели бы в руках честное ремесло и смогли бы добывать хлеб свой насущный, никого не обременяя.

– Я был бы рад научиться этому ремеслу, но я не умею управлять плугом, сэр.

– А почему бы и не научиться? Это гораздо легче, чем стрелять из ружья или лука, что составляет ваше излюбленное занятие. Старый Дэви еще не закончил пахоты, и два-три дня вы могли бы поработать у него как погонщик, только смотрите не загоните быков; это будет, по крайней мере, настоящее дело! Дэви вас живо обучит, ручаюсь вам в этом! В Хегихолме земля тяжелая, а он становится стар, чтобы пахать с опущенным как следует лемехом.

– Извините, сэр, но я вынужден вас перебить: я принял решение, которое освободит вас от бремени и неприятностей, связанных с моим пребыванием здесь.

– Так вот оно что? В самом деле? У вас есть решение? Это, надо полагать, что-нибудь очень мудрое, – сказал дядюшка с ехидной усмешкою. – Расскажите, дружок, а мы вас послушаем.

– Я изложу его в двух словах, сэр. Я намерен покинуть нашу страну и отправиться служить за границу, как это сделал когда-то отец; он уехал, как вы знаете, прежде, чем у нас нача-

лись эти злосчастные беспорядки. Имя его и сейчас не забыли в тех странах, где он служил, и его сыну, надеюсь, оно поможет попытаться солдатского счастья.

– Храни нас Боже от этого! – воскликнула домоправительница. – Да чтобы наш молодой мистер Гарри отправился за границу! Нет, нет, нет, этому не бывать!

Милнвуд, не помышлявший о том, чтобы расстаться с племянником, и в глубине души не желавший этого, так как тот во многих отношениях был ему чрезвычайно полезен, выслушав внезапную декларацию независимости, и притом от того самого юноши, над которым он издавна и неограниченно властвовал, был поражен ею как громом. Впрочем, самообладание тотчас же вернулось к нему.

– А кто, молодой человек, должен, по-вашему, предоставить вам средства для выполнения этой дикой затеи? Уж конечно, не я. Мне и так едва удастся содержать вас у себя дома. И вы, несомненно, там женитесь – я в этом уверен, – как поступил и ваш покойный отец, и пришлете к дядюшке кучу малых ребят, которые будут драться друг с другом и орать на весь дом, когда я состарюсь, а потом, как только отрастут у них крылья, улетят прочь так же, как вы, если от них потребуют поработать на пользу поместью. Не так ли?

– Я никогда не женюсь.

– Только послушать его! – вмешалась домоправительница. – Стыд и срам, чтобы такой чудесный молодой человек говорил подобные слова, когда всякий знает, что кому же, как не таким, нужно жениться, не то пойдет баловство.

– Помолчите же, Элисон, – прервал ее владелец Милнвуда, – помолчите и вы, Гарри, – добавил он мягче, – и выкиньте эту бессмыслицу из головы – это все оттого, что вчерашний день вы были солдатом. И учтите, дружок, что для выполнения этих бессмысленных планов недостает самого главного, то есть денег.

– Прошу извинить меня, сэр, мои желания очень скромны, и если бы вы возвратили мне золотую цепь, которая была пожалована маркграфом отцу после битвы при Люцене...

– Покорно благодарю! Золотую цепь! – вскричал в ужасе дядюшка.

– Золотую цепь! – как эхо повторила за ним домоправительница.

Оба были потрясены дерзостью этого предложения.

– Я сохранию только несколько ее звеньев, – продолжал молодой человек, – чтобы они напоминали мне постоянно о том, кто когда-то ее носил, а также о месте, где она была пожалована ему; остального мне хватит, чтобы начать такой же жизненный путь, как тот, на котором отец удостоился этой награды.

– Сохрани нас Господь! О небо! – воскликнула миссис Уилсон. – Но ведь хозяин носит ее каждое воскресенье!

– И воскресенье и субботу, – добавил старый Милнвуд, – всякий раз, как надеваю костюм из черного бархата. И, знаете, Уилли Мак-Трикет склонен считать, что эта цепь – наследственное имущество, которое принадлежит скорее главе семьи, чем непосредственному потомку покойного владельца ее. В ней три тысячи звеньев; я пересчитывал их множество раз. И стоит она три тысячи фунтов стерлингов.

– Это больше того, что мне нужно, сэр; если вы сообразовите выдать мне третью часть этих денег и пять звеньев цепи, я смогу достигнуть поставленной мною цели; что касается остального, то пусть оно послужит слабым возмещением за издержки и хлопоты, которые я вам доставил.

– Да этот парень спятил с ума! – воскликнул дядюшка. – А что станет с Милнвудом и всеми его постройками, когда я умру и отправлюсь в дальнее странствие? Он готов был бы бросить даже корону Шотландии, если бы она была у него.

– Погодите, сэр, – заметила домоправительница, – я должна сказать, что и вы тут не без вины. Вам не следовало так туго натягивать повод. И раз он побывал в «Приюте» у Нийла, право же, вам придется оплатить счет.

– Ничего не поделаешь; но только чтобы этот счет не превысил двух долларов, – ответил старый джентльмен, совершенно убитый непредвиденными расходами.

– Я сама договорюсь с Нийлом, дайте мне только съездить в местечко; и поверьте, мне это дело станет дешевле, чем стало бы вам, ваша милость, или мистеру Гарри. – Сказав это, она зашептала на ухо Генри: – Не волнуйте вы его больше; если понадобится, я рассчитаюсь с Нийлом из масляных денег, и вообще довольно об этом. – И она снова обратилась к Милнвуду: – Не посылайте молодого человека ходить за плугом; в наших местах сколько угодно голодных бедняков вигов, и каждый из них будет рад пахать землю за кусок хлеба и миску похлебки, а это больше пристало им, чем такому, как он.

– И тогда на нас нагрянут драгуны, – возразил Милнвуд, – и обвинят в том, что мы укрываем и кормим мятежников; славный выход, нечего сказать, вы нам предлагаете! Но садитесь завтракать, Гарри, и потом скиньте наконец ваш новый зеленый костюм и наденьте домотканый, серого цвета; он более практичен, и вид у вас в нем мужественнее и приличнее, чем в этом покупном тряпье с пышными лентами.

Генри Мортон, покидая столовую, ясно видел, что у него нет никаких надежд на достижение поставленной цели; впрочем, возможно, что его не слишком огорчали препятствия, которые мешали ему покинуть поместье, расположенное так близко от Тиллитудлема. Миссис Уилсон, последовав за ним в соседнюю комнату и похлопав его по спине, попросила «быть добрым мальчиком и выбросить из головы все эти сумасбродные выдумки».

– Я обошью галуном вашу шляпу и спорю с нее ленты, а также тесьму, – сказала эта вездесущая дама, – а вы никогда, ни за что на свете, не должны говорить о том, что покинете родину или что нужно продать золотую цепь; ваш дядюшка счастлив, лишь когда видит вас перед собою и когда считает звенья на цепи; и потом, разве можно оставить навсегда старика? Ведь и цепь и земли – все-все станет когда-нибудь вашим; и вы сможете жениться на любой девице в наших краях, какая только приглянется вам, и богато жить в Милнвуде, ведь тут всего вдоволь. А разве это не стоит того, чтобы подождать еще, голубь мой?

В заключительной части пророчества миссис Уилсон содержалось нечто до такой степени приятное для слуха Мортонна, что он сердечно пожал руку старушки. Он сказал ей, кроме того, что очень обязан ей за добрый совет и что хорошенько подумает обо всем этом, а пока не будет настаивать на своем прежнем решении.

Глава VII

*В семнадцать лет вошел я в эту дверь;
Мне семьдесят – я ухожу теперь.
В семнадцать лет как счастья не искать?
Но в семьдесят позднею начинать.
«Как вам это понравится»^[61]*

Теперь мы должны перенестись в Тиллитудлем, куда леди Маргарет вернулась, выражаясь романтическим слогом, расстроенная и с тяжким бременем на душе по причине неожиданного и, как она полагала, несмываемого позора, которым покрыло ее перед всеми злосчастное происшествие с Гусенком Джибби. Этот незадачливый воин был безотлагательно отправлен пасти свое пернатое стадо в самый дальний уголок выгона, чтобы не растравлять душевных ран своей госпожи и не попадаться ей на глаза, пока не изгладится воспоминание о недавнем позоре.

Тотчас по возвращении леди Маргарет нарядила торжественный суд, к участию в котором были привлечены Гаррисон и дворецкий – и как свидетели, и как заседатели, – для установления виновности Кадди Хедрига, пахаря, а также злостного подстрекательства со стороны его матери, так как оба эти лица, по общему мнению, были подлинными виновниками тяжелого поражения, понесенного рыцарством Тиллитудлема. Когда следствие было закончено и преступление неопровержимо доказано, леди Маргарет приняла решение лично пристыдить подсудимых и, если они не раскаются, вынести приговор об их изгнании из пределов баронства. Лишь одна мисс Белленден осмелилась замолвить словечко за осужденных, но ее заступничество не оказало той помощи, какую могло бы оказать при других обстоятельствах. Узнав, что незадачливый кавалерист несколько не пострадал при падении, Эдит, вспоминая о его злоключениях, не могла совладать с одолевшим ее желанием посмеяться, и, несмотря на досаду и негодование леди Маргарет, смех разбирал ее тем сильнее, чем настойчивее, как это обычно бывает, она стремилась его подавить. Эти приступы смеха не раз повторялись и по дороге домой, пока ее бабка, которую не смогли обмануть вымышленные причины, приводимые юною леди в объяснение неуместной веселости, не отчитала ее в полных горечи выражениях за бесчувственное отношение к чести семьи. Вот почему вмешательство мисс Белленден не имело никакого успеха.

Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, леди Маргарет сменила палку с набалдашником из слоновой кости, которую обычно брала с собой во время прогулок, на огромную трость с золотым набалдашником, доставшуюся ей после отца, покойного графа Торвуда; ею, словно своего рода официальным жезлом, она пользовалась лишь в исключительно важных случаях. Опираясь на свой грозный, царственный посох, леди Маргарет Белленден проследовала к хижине провинившихся и переступила ее порог.

Старая Моз со смущенным лицом поднялась с плетеного стула и, покинув свое место у очага, выступила вперед, но не с выражением сердечной радости, как бывало, свидетельствовавшей о том, насколько она польщена честью, оказанной ей госпожою, а с какой-то торжественностью и робостью, напоминая собой обвиняемого, который впервые предстает перед судьей и, несмотря ни на что, полон решимости отстаивать свою невиновность. Ее руки были скрещены на груди, губы, выражая почтительность, смешанную с упорством, плотно сжаты; вся она изображала собою внимание и готовность к этой торжественной аудиенции. Встретив высокую гостью старательным приседанием и молчаливым поклоном, Моз, как обычно, указала на стул, на котором леди Маргарет (славная леди обожала посплетничать) не раз, бывало, просиживала по получасу, слушая всякую всячину, касающуюся округи и ближнего городка.

Но теперь ее госпожа была слишком разгневана, чтобы снизить до подобной милости. Величественным жестом она отклонила немое приглашение Моз и, выпрямившись во весь рост, начала нижеследующий допрос, ведя его таким тоном, чтобы подавить обвиняемую:

– Правду ли, Моз, сообщили мне Гаррисон, Гьюдыл и другие из моих слуг, что, преступно нарушив свои обязанности перед Богом, королем и мною, вашей исконной леди и госпожой, вы осмелились не пустить вашего сына на смотр, созванный по приказу шерифа, и возвратили оружие, доспехи и снаряжение, когда не было уже никакой возможности подыскать вместо Кадди подходящего человека, из-за чего баронство Тиллитудлем как в лице владетельницы его, так и в лице его обитателей подверглось такому унижению и бесчестью, каких наша семья не запомнит со времен Малколма Кенмора?^[62]

Моз безгранично уважала свою госпожу и теперь пришла в замешательство, не зная, как себя защитить; робко кашлянув несколько раз, она наконец ответила:

– Конечно... миледи... хм... хм... Конечно, мне горько... мне очень горько, что произошла неприятность. Но болезнь моего сына...

– Не говорите мне о болезни вашего сына, Моз! Если бы он действительно захворал, вам следовало прийти на рассвете в замок и попросить у меня чего-нибудь из моих снадобий, и ему стало бы легче; почти нет недугов, от которых у меня не было бы лекарства; и вам это отлично известно.

– О да, миледи! Конечно! Я убедилась, что вы чудо как лечите. Питье, что вы прислали Кадди в последний раз, когда на него напали колики в животе, прямо как рукой сняло с него хворь.

– Почему же, дорогая моя, вы не обратились ко мне, раз в этом была нужда? А потому, что никакой нужды не было. Слышите вы, вероломная женщина!

– Ваша милость никогда прежде не обзывали меня такими словами. Горе мне! Ах, зачем я дожила до этого часа, чтобы услышать такое! – воскликнула Моз, разражаясь слезами. – И это я, которая родилась в Тиллитудлеме и прожила тут свой век, служа владельцам его! Я вижу, нас с Кадди считают злодеями, раз говорят, что он не бился бы в крови выше колен за вашу милость, и за мисс Эдит, и за старый замок, но это неправда, он бился бы, и лучше ему погибнуть под его развалинами, чем покинуть вас, спасаясь от смерти; но верховая езда, смотры, миледи, ну их совсем... не слышать бы мне о них вовсе! Не могу понять, на что только они нужны!

– На что нужны? – вскричала высокородная леди. – А разве вам не известно, безрассудная женщина, что вы, являясь моими вассалами, обязаны участвовать в моей охоте и моем ополчении, должны охранять и защищать меня от врагов, если вас на законном основании призовут к этому от моего имени? Вы несете службу не безвозмездно. Насколько я знаю, вы пользуетесь землей. Вы живете здесь на хороших условиях; у вас тут и дом, и хлев, и огород, и пастбище на моем выгоне. Много ли найдется таких, которые жили бы лучше вашего? А вы ропщете, когда от вашего сына требуют, чтобы он один-единственный день послужил мне в строю!

– Нет, нет, миледи... здесь вовсе не то! – воскликнула Моз в замешательстве. – Но нельзя служить двум господам; и если уж говорить правду, как она есть, то существует тот, чьи веления я обязана выполнять прежде ваших. И я, конечно, не стану повиноваться ни королю, ни кесарю, ни кому-либо из бранных земных созданий наперекор его воле.

– Так вот оно что! Да вы совсем выжили из ума! Разве я приказываю вам что-нибудь не согласное с совестью?

– Я не хочу утверждать это, миледи; тут нет ничего не согласного с совестью вашей милости; ведь вы выросли в правилах прелатизма. Но каждый должен идти, сам себе освещая дорогу светом собственной веры, а моя, – продолжала Моз, набираясь смелости по мере того, как их разговор становился все напряженнее, – а моя вера велит, чтобы я скорее лишилась дома,

огорода и пастбища для коровы и претерпела всякие муки, чем надела на себя доспехи или позволила моему сыну облачиться в них ради неправого дела.

– Неправого! – воскликнула леди Маргарет. – Дело, к которому вас призывают ваша законная госпожа, воля его величества, распоряжение Тайного совета, приказ лорда-лейтенанта и вызов шерифа, – это дело неправое?!

– Ах, миледи, конечно, неправое, не гневайтесь, ваша милость; вспомните, что говорит Писание о царе Навуходоносоре^[63], который поставил золотого истукана на поле Деир, а место было на равнине у реки, совсем как то, где вчера собралось ополчение; князья, наместники, военачальники, судьи – и они также – и еще хранители царской казны, советники и шерифы были собраны туда на поклонение истукану, и им велели пасть перед ним и почитать его при звуках труб, флейт, арф, фанфар, псалмов и другой музыки.

– Ну и что из того? До чего же вы глупая женщина! Что общего между Навуходоносором и смотром в Верхнем Уорде Клайдсдейла?

– Сейчас объясню, миледи! Чутьочку погодите! – продолжала твердым голосом Моз. – Епископальная церковь – то же самое, что золотой истукан в поле Деир, и так же как Седрах, Мисах и Авденаго^[64] (только они одни – и больше никто – отказались пасть ниц и преклониться перед ним), так и Кадди Хедриг, ничтожный пахарь на службе у вашей милости, по крайней мере с согласия своей старой матери, не станет кривляться или, как они говорят, совершать коленопреклонения в доме прелатов и приходских священников и не препояшет себя мечом, чтобы биться за их дело ни под литавры, ни под орган, ни под волынку, ни под какую другую музыку.

Леди Маргарет слушала это изложение Библии вне себя от негодования и изумления.

– Так вот с какой стороны задул ветер! – воскликнула она, приходя в себя после минутного оцепенения. – Злобный дух тысяча шестьсот сорок второго года^[65] снова творит свое дело, и притом настойчивее, чем прежде, и всякая старуха у очага вступает в спор о вере Господней с учеными богословами и праведными отцами церкви!

– Если ваша милость понимает епископов и священников, то какие же они отцы – они отчиму нашей шотландской церкви. И, раз ваша милость желает, чтобы мы с Кадди убрались отсюда, я скажу вам начистоту еще одну вещь. Ваша милость и управитель хотели приставить моего сына Кадди к машине, что недавно придумана для провеивания зерна¹⁷ и отделения его от мякины. А я считаю, что поднимать ветер при помощи человеческих ухищрений ради собственной нужды вашей милости, вместо того чтобы молиться о нем или покорно и терпеливо ждать, когда Провидению будет угодно ниспослать его на тот холм, где ваше гумно, – это значит безбожно восставать против промысла Господня. И еще, миледи...

– Эта женщина способна вывести из себя хоть кого! – прервала ее леди Маргарет; затем властно и жестко она добавила: – Итак, Моз, закончу тем, с чего мне следовало начать: вы для меня слишком ученая и слишком благочестивая, и я не могу спорить с вами. Только скажу вам вот что: либо Кадди всякий раз беспрекословно будет являться на смотр, когда его на законном основании призовет к этому мой управляющий, либо вам и ему придется немедленно убраться отсюда и покинуть мои владения; старух и пахарей сколько угодно; но если бы их и вовсе не существовало на свете, я предпочла бы, чтобы на полях Тиллитудлема не росло ничего, кроме бурьяна, и в нем гнездились целые тучи птиц, чем чтобы мою землю распахивали мятежники, восставшие против своего короля.

– Ну что же, миледи, – сказала на это Моз, – здесь я родилась и думала, что умру там же, где умер отец; а ваша милость всегда была доброю госпожой, и я никогда не скажу ничего

¹⁷ Возможно, что речь идет о чем-то вроде амбарных веялок, употребляемых теперь для провеивания зерна, которые, однако, появились в их нынешнем виде не ранее 1730 года. При своем появлении они были враждебно встречены наиболее ревностными сектантами, рассуждавшими так же, как наша славная Моз. (Примеч. авт.)

другого и никогда не перестану молиться за вас и мисс Эдит и о том, чтобы на вас снизошла благодать и вы узрели заблуждения вашего сердца. Но пока...

– Заблуждения моего сердца! – взорвалась леди Маргарет. – Заблуждение сердца! Да как вы смеете, дерзкая женщина?

– О да, миледи; обитая в юдоли слез и во тьме, все мы впадаем во множество заблуждений, и великие мира сего, и малые; но я сказала уже: мое ничтожное благословение всегда будет с вами и близкими вам, где бы я ни была. Я буду вам сострадать, если услышу о ваших горестях, я буду счастлива, услышав о вашем благополучии как на земле, так и на Небе. Но я не могу повиноваться велениям земной своей госпожи наперекор велениям Бога, иже на Небе, и я готова претерпеть за правое дело.

– Отлично, – заявила леди Маргарет, повернувшись спиной к своей собеседнице, – отлично, вам известно мое решение, Моз. Я не желаю иметь у себя в баронстве Тиллитудлем заядлых вигов. Еще немного, и вы устройте, пожалуй, свое молитвенное собрание не где-нибудь, а в моей гостиной.

Произнеся эти слова, она удалилась с превеликим достоинством, тогда как Моз, дав волю чувствам, которые она подавляла в себе во время аудиенции, – ведь у нее была своя гордость, – разразилась жалобами и начала громко рыдать.

Кадди, которого все еще удерживала в постели болезнь – мнимая или действительная, – лежал, пока шли прения, у себя на кровати за дощатою перегородкой, совершенно убитый услышанным. Он притаился и боялся пошевелинуться, трепеща при мысли о том, как бы леди Маргарет, к которой он испытывал своего рода наследственное почтение, не обнаружила его присутствие и не обрушила на него столь же горькие упреки, какими она осыпала его старую мать. Но, едва миледи ушла и миновала опасность быть услышанным ею, он выпрыгнул из своего гнезда.

– Вы просто спятили, вот что я скажу вам! – закричал он, подступая к матери. – У вас язык на целую милю, как говаривал отец. Неужели вы не могли оставить леди в покое и не приставать к ней с вашим пуританством? А я-то, взрослый дурень, послушался вас и улегся, как мальчишка, под одеяло, вместо того чтобы ехать вместе со всеми на смотр. Господи Боже, а я все-таки ловко обвел вас вокруг пальца: ведь не успели вы повернуться ко мне спиной, как я вылез в окно и дал тягу, чтобы пострелять в «попку», и как-никак дважды попал в него! Ради вашей блажи я обманул нашу леди, но я не собирался обманывать мою милую. А теперь она может выходить за кого вздумает, ведь меня все равно навсегда выгнали отсюда. Получается, что эта взбучка почище той, которую нам задал мистер Гьюдиль, когда вы заставили меня как-то в Сочельник отказаться от каши с изюмом, будто Господу Богу или еще кому-нибудь не все одно, поужинал ли пахарь пирожком с начинкою или овсяным киселем.

– Замолчи, сынок, замолчи, – ответила Моз, – ничего ты в этом не смыслишь: то была недозволенная еда, она разрешается только в особые дни, да еще в праздники, а в прочее время протестантам запрещено к ней прикасаться.

– А теперь, – продолжал Кадди, – вы навлекли на нас гнев уже самой леди! Когда бы я мог приодеться почище да поприличнее, я бы спрыгнул с кровати и сказал, что поскачу, куда ей будет угодно, днем или ночью, и она бы оставила нам и дом, и наш огород, где растет лучшая ранняя капуста во всей округе, и пастбище на господском выгоне.

– Но, драгоценный мой мальчик, мой Кадди, – продолжала старая женщина, – не ропщи на ниспосланные нам испытания; не жалуйся, раз терпишь за правое дело.

– А откуда мне, матушка, знать, правое оно или нет, – возразил Кадди, – или, может быть, оно правое потому, что вы так часто восхваляете вашу веру? Тут мне ничего не понять. По-моему, между обеими верами не такая уж разница, как думают люди. Кто же не знает, что священники читают те же слова, которые читаются и у нас; а если это праведные слова, то

славную сказку, как я считаю, не грех и дважды послушать, и всякому тогда легче ее понять. Не у каждого столько ума, как у вас, матушка, чтобы сразу уразуметь такую премудрость.

– Ах, дорогой мой Кадди, это и есть для меня самое горькое, – проговорила взволнованно Моз. – Сколько раз я тебе объясняла различие между чистой евангелической верой и верой, испорченной выдумками людей. Ах, мальчик мой, если не ради своей души, то ради моих седин...

– Ладно, матушка, – прервал ее Кадди, – к чему поднимать столько шума? Я всегда делал все, что вы мне велели; я ходил в церковь по воскресеньям, как вы хотели, и, кроме того, заботился о вас во все дни недели, а беспокоюсь я больше всего о том, как мне вас прокормить в это тяжелое время. Не знаю, смогу ли я пахать на каком-нибудь поле, кроме господского или Маклхема; ведь я никогда не работал на другой земле, и она не будет мне родной и знакомой. И ни один из окрестных землевладельцев не осмелится взять нас к себе в поместье после того, что нас прогнали отсюда как нонэнормистов¹⁸.

– Нонконформистов¹⁶⁶, милый, – вздохнула Моз, – таким именем окрестили нас люди.

– Ну что ж! Придется уйти подальше, может, за двенадцать или пятнадцать миль. Я мог бы служить, конечно, в драгунах, ведь я хорошо езжу на лошади и умею поиграть с палашом, но вы опять завопите о вашем горе и о ваших седилах. (Тут всхлипывания Моз заметно усилились.) Ладно, ладно, не буду больше; вы слишком старая, чтобы трястись на обозной телеге вместе с Эппи Дамблен, капральской женой. Но что нам все-таки делать, вот уж не приложу ума! Придется, пожалуй, двинуться в горы, к диким вигам, как их называют, и тогда меня подстрелят, как зайца, или отправят на небо с пеньковым воротником на шее.

– Ах, милый мой Кадди! – воскликнула благочестивая Моз. – Воздержись от таких греховных, себялюбивых речей, которые не лучше, чем неверие в божественный промысл. «Не видел я сына праведника, просящего хлеб насущный», – сказано в Священном Писании; твой отец был хороший и честный человек, хотя, пожалуй, слишком привязанный к земным радостям, мое счастье, – подобно тебе, он тревожился лишь о бранных делах мира сего.

– Ну что ж, – сказал, поразмыслив, Кадди. – Я вижу лишь одно средство, но это то же, что дуть на остывший уголь. Вы, верно, кое-что знаете про дружбу мисс Эдит с мистером Генри Муртоном, которого зовут молодым Милнвудом; я несколько раз относил от него к ней и обратно книжки, а может, и письма. Я делал вид, что ни о чем не догадываюсь, хотя очень хорошо понимал, в чем тут дело, – иногда полезно прикинуться дурачком; и частенько я видел, как они гуляли себе по тропинке у динглвудского ручейка. Но никто ни одного слова не слышал об этом от Кадди. Я знаю, у меня не бог весть какая голова на плечах, но я честен, как наш старый передовой вол, – бедняга, не придется мне больше работать с ним; надеюсь, что тот, кто заменит меня, будет о нем заботиться так же, как я. Так вот, я говорю, пойдем, матушка, в Милнвуд и расскажем мистеру Гарри о нашей беде. Им нужен пахарь, и земля там похожа на нашу. Я уверен, что мистер Гарри возьмет мою сторону, потому что у него доброе сердце. Конечно, от его дяди, старого Ниппи Милнвуда, большого жалованья не жди: у него лапы цепкие, как у самого черта. Но у нас все же будут хлеб, капуста, местечко у очага и кров над головой, а что нам еще нужно на первое время? Итак, поднимайтесь, матушка, и собирайте-ка вещи: раз все равно придется уйти, лучше не ждать, пока старый Гьюдиль и мистер Гаррисон явятся сюда сами и вытолкают нас взащей.

¹⁸ Игра слов: enormity – по-английски «гнусность».

Глава VIII

*Никакого он черта не пуританин и вообще ничего определенного, а
попросту угождатель.
«Двенадцатая ночь»^[67]*

Был уже вечер, когда Генри Мортон увидел, что к усадьбе Милнвуд приближаются укутанная в клетчатый плед старая женщина и поддерживающий ее под руку дюжий, глуповатого вида парень в серой домотканой одежде. Старая Моз отвесила поклон Мортону, но Кадди первым обратился к нему. По дороге он условился с матерью, что по-своему поведет это дело; Кадди охотно склонялся перед ее умственным превосходством и с сыновней почтительностью слушался ее в обычных делах, но на этот раз он решительно заявил, что найти работу или добиться чего-нибудь в жизни он с его малым умишком сумеет не в пример лучше ее, хоть она и может трещать о чем хочешь не хуже любого священника.

В соответствии с их уговором он и начал беседу с Мортоном:

– Славный вечерок выдался нынче для ржи, ваша честь; западный участок здорово поднимается за ночь.

– Не сомневаюсь, Кадди; но что же привело сюда вашу матушку – ведь это она, не так ли? (Кадди кивнул.) Что же привело сюда вашу мать и вас, да еще в дождь и так поздно?

– По правде говоря, сударь, то, что заставляет старух пускаться в дорогу: нужда, сударь, нужда. Я ищу места, сударь.

– Места? В это время года? Что это значит?

Моз не могла дольше сдерживаться. Гордая от сознания, что страдает за правое дело, она начала в тоне подчеркнутого смирения:

– Небу было угодно, с позволения вашей чести, почтить нас посещением...

– Сам сатана в этой женщине и ни крупинки добра! – зашептал Кадди на ухо матери. – Если вы приметесь толковать о ваших треклятых вигах, никто во всей нашей округе не отважится отворить перед нами дверь своего дома. – Затем он громко заговорил, обращаясь к Мортону: – Моя мать стара, сударь, и она забылась в разговоре с миледи, которая не терпит, когда ей хоть немного перечат (сколько я знаю, никто не любит, чтобы с ним спорили, раз может сам себе быть хозяином), особенно, сударь, когда ей перечат ее же люди, – и потом мистер Гаррисон, управитель, и мистер Гьюдйл, дворецкий, не очень-то жалуют нас, а знаете, плохо жить в Риме и ссориться с Папой. Вот я и подумал, что лучше убраться подальше, пока одна беда не привела за собою другую; а потом, у меня к вашей милости письмецо; оно, может быть, объяснит вам получше, зачем мы сюда пришли.

Мортон взял у Кадди записку и, покраснев до ушей от радости и неожиданности, прочел следующие слова: «Если вы можете этим несчастным и беззащитным людям, то премного обяжете вашу Э.Б.».

Он был так взволнован, что не сразу собрался с мыслями; наконец он спросил:

– В чем ваша просьба, Кадди, и чем я мог бы помочь?

– Мне нужна работа, сударь, работа и кров для матери и для меня (у нас есть кое-какие вещи, чтобы обставиться, была бы только тележка перевезти их сюда), и еще мучица, и молоко, и овощи, ведь я за столом не промах, да и матушка, дай Бог ей здоровья, тоже, и потом немного денег, но тут уж решайте с хозяином сами. Я знаю, вы не дадите в обиду бедного человека, если сможете ему пособить.

Мортон покачал головой.

– Что касается пищи и крова, Кадди, то это, наверно, устроится, а вот насчет жалованья – тут дело нелегкое.

– Ну что ж, сударь, как там уж выйдет; все лучше, чем тащиться в Гамильтон или еще куда-нибудь и того дальше.

– Хорошо, Кадди, идите на кухню; я сделаю все, что смогу.

Предстоявшие Мортону переговоры были нелегкими. Ему пришлось уламывать сначала домоправительницу, которая привела тысячу возражений с единственной целью доставить себе удовольствие выслушать просьбы и увещания; после того как удалось наконец преодолеть сопротивление с ее стороны, было уже сравнительно просто уговорить старого Милнвуда взять в дом работника, тем более что платить ему он мог по своему усмотрению.

Моз и ее сыну отвели под жилье помещение в одной из пристроек, и было решено, что, пока они не обзаведутся своим хозяйством, их допустят к скромной трапезе, за которой собирались все слуги Милнвуда. Что касается Мортонна, то он употребил содержимое своего тощего кошелька на подарок Кадди «для обзаведения», как он при этом сказал, и это может служить доказательством глубокого уважения к той, которая поручила его заботам несчастных изгнанников.

– Вот мы и устроились, – сказал Кадди матери, – и если нам не так хорошо и удобно, как прежде, жизнь есть жизнь, где бы ты ни был; а главное, мы с благочестивыми и богобоязненными людьми той же веры, что ваша, и споров о ней у вас, матушка, больше не будет.

– Моей веры, золотко! – воскликнула его сверхученая мать. – Горе мне с твоей и их слепотой! Ах, Кадди, да ведь они в стане язычников и, я думаю, никогда не выберутся оттуда; они немногим лучше прелатистов. Слушают наставления этого заблудшего человека, Питера Паундтекста, который был некогда достойнейшим проповедником слова Господня, а теперь стал вероотступником и за жалованье, чтобы прокормить себя и семью, покинул праведную стезю и пошел за этой черной индульгенцией. О сын мой! Если бы ты проникся евангельской проповедью, которую слушал в долине Бенгонара, когда там говорил наш незабвенный Ричард Рамблбери, этот сладчайший юноша, принявший мученический венец на Сенном рынке^[68] незадолго до Сретенья! Неужели ты не запомнил – а ведь он говорил об этом не раз, – что эрастианство^[69] так же мерзостно, как прелатизм, а индульгенция не лучше эрастианства?

– Да слыханное ли это дело! – прервал ее Кадди. – Нас выгонят и отсюда, и нам некуда будет приткнуться. Вот, матушка, мое последнее слово: если я услышу хоть раз, что вы подымаете крик (на людях, конечно; мне ваша болтовня нипочем, меня от нее лишь ко сну клонит), так вот, если я услышу еще разок такой крик на людях из-за разных там Паундтекстов, и Рамблбери, и всяких вер, и всех этих мошенников, я сделаюсь солдатом, а кто знает, может быть, и сержантом и капитаном, когда вы не перестанете мне надоедать, и пусть Рамблбери вместе с вами отправится к самому черту. Никакого проку не видел я в его наставлениях и ничего через них не добыл, разве что колики в животе, ведь битых четыре часа просидел я на сыром мху, пока шло ваше собрание; а потом леди лечила меня своим снадобьем, и, когда б она знала, с чего я заполучил эту болезнь, она, верно, не торопилась бы выгнать ее своими лекарствами.

Вздыхая в душе над тем, что ее Кадди такой закоснелый и нераскаянный грешник, Моз, однако, не смела больше затрагивать в разговорах запретную тему и хорошо запомнила выслушанное ею предупреждение. Она достаточно хорошо знала характер своего покойного мужа, на которого этот благополучно здравствующий плод их союза был очень похож; она помнила и о том, что, хотя ее супруг в большинстве случаев беспрекословно склонялся пред ее умственным превосходством, все же порою и у него, когда он выходил из себя, случались припадки упрямства, и тогда не помогали ни убеждения, ни угрозы, ни ласки. Трепеща поэтому, как бы Кадди и в самом деле не надумал пойти в драгуны, она прикусила язык и, даже слушая похвалы Паундтексту, как красноречивому и способному проповеднику, сохраняла в себе достаточно здравого смысла, чтобы удержать готовую сорваться с языка гневную отповедь, выражая хлопотавшее в ней возмущение только тяжкими вздохами, которые ее собеседники сочувственно приписывали ее взволнованным воспоминаниям о наиболее патетических местах его поуче-

ний. Трудно сказать, как долго удавалось бы ей подавлять свои истинные чувства и мысли. Неожиданный случай избавил ее от этой необходимости.

Владелец Милнвуда строго придерживался старинных порядков, если они способствовали соблюдению экономии. По этой причине в его доме все еще продолжал сохраняться старый обычай, лет за пятьдесят до того повсеместно распространенный в Шотландии и заключающийся в том, что слуги, принеся с кухни кушанья, садились в нижней части стола и обедали вместе со своими хозяевами. Итак, на следующий день после переселения Кадди и на третий с начала нашего повествования старый Робин, исполнявший в усадьбе Милнвуда обязанности дворецкого, камердинера, ливрейного лакея, садовника и кого только угодно, поставил на стол огромную миску похлебки, заправленной овсяной мукой и капустой, причем в океане жидкости наиболее усердные наблюдатели заметили смутные очертания двух-трех тощих бараньих ребрышек, появлявшихся время от времени на поверхности. Две огромные корзины, одна – с хлебом из ячменной муки пополам с гороховою, вторая – с овсяными лепешками, служили дополнением к этому неизменному блюду. Крупный отварной лосось в наши дни указывал бы на то, что здесь живут на широкую ногу, но в прежние времена эта рыба ловилась во всех сколько-нибудь значительных реках Шотландии, и в таком количестве, что лососину не только не считали деликатесом, но кормили ею главным образом слуг, которые, говорят, нередко ставили даже условием, чтобы им не давали такую приторную и надоевшую пищу свыше пяти раз в неделю. Объемистый мех с очень слабым пивом собственной варки был отдан в распоряжение всех обедающих, так же как лепешки, хлеб и похлебка; что до баранины, то она полагалась лишь господам, включая в их число и миссис Уилсон. Только для господ был поставлен с краю и серебряный кувшин с элем, имевшим некоторое право на это название. Огромный круг сыра из овечьего молока, смешанного с коровьим, а также миска с соленым маслом предназначались для всех.

В верхнем конце стола, чтобы почтить эту изысканную трапезу своим присутствием, восседал сам владелец поместья, с племянником по одну руку и любезной его сердцу домоправительницей по другую. На довольно большом расстоянии и, разумеется, как повелось издавна, ниже солонки, сидел старый Робин, худой, изможденный слуга, скрюченный и изувеченный вконец ревматизмом, и рядом с ним неряшливая, всегда неопрятная горничная, сделавшаяся с течением времени совершенно бесчувственной к ежедневной брани и понуканиям, которыми осыпали ее хозяин и его верная домоправительница по причине ее беспечного нрава. Тут были еще молотильщик, седой пастух, на попечении которого находилось стадо коров, и только что нанятый пахарь Кадди со своей матерью. Остальные работники поместья Милнвуд жили своим хозяйством и были счастливы хотя бы уже потому, что свою столь же простую еду могли есть спокойно и досыта, избавленные от наблюдения острых и жадных серых глазок Милнвуда, которые измеряли, казалось, количество пищи, проглатываемой каждым из его подчиненных, и следили за каждым куском ее от губ до желудка. Это пристальное наблюдение было явно не в пользу Кадди, который вследствие быстроты, с какою исчезало перед ним все съестное, вызвал неприязнь в своем новом хозяине. Милнвуд то и дело отводил глаза от не в меру усердного едока, чтобы устремить негодующий взгляд на племянника, отвращение которого к сельским работам было главной причиной необходимости в пахаре и на которого ложилась прямая ответственность за наем этого чудовищного обжоры.

«И еще платить тебе жалованье? Черта с два! – думал Милнвуд. – За неделю ты у меня наешь больше, чем наработаешь в месяц».

Эти невеселые размышления были прерваны громким и настойчивым стуком в ворота. Повсюду в Шотландии было принято во время обеда держать ворота усадьбы, а если их не было, то входную дверь в доме накрепко запертыми, и только важные гости или те, кого при-

вело неотложное дело, позволяли себе домогаться, чтобы их приняли в эту пору¹⁹. Вот почему и хозяев и домочадцев удивил неожиданный стук, и так как времена были смутные, он даже немного встревожил их, тем более что колотили в ворота властно и очень настойчиво. Миссис Уилсон встала из-за стола и собственной персоной поспешила к воротам; но, разглядев через щелку, которая для этого прорезалась в дверях большинства шотландских домов, кто виновники грохота, торопливо возвратилась назад, объятая ужасом и всплескивая руками: «Красные куртки, красные куртки!»

– Эй, Робин! Пахарь, как тебя там? Молотильщик! Племянник Гарри! Откройте ворота, да поскорее! – восклицал старый Милнвуд, поспешно хватая и засовывая в карман две-три серебряные ложки, которыми был сервирован верхний конец стола, тогда как ниже солонки полагались лишь честные роговые. – Будьте приветливы, господа, ради самого Бога, будьте приветливы с ними; им недолго и покалечить нас. О, мы ограблены, мы ограблены!

Пока слуги отворяли ворота и впускали солдат, отводивших душу проклятиями и угрозами по адресу тех, кто заставил их зря прождать столько времени, Кадди успел шепнуть на ухо матери:

– А теперь, сумасшедшая вы старуха, молчите, как рыба или как я молчал до этой поры, и дайте мне говорить за вас. Я не желаю совать свою шею в петлю из-за болтовни старой бабы, даже если она моя мать.

– Я помолчу, золотко, чтобы не напортить тебе, – зашептала в ответ старая Моз. – Но помни, золотко мое, кто отречется от слова, от того и слово отречется...

Поток ее увещаний был остановлен появлением четырех лейб-гвардейцев во главе с Босуэлом.

Они вошли, производя страшный грохот подкованными каблуками необъятных ботфуртов и волочащимися по каменному полу длинными, с широким эфесом, тяжелыми палашами. Милнвуд и домоправительница тряслись от страха, так как хорошо знали, что такие вторжения обычно сопровождаются насилиями и грабежами. Генри Мортону было не по себе в силу особых причин: он твердо помнил, что отвечает перед законом за предоставление убежища Берли. Сирая и обездоленная вдова Моз Хедриг, опасаясь за жизнь сына и одновременно подхлестываемая своим неугасимым ни при каких обстоятельствах пылом, упрекала себя за обещание молча сносить надругательства над ее религиозными чувствами и потому волновалась и мучилась. Остальные слуги дрожали, поддавшись безотчетному страху. Один Кадди, сохраняя на лице выражение полнейшего безразличия и непроницаемой тупости, чем шотландские крестьяне пользуются порою как маской, за которой обычно скрываются сметливость и хитрость, продолжал усердно расправляться с похлебкой. Придвинув миску, он оказался полновластным хозяином ее содержимого и вознаградил себя среди всеобщего замешательства семикратною порцией.

– Что вам угодно, джентльмены? – спросил Милнвуд, униженно обращаясь к представителям власти.

– Мы прибыли сюда именем короля, – ответил Босуэл. – Какого же черта вы заставили нас так долго торчать у ворот?

– Мы обедали, и дверь была на запоре, как это принято у здешних хозяев. Когда бы я знал, что у ворот – верные слуги нашего доброго короля... Но не угодно ли отведать элю, или, быть может, бренди, или чарку канарского, или кларета? – спросил он, делая паузу после каждого предложения не менее продолжительную, чем скаредный покупатель на торгах, опасющийся переплатить за облюбованную им вещь.

– Мне кларета, – сказал один из солдат.

¹⁹ Это было правилом хорошего тона. (Примеч. авт.)

– А я предпочел бы элю, – сказал второй, – разумеется, если этот напиток и впрямь в близком родстве с Джоном Ячменным Зерном^[70].

– Лучшего не бывает, – ответил Милнвуд, – вот о кларете я не могу, к несчастью, сказать то же самое. Он жидковат и к тому же слишком холодный.

– Дело легко поправимое, – вмешался третий солдат, – стакан бренди на три стакана вина начисто снимает урчание в животе.

– Бренди, эль, Канарское или кларет? А мы отведаем всего понемногу, – изрек Босуэл, – и присосемся к тому, что окажется лучшим. Это не лишено смысла, хоть и сказано каким-то распроклятым шотландским вигом.

Поспешно, хотя и не без дрожи в руках, Милнвуд вытащил из кармана два увесистых, громадных ключа и вручил их домоправительнице.

– Домоправительница, – заявил Босуэл, придвигая стул и бесцеремонно усаживаясь, – не слишком молода и не такая уж раскрасавица, чтобы кто-нибудь испытывал искушение сопровождать ее в погреб, и, черт меня побери, не вижу тут никого, кто бы мог ее заменить. Это что? (Шаря вилкой в миске с похлебкой и вылавливая баранье ребрышко.) Никак, мясо? Я возьму, пожалуй, кусочек-другой! Но оно жесткое, словно его произвела на свет сама чертова матушка!

– Если в доме найдется что-нибудь получше, сэр... – забеспокоился Милнвуд, встревоженный этими симптомами неудовольствия.

– Нет, нет, нам не до этого, – сказал Босуэл, – пора переходить к делу. Вы посещаете Паундтекста, пресвитерианского пастора, не так ли, мистер Мортон?

Мистер Мортон поспешил утвердительно ответить на этот вопрос и начал торопливо оправдываться:

– Согласно индульгенции, дарованной его всемилостивейшим величеством и нашим правительством, – ведь я ни за что не сделал бы ничего не дозволенного законом; и потом, знаете, я вовсе не против умеренного епископства: я человек деревенский, а наши пасторы будут попроще, так что их проповеди как-то понятнее; и, с вашего разрешения, сэр, эта мера правительства сберегла немало денег стране.

– Ладно, меня это нисколько не касается, – отозвался Босуэл, – они получили индульгенцию, и делу конец; что до меня, то, если бы я сочинял законы, ни один лопухий поп из всей этой своры никогда бы не лаял с кафедры в нашей Шотландии. Впрочем, я повинуюсь приказам. А, вот и напитки: ставьте-ка их сюда, матушка, да поближе.

Он вылил добрую половину бутылки, вмещавшей целую кварту кларета, в деревянную чашку и осушил ее до последней капли.

– Вы зря хулили свое вино, друг мой; оно превосходно и лучше вашего бренди, но и бренди совсем недурное. Давайте-ка выпьем с вами за здоровье его величества короля!

– С удовольствием, – сказал Милнвуд, – но я, знаете, не пью ничего, кроме эля, кларета держу самую малость для моих достопочтенных друзей.

– Вроде меня, не так ли? – заметил Босуэл. – Раз так, – продолжал он, протягивая бутылку Генри, – раз так, молодой человек, за здоровье его величества короля!

Генри молча наполнил вином стакан средних размеров, не обратив внимания на толчки и намеки дяди, как видно желавшего, чтоб он последовал его примеру и предпочел пиво кларету.

– Превосходно, – сказал Босуэл. – Ну, а как обстоят дела с остальными? Что там за старуха? Дайте и ей стакан бренди, пусть и она выпьет за здоровье его величества.

– С позволения вашей чести, – произнес Кадди, устремив на Босуэла тупой и непроницаемый взгляд, – это моя матушка, сударь; она такая же глухая, как Кора-Линн^[71], и, как ни бейся, ей все равно ничего не втолкуешь. С позволения вашей чести, я охотно выпью вместо нее за здоровье нашего короля и пропущу столько стаканчиков бренди, сколько вам будет угодно.

– Готов поклясться, парень говорит сущую правду! – воскликнул Босуэл. – Ты и впрямь похож на любителя пососать бренди. Вот и отлично, не теряйся, приятель! Где я, там всего

вволю. Том, налей-ка девчонке добрую чарочку, хоть она, как мне сдается, неряха и недотрога. Ну что ж, выпьем еще и эту чарку – за нашего командира, полковника Грэма Клеверхауза! Какого черта ворчит эта старая? По виду она из самых отъявленных вигов, какие когда-либо жили в горах. Ну как, матушка, отрекаетесь ли вы от своего ковенанта?

– Какой ковенант изволит ваша честь разуместь? Существует ковенант труда, существует и ковенант искупления^[72], – поторопился вмешаться Кадди.

– Любой ковенант, все ковенанты, какие только ни затевались, – ответил сержант.

– Матушка! – закричал Кадди в самое ухо Моз, изображая, будто имеет дело с глухой. – Матушка, джентльмен хочет узнать, отрекаетесь ли вы от ковенанта труда?

– Всей душой, Кадди, – ответила Моз, – и молю Господа Бога, чтобы Он уберег меня от скрытой в нем западни.

– Вот тебе на, – заметил Босуэл, – не ожидал, что старуха так здорово вывернется. Ну... выпьем еще разок круговую, а потом к делу. Вы уже слышали, полагаю, об ужасном и зверском убийстве архиепископа Сент-Эндрю? Его убили десять или одиннадцать вооруженных фанатиков.

Все вздрогнули и переглянулись; наконец Милнвуд нарушил молчание:

– Мы уже слышали об этом несчастье, но надеялись, что слух о нем ложен.

– Вот опубликованное сегодня официальное сообщение. Я хочу знать, старина, что вы думаете об этом.

– Что я думаю, сэр? Все, что сообразовит думать Тайный совет, – пробормотал Милнвуд.

– Я желаю, друг мой, чтобы вы высказались с большей определенностью, – произнес повелительным тоном драгун.

Глаза Милнвуда впились в бумагу, чтобы поспешно извлечь из нее наиболее сильные выражения, которыми она изобиловала, в чем немало ему помогло то обстоятельство, что она была отпечатана жирным шрифтом.

– Я думаю, что это – кровавое и мерзостное... убийство и злодейство... измышленное адской и неумолимой жестокостью... в высшей степени отвратительное, и что это позор для нашей страны.

– Хорошо сказано, старина! – одобрительно заметил допрашивающий. – Я рад вашим благонамеренным взглядам. Вы обязаны мне благодарственной чашей за все, чему я вас научил. Нет, дружок, ты выпьешь со мной свое собственное Канарское – кислую элю совсем не место в столь верноподданном желудке. А теперь ваша очередь, молодой человек; что вы думаете об интересующем меня деле?

– Я бы не обинуясь ответил на это, – сказал Генри, – если бы знал, на основании каких полномочий вы устроили этот допрос?

– Сохрани и помилуй нас Боже! – заволновалась старая домоправительница. – Говорить такие вещи солдату, когда всему свету известно, что с любым мужчиной, и с любой женщиной, и со скотиной, и со всем остальным они поступают как им захочется!

Старый Милнвуд с не меньшим ужасом воспринял дерзость племянника:

– Опомнитесь, сударь, и сообразовите отвечать джентльмену как полагается. Или вы намерены оскорблять королевскую власть в лице сержанта лейб-гвардии?

– Молчать! – вскричал Босуэл, ударяя кулаком по столу. – Молчать и слушать меня. Вы спрашиваете, располагаю ли я полномочиями, чтобы учинять вам допрос, сэр, – сказал он, обращаясь к Генри. – Моя кокарда и мой палаш – вот мои полномочия, и притом несравненно более веские, нежели те, которыми старый Нол снабжал некогда круглоголовых; впрочем, если вы горите желанием узнать об этом подробнее, вам не возбраняется заглянуть в приказ, изданный Тайным советом и поручающий офицерам и солдатам его величества производить обыски, а также допрашивать и задерживать подозрительных лиц. Вот на каком основании я повторно

обращаю к вам тот же вопрос: что вы думаете об убийстве архиепископа Шарпа? Это пробный камень новейшего образца, и на нем мы испытываем металл, из которого отлиты наши люди.

Генри, обдумав положение, успел прийти к выводу, что было бы неразумно подвергать риску благополучие всего дома, оказывая сопротивление тиранической власти, доверенной таким решительным и грубым рукам. Поэтому он внимательно прочел сообщение об убийстве примаса и спокойно ответил:

– Скажу не колеблясь, что исполнители этого злодейского преступления содеяли безрассудное и вредное дело, о котором я сожалею тем более, что предвижу в качестве последствий его гонения на многих ни в чем не повинных людей, столь же непричастных к нему и столь же далеких от его одобрения, как далек от этого, скажем, я.

Пока Генри произносил эти слова, Босуэл, не сводивший с него своего острого взгляда, припомнил наконец, где он видел те же черты лица.

– Так вот оно что! Капитан Попки! Старый приятель! Да ведь нам с вами довелось уже как-то встретиться, и вы, помнится, были в весьма подозрительном обществе.

– Однажды я вас действительно видел, – ответил Генри, – это было в трактире, в городке ***.

– А с кем вы покинули этот трактир, мой мальчик? Не с Джоном ли Белфуром Берли, одним из убийц архиепископа?

– Да, я покинул трактир с названным вами лицом, – ответил Генри, – я считал бы недостойным отрицать это, но тогда я не знал, что Белфур – убийца примаса, как не знал и того, что свершилось это ужасное преступление.

– Боже спаси и помилуй меня! Я разорен! Разорен окончательно и бесповоротно! Он пустил меня по миру! – принялся причитать старый Милнвуд. – Язык этого молодца будет звенеть без умолку, пока его голова не скатится с плеч! Он добьется своего: они отнимут все, что у меня есть, вплоть до серого плаща, прикрывающего мне спину!

– Но вы знали, что Берли, – продолжал Босуэл, обращаясь к Генри и оставляя без внимания горестные восклицания его дяди, – вы знали, что Берли – объявленный вне закона мятежник, а также преступник; вы знали о запрещении иметь дело с подобными личностями, вы знали, что вам, как верноподданному, возбраняется укрывать или снабжать чем бы то ни было этого изобличенного властями государственного преступника, а также общаться с ним, сноситься устно, письменно или через третьих лиц, возбраняется под угрозой строжайшего наказания доставлять ему пищу, питье, кров, убежище или прочие средства к существованию, – обо всем этом вы знали и тем не менее преступили закон.

Генри молча слушал Босуэла.

– Где вы расстались с ним? На большой дороге или, чего доброго, укрыли его в этом доме?

– В этом доме! – вскричал Милнвуд. – Да я бы свернул ему шею, если бы он осмелился привести ко мне в дом государственного преступника.

– А он? Решится ли он утверждать, что не сделал этого? – спросил Босуэл.

– Поскольку мне вменяется это в вину, – ответил Генри, – вы не без удовольствия услышите от меня признание, которым я изобличу себя.

– О мои милнвудские земли! О кровные мои земли! Двести лет вы находились во владении Мортонгов! – восклицал его дядюшка. – Где они, эти земли? Они были, да сплыли, они рассыпаются в прах, и пахота, и уголья, и поля, и заливные луга у реки!

– Нет, сэр, – сказал Генри, – вы не пострадаете из-за меня. Я один, – продолжал он, повернувшись к Босуэлу, – я один, без каких-либо соучастников, приютил этого человека на ночь, ибо Берли – старый боевой товарищ отца. Я сделал это не только без ведома дяди, но, больше того, наперекор его прямым приказаниям. Надеюсь, что, если этих слов достаточно для моего осуждения, их достаточно и для доказательства невиновности дяди.

– Молодой человек, – сказал сержант более мягким тоном, – вы производите приятное впечатление, и я вас жалею; да и ваш дядюшка – славный и весьма храбрый старикан, который, я вижу, больше любит гостей, чем себя, так как, потчует нас отменным вином, сам довольствуется дрянным элем, – расскажите все, что вы знаете относительно этого Берли, что сказал он вам на прощание, куда отправился и где его можно искать; и, черт подери, я закрою глаза на ваше участие в этом деле, насколько позволит мой долг. За голову этого окаянного вига дают тысячу мерков^[73]; ах, если б только напасть на его след! Ну, не будем тянуть! Где вы расстались с ним?

– Извините, но я не могу ответить на ваш вопрос, сударь, – сказал Мортон, – те же обстоятельства, которые принудили меня предоставить ему ночлег, несмотря на значительный риск для меня и моих друзей, требуют, чтобы я свято хранил его тайну, в случае если бы он и в самом деле доверился мне.

– Значит, вы не желаете отвечать? – спросил Босуэл.

– Мне нечего вам ответить, – сказал Генри.

– Быть может, я смогу подсказать вам ответ, приложив кусочек зажженного фитиля к вашим пальцам, – проговорил Босуэл.

– Ради всего святого, сударь, – взмолилась старая Элисон, обращаясь к Милнвуду, – дайте им денег – они только этого и хотят! Они замучают мистера Генри, а потом наступит и ваш черед!

Милнвуд в смятении и душевной горести разразился сетованиями и стонами; наконец голосом человека, испускающего последний вздох, он воскликнул:

– Если ф... ф... фунтов двадцать покончат с этим тягостным делом...

– Хозяин, – вкрадчиво сказала Босуэлу Элисон, – даст двадцать фунтов стерлингов...

– Двадцать шотландских фунтов, вы, старая сука! – завопил Милнвуд; скардность заставила его забыть о пуританской точности в выражениях и об обычной вежливости в обращении к домоправительнице.

– Фунтов стерлингов, – продолжала настаивать Элисон, – если вы согласитесь снисходительно отнестись к проступку нашего мальчика; ведь он упрямец, и вы можете резать его на куски, и все же не вырвете у него ни одного слова; я уверена, что если вы даже припалите ему его пальчики, то и от этого вам большого прибытку не будет!

– Так, так, – сказал Босуэл, колеблясь, – право, не знаю, что делать; большинство моих однополчан взяли бы деньги, а заодно прихватили бы с собой и арестованного, но у меня есть совесть, и если ваш хозяин присоединяется к вашему предложению и готов поручиться за своего племянника, если к тому же весь дом даст присягу, я, право, не знаю...

– Да, да, сударь! Разумеется, сударь! – вскричала миссис Уилсон. – Любую присягу, любую клятву, какую вам будет угодно! – И, повернувшись к хозяину, она зашептала: – Идите, сударь, поторапливайтесь, несите поскорей деньги, или у нас на глазах они сожгут дотла дом.

Побуждаемый жестокой необходимостью, старый Милнвуд окинул горестным взглядом свою советчицу и пошел, как фигурка в голландских часах, выпускать на свободу своих заключенных в темнице ангелов^[74]. Между тем сержант Босуэл принялся приводить к присяге остальных обитателей усадьбы Милнвуд, проделывая это, само собой, с почти такой же торжественностью, как это производят сейчас в таможнях его величества.

– Ваше имя, женщина?

– Элисон Уилсон, сударь.

– Вы, Элисон Уилсон, торжественно клянетесь, подтверждаете и заявляете, что считаете противозаконным для верноподданного вступать под предлогом церковной реформы или под каким-либо иным в какие бы то ни было лиги и ковенанты...

В это мгновение церемонию присяги нарушил спор между Кадди и его матерью, которые долго шептались и вдруг стали изъясняться во всеуслышание.

– Помолчите вы, матушка, помолчите! Они не прочь кончить миром. Помолчите же наконец, и они отлично поладят друг с другом.

– Не стану молчать, Кадди, – ответила Моз. – Я подыму свой голос и не буду таить его; я изобличу человека, погрязшего во грехе, даже если он облачен в одежду алого цвета, и мистер Генри будет вырван словом моим из тенет птицелова.

– Ну, понеслась, – сказал Кадди, – пусть удержит ее, кто сможет, я уже вижу, как она трясется за спиною драгуна по дороге в Толбутскую тюрьму; и я уже чувствую, как связаны мои ноги под брюхом у лошади. Горе мне с нею! Ей только приоткрыть рот, а там – дело конченное! Все мы пропащие люди, и конница и пехота!

– Неужто вы думаете, что сюда можно явиться... – заторопилась Моз; ее высохшая рука тряслась в такт с подбородком, ее морщинистое лицо пылало отвагой религиозного исступления; упоминание о присяге освободило ее от сдержанности, навязанной ей собственным благоразумием и увещаниями Кадди. – Неужто вы думаете, что сюда можно явиться с вашими убивающими душу живую, святотатственными, растлевающими совесть проклятиями, и клятвами, и присягами, и уловками, со своими тенетами, и ловушками, и силками? Но воистину все расставлены сети на глазах птицы.

– Так вот оно что, моя милая! – сказал сержант. – Поглядите-ка, вот где, оказывается, всем вигам виг! Старуха обрела и слух и язык, и теперь уже мы глохнем от ее крика. Эй, ты, успокойся! Не забывай, старая дура, с кем говоришь.

– С кем говорю! Увы, милостивые государи, вся скорбная наша страна слишком хорошо знает, кто вы такие. Злобные приверженцы прелатов, гнилые опоры безнадежного и безбожного дела, кровожадные хищные звери, бремя, тяготящее землю...

– Клянусь спасением души! – воскликнул Босуэл, охваченный столь же искренним изумлением, как какой-нибудь дворовый барбос, когда на него наскакивает куропатка, защищающая своих птенцов. – Ей-богу, никогда я еще не слыхивал таких красочных выражений! Не могли бы вы добавить еще что-нибудь в этом роде?

– Добавить еще что-нибудь в этом роде? – подхватила Моз и, откашлявшись, продолжала: – О, я буду ратовать против вас еще и еще. Филистимляне вы и идумеи^[75], леопарды вы и лисицы, ночные волки, что не гложут костей до утра, нечестивые псы, что умышляют на избранных, бешеные коровы и яростные быки из страны, что зовется Васан^[76], коварные змеи, и сродни вы по имени и по природе своей большому красному дракону. (Откровение святого Иоанна, глава двенадцатая, стих третий и четвертый.)

Тут старая женщина остановилась – не потому, разумеется, что ей нечего было добавить, но чтобы перевести дух.

– К черту старую ведьму! – воскликнул один из драгун. – Заткни ей рот кляпом, и прихватим ее с собой в штаб-квартиру.

– Постыдись, Эндрю, – отозвался Босуэл, – ты забываешь, что наша старушка принадлежит к прекрасному полу и всего-навсего дала волю своему язычку. Но погодите, дорогая моя, ни один васанский бык и ни один красный дракон не будет столь терпелив, как я, и не сетуйте, если вас передадут в руки констебля, а он вас усадит в подобающее вам кресло^[77]. А пока что я должен препроводить молодого человека к нам в штаб-квартиру. Я не могу доложить моему офицеру, что оставил его в доме, где мне пришлось столкнуться лишь с изменой и фанатизмом.

– Смотрите, матушка, что вы наделали, – зашептал Кадди, – филистимляне, как вы их окрестили, собираются взять с собой мистера Генри, и все ваша дурацкая болтовня, черт бы ее побрал.

– Придержи язык, трус, – огрызнулась Моз, – и не суйся со своими упреками! Если ты и эти ленивые объедалы, что расселись здесь, пуча глаза, как корова, раздувшаяся от клевера, приметесь ратовать руками за то, за что я ратовала языком, им не утащить в тюрьму этого драгоценного юношу.

Пока происходил этот диалог, солдаты успели окружить своего пленника. Но тут вошел Милнвуд; встревоженный тем, что увидел, он поспешил, хотя и не без тяжких вздохов, протянуть Босуэлу кошелек с золотом, которое он обязался внести как выкуп за племянника. Сержант взял кошелек с видом полного равнодушия, взвесил его в руке, подбросил вверх и поймал на лету, затем покачал головой и сказал:

– В этом гнездышке с желтыми птенчиками много веселых и беззаботных ночей, но, черт побери, мне не хочется рисковать ради них – уж слишком громко разглагольствовала тут эта старуха, и к тому же перед столькими свидетелями. Послушайте, старина, я обязан доставить вашего племянника в штаб-квартиру, а потому не могу, по совести, взять сверх того, что полагается за хорошее обращение с арестованным.

Развязав кошелек, он дал солдатам по золотому, взяв себе три.

– Теперь, – сказал он, – вы можете утешаться сознанием, что ваш родственник, юный Капитан Попки, в хороших руках и что с ним будут учтивы и обходительны. Остаток денег я вам возвращаю.

Милнвуд жадно протянул руку.

– Только вы, конечно, осведомлены, – продолжал Босуэл, играя по-прежнему кошельком, – что всякий землевладелец отвечает за добропорядочность и верноподданническое поведение своих домочадцев и слуг, а также что мои товарищи и подчиненные отнюдь не обязаны умалчивать о превосходной проповеди, которую мы выслушали от этой старой и закоснелой пуританки в клетчатом пледе; и я вас заранее предупреждаю, что, если кто-нибудь донесет о случившемся, Тайный совет наложит на вас изрядный денежный штраф.

– Мой добрый сержант, мой дорогой и уважаемый капитан, – воскликнул вконец перепуганный скряга, – я ручаюсь, что в моем доме нет никого, кто мог бы нанести вам оскорбление!

– Ошибаетесь, – отозвался Босуэл, – сейчас вы услышите, как она примется ратовать, – она сама называет так свои разглагольствования. Ну, приятель, – бросил он Кадди, – отойди-ка в сторонку, и пусть твоя мамаша выскажется от всего сердца. Я вижу, она снова поджала губы и снова заряжена, как перед своим первым залпом.

– Милостивый лорд, благородный сэр, – сказал Кадди, – язык старой бабы – да ведь это пустое дело, чтобы поднимать из-за него столько шуму. Ни мой покойный отец, ни я никогда не прислушивались к болтовне моей матери.

– погоди, дружок, ты и сам хорош, – оборвал Кадди Босуэл, – честное слово, ты не так прост, как хотел бы казаться. Ну, старая, вы слышите, ваш хозяин не хочет верить, что вы способны так блистательно ратовать.

Моз нуждалась, пожалуй, лишь в этом ударе шпорой, чтобы понестись, закусив удила.

– Горе отступникам и любострастным корыстолюбцам, – возгласила она, – которые грязнят и обрекают гибели свою совесть, склоняясь перед нечестивыми требованиями и предаваясь гнусной маммоне сынов Велиала, лишь бы жить с ними в мире. Это – греховное попустительство, это – подлый союз с врагом! Это – зло, содеянное Менаимом на глазах Господа, когда Он вручил Фулу, царю ассирийскому, тысячу талантов серебра, чтобы рука Его помогла ему. (Вторая книга Царств, глава пятнадцатая, стих девятнадцатый.) Это – зло, содеянное также Ахавом, пославшим деньги Феглаффелассару. (Смотри ту же Вторую книгу Царств, глава шестнадцатая, стих восьмой.) И если был осужден как вероотступник даже благочестивый Езекия, склонившийся перед Сеннахиримом, дав ему денег и обещая внести, что будет наложено на него (смотри ту же Вторую книгу Царств, главу восемнадцатую, стих четырнадцатый и пятнадцатый), то не иначе будет и с теми из нашего косного и вероотступнического поколения, кто вносит подати, и налоги, и поборы, и штрафы алчным и неправедным мытарям и оплачивает жалованье наймитам священникам (этим безгласным псам, которые даже не лают, но дремлют, возлежа среди всякия скверны, ибо больше всего любят покой), потворствует их вымогательствам и задаривает их для того, чтобы они могли быть пособниками и слугами наших угнета-

телей и мучителей. Все они нисколько не лучше, чем пребывающие во вражеском стане, чем те, кто готовит яства для войска и предлагает жертвенные напитки сонмам.

– Вот, мистер Мортон, чудеснейший образец их верований! Как вы относитесь к ним? Или вы думаете, что их одобрит Тайный совет? Полагаю, что самое главное мы можем унести в голове, не прибегая к мелкам и дощечкам, какие вы таскаете с собой на ваши молитвенные собрания. Эндрю, как ты считаешь, не призывает ли она к отказу от уплаты налогов?

– Именно так, ей-богу, – ответил Эндрю, – и говорит, что угостить солдата кружкой эля и посадить его с собою за стол – превеликий грех.

– Вы слышите, – продолжал Босуэл, обращаясь к Милнвуду, – впрочем, меня это нисколько не касается, дело ваше. – И он равнодушно протянул кошелек, успевший приметным образом отошкать.

Милнвуд, ошеломленный всеми свалившимися на него бедами, машинально протянул руку за кошельком.

– Да вы сумасшедший, – зашептала в страхе домоправительница, – скажите, что вы отдадите им эти деньги; все равно они оставят их у себя, добром или силою; и единственная наша надежда, что, получив их, они наконец успокоятся.

– Не могу, не в силах сделать это своею рукой, Эли, – сказал в изнеможении Милнвуд, – не в силах расстаться с деньгами, которые столько раз пересчитывал, не могу отдать их этим слугам самого сатаны.

– Раз так, я сделаю это сама, Милнвуд, – сказала домоправительница, – иначе все у нас пойдет прахом... Мой хозяин, сэр, – обратилась она к Босуэлу, – не может и думать о том, чтобы хоть что-нибудь взять назад из рук такого почтенного джентльмена, как вы: он умоляет вас принять эти деньги и быть с его племянником таким добрым, каким только вы сможете быть, а также благожелательным в докладе начальству о духе нашего дома, и еще он просит не делать нам зла из-за дурацкой болтовни этой старой кобылы (тут она надменно посмотрела на Моз, чтобы хоть чем-нибудь вознаградить себя за усилия, которых стоили ей любезности, расточаемые солдатам), этой старой, полоумной смутьянской дряни. До вчерашнего вечера (пропади она пропадом!) она не жила в нашем доме и никогда больше не переступит его порога, как только я выгоню ее вон.

– Беда, беда, – зашептал Кадди на ухо матери, – всегда то же самое! Я так и знал, что нам снова придется пуститься в дорогу, если вы раскроете рот и произнесете два-три слова подряд. Я был уверен, что другому и не бывать, матушка.

– Помолчи, сынок, – сказала Моз, – и не ропщи на наш крест. Никогда не переступит порога! Да я и сама не захочу переступить их порог. На дверях этого дома не начертано знака, чтобы ангел мщения миновал его. И они будут поражены от руки его, ибо думают много о тварях и не думают о Творце, радеют о благах земных, а не о поруганном ковенанте, о кружках из желтого кала, а не о чистом золоте слова Господня, о друзьях и родне, а не об избранных, коих преследуют и поносят, гонят, выслеживают, ловят, хватают, бросают в темницы, терзают, ссылают, обезглавливают, вешают, кромсают, четвергуют, не говоря уже о сотнях других, принужденных покинуть дома свои и скитаться в пустынях, горах, болотах, топях, среди мшистых трясин и заброшенных торфяных ям, чтобы слушать Писание Божие, как те, что тайком вкушают хлеб свой насущный.

– А ведь она, сержант, разошлась, точно на своем сборище. Не прихватить ли нам с собой и ее? – предложил один из солдат.

– Не мели, черт побери, вздора, – ответил Босуэл. – Разве тебе невдомек, что лучше оставить ее на месте, пока здесь хозяйничает такой уважаемый, сговорчивый, тороватый и почтенный землевладелец, как мистер Мортон Милнвуд, который располагает средствами утихомирить ее? Пусть уж старая муха выводит свой рой: она до того упряма, что с ней ничего не поделаешь. Итак, – крикнул он, – еще одну круговую за Милнвуда, и его чудо-гостеприимство,

и за нашу приятную встречу, которая, надеюсь, не за горами, если он и впредь будет держать у себя такую фанатичную челядь.

Затем он приказал солдатам седлать коней и выбрал в конюшне Милнвуда лучшую лошадь «на службу его величеству королю», как он заявил, чтобы посадить на нее арестованного.

Миссис Уилсон, утирая слезы, собрала между тем небольшой узелок с теми вещами, которые, по ее мнению, могли понадобиться мистеру Генри во время его вынужденной поездки. Бегая в хлопотах взад и вперед по комнате, она нашла случай незаметно вложить ему в руку немного денег. Босуэл с товарищами сдержали свое обещание и хорошо обошлись с узником. Они не связали Мортон, а ограничились тем, что поместили его коня между своими. Вскочив наконец в седло и тронувшись в путь, они перекидывались шутками и весело гоготали, оставив обитателей Милнвуда в страшном смятении. Старый хозяин усадьбы, подавленный арестом племянника и бессмысленной потерей двадцати фунтов, весь вечер только и делал, что метался в своем большом кожаном кресле, повторяя все ту же жалобу: «Разорен, разорен окончательно и пущен по миру, разорен и пущен по миру, – о плоть моя и имя мое! О плоть моя и имя мое!»

Скорбь миссис Элисон Уилсон нашла для себя отдушину и до некоторой степени утешение в потоке брани, который она обрушила на Моз и Кадди, выпроваживая их из Милнвуда.

– Пусть болячки источат твое старое тело! Первый красавец в Клайдсдейле стал отныне страдальцем, и все из-за тебя и твоего сумасшедшего смутьянства!..

– Поди прочь! – воскликнула Моз. – А я говорю, что вы в путах греха и во власти зла, раз ропщете, отдавая лучшее и возлюбленное свое за дело того, кто вам его даровал, и клянусь, я сделала для мистера Гарри не меньше, чем сделала бы для своего сына; и если бы Кадди сподобился ратовать за истину на Сенном рынке...

– Похоже, что так и будет, коли ты и он не пойдете другою дорогой.

– И если бы, – продолжала Моз, не обращая внимания на замечание миссис Уилсон, – и если бы кровавые псы и лстивые зифеи^[78] норовили завлечь меня в тенета своим обещанием отпустить его ценою греховных уступок, я стояла бы, несмотря ни на что, на своем, и продолжала бы возвышать голос свой против папства, епископства, антиномианства, эрастианства, лапсариянства, сублапсариянства^[79] и других грехов и соблазнов нашего времени, и вопила бы, как роженица, кляня черную индульгенцию, которая стала камнем преткновения для ученых богословов, я бы возвысила голос мой, подобно сильному словом своим проповеднику.

– Хватит, матушка! – крикнул Кадди, вмешиваясь в эту затянувшуюся перебранку и силою увлекая за собой мать. – Хватит! Перестаньте ратовать перед достопочтенной госпожой домоправительницей, ведь она, чего доброго, может оглохнуть! Вы напроповедовали на всю неделю вперед. Вы допроповедовались до того, что нас прогнали из нашего уютного дома, и с нашего милого огорода, и из этого нового убежища нашего, где мы не успели даже прилепиться как следует; вы допроповедовались до того, что мистера Гарри поволокли в яму; вы допроповедовались и до того, что в кармане хозяина двадцати фунтов как не бывало, а вы знаете, как туго он расстается со своими кровными денежками; и, может быть, вы теперь помолчите немножко, не то придется мне, видно, подняться по лестнице наверх, а потом опуститься, да только уже на веревке. Пошли, матушка, пошли прочь; они сыты по горло вашими ратованиями и долго будут помнить о них.

Произнеся это, он потащил за собою Моз, с тем чтобы приготовиться к новым странствиям в поисках крова, и долго еще ее язык не мог успокоиться и с гневных уст слетали слова: ратование, ковенант, злокозненные, индульгенция.

– Старая, зловредная, выжившая из ума дура – вот она кто! – воскликнула домоправительница, наблюдая, как Кадди с матерью покидают усадьбу. – Воображает, будто лучше ее не сыщешь на свете, старая дрянь! А сколько горя и неприятностей принесла она с собой в тихий

и мирный дом! Если бы я не была по моему положению больше чем наполовину женщиной благородного звания, запустила бы я вот этот десяток моих коготков в ее паршивую шкуру!

Глава IX

*Я веселый солдат, в битве черт мне не брат,
И рубцов целый ряд я бы вам показал:
За красоту свою иль в кровавом бою,
Там, где в дальнем краю я французов встречал.*

Бёрнс^[80]

– Не падайте духом, – говорил Босуэл своему пленнику по пути в штаб-квартиру, – вы славный малый, у вас много знакомств, и в худшем случае вас вздернут за это, но ведь таков удел многих честных людей. Скажу откровенно: ваша жизнь во власти закона; проявите покорность – и тогда, пожалуй, вы сможете выпутаться из этой истории, внеся порядочный штраф из средств вашего дядюшки, а он, поверьте, от этого не разорится.

– Но это больше всего и волнует меня, – сказал Генри. – Расставаться с деньгами – для моего дяди сушая пытка. Не он предоставил Берли ночлег, и я молю Бога о том, чтобы наказание, которое я понесу, если избавлюсь от смертной казни, пало на меня одного.

– Кто его знает, – заметил Босуэл, – они могут предложить вам отправиться на службу в один из заграничных шотландских полков^[81]. Это совсем неплохо; если ваши друзья похлопочут за вас и нажмут, где полагается, вы сможете вскоре получить производство.

– Я убежден, – отозвался Мортон, – что это самое лучшее, что только может выпасть на мою долю.

– В самом деле! Значит, вы совсем не такой уж завялый виг! – воскликнул сержант.

– Я никогда не вмешивался в борьбу наших партий, – ответил Генри, – я спокойно сидел у себя дома и не раз всерьез задумывался над тем, не поступить ли мне в один из наших заграничных полков.

– Вот как! – сказал Босуэл. – Ну что ж, это делает честь вашим намерениям; я служил в шотландском гвардейском во Франции, и довольно долго; вот где приучаешься к дисциплине, черт побери! Им нет ни малейшего дела, где вы пропадаете в свободное время, но попробуйте опоздать на проверку, и они вам покажут, где раки зимуют. Наш старик, капитан Монтгомери, заставил меня как-то выстоять на часах у нашего арсенала в кирасе, латах и шлеме шесть часов сряду, да еще на солнцепеке, ну я и испекся, как голубь, которых продают возле Пор-Рояля^[82]. После этого я дал себе клятву, что, когда на проверке выкрикнут: «Фрэнсис Стюарт!» – я буду всегда тут как тут и ради этого даже брошу, если придется, свои карты на барабане. Да, дисциплина – это не шутка!

– А в других отношениях вам нравилась ваша служба?

– Par excellence²⁰, – ответил Босуэл, – женщины, вино, кутежи, всего вволю, дай себе только труд пожелать, да с толком. И если у вас хватит совести внушить какому-нибудь жирному патеру, что вы не прочь перейти в католичество, он как есть расшибется в лепешку, чтобы доставить вам удовольствие и таким способом заполучить немножко вашей признательности. А где вы найдете лопухого пастора-вига, который отличался бы такой же предупредительностью!

– Совершенно согласен с вами, такого нигде не найти, – сказал Генри. – Но в чем состояли ваши основные обязанности?

– Охранять особу его величества короля, – ответил Босуэл, – оберегать, мой мальчик, жизнь Людовика Четырнадцатого Великого и время от времени устраивать облавы на гугенотов, или, что то же, на протестантов. Да, там было где поучиться этому ремеслу, и я здорово

²⁰ Исключительно (фр.).

набил себе руку для службы в нашей стране. Но послушайте, вы, сдастся мне, *bon camarado*²¹, как говорят испанцы, и я должен поделиться с вами блестящими соверенными вашего почтенного старого дяди. Таков уж закон среди нас, рубак; мы не можем безучастно смотреть на товарища, когда он в нужде, а у нас позвякивает в кармане.

Произнеся эти слова, он вынул из кошелька несколько золотых и, не считая, протянул их Генри. Молодой Мортон не принял этого дара, но, полагая излишним сообщать сержанту, несмотря на его очевидную щедрость, о деньгах, которые были при нем, он без труда убедил Босуэла, что дядя не оставит его своею поддержкой.

– В таком случае, – сказал Босуэл, – позволим этим желтым плутишкам чуть подольше полежать у меня в кошельке. Я поставил себе за правило не покидать кабака (если того не потребует служба), пока мой кошелек настолько увесист, что его можно перебросить через флагшток. Когда же он становится тощим и ветер относит его назад, как пушинку, тогда – тысяча чертей, караул! – приходится ломать себе голову, где бы раздобыть для него пополнение. Но что за башня перед нами на крутом холме посреди леса, который со всех сторон окружает ее?

– Это Тиллитудлем, – сказал один из солдат, – тут живет старая леди Маргарет Белленден. Благонамереннее ее в этих краях никого не найдешь, и к тому же она друг нашего брата солдата. Когда я был ранен тем треклятым мятежным псом – он стрелял в меня, спрятавшись за изгородью овчарни, – мне пришлось целый месяц пролежать в ее замке, и, черт побери, я был бы не прочь еще разок заполучить такую же рану, лишь бы снова пожить на таких расчудесных квартирах.

– Раз так, – проговорил Босуэл, – я хочу засвидетельствовать почтеннейшей леди мое уважение, а заодно дать небольшой отдых людям и лошадям. К тому же мне так чертовски хочется выпить, точно я ничего не пил в Милнвуде. Но до чего славно, – продолжал он, обращаясь к Мортону, – что в наши дни королевскому солдату не встретится дом, где бы его не попотчевали. В таких домах, как Тилли... Тилли... – как он там называется?.. – вас угощают от всего сердца; в домах окаянных фанатиков вы сами себя угощаете, пуская в ход силу; что же касается умеренных пресвитериан и прочих подозрительных личностей, то здесь за вами ухаживают из страха; вот и выходит, что так или иначе, а вы всегда можете утолить жажду.

– И вы намерены, – спросил сержанта встревоженный Генри, – ради этого направиться в замок?

– Будьте уверены, что именно так мы и поступим, – ответил Босуэл, – как же стану я докладывать офицерам о здравии и похвальных взглядах почтеннейшей леди, если мне не известен вкус ее хереса, а она поднесет нам херес, могу поручиться в этом; херес – излюбленный утешитель пожилой знатной вдовы, подобно тому как жидкий кларет – напиток ваших сельских дворянчиков.

– В таком случае, ради бога, – попросил Генри, – раз вы решили заехать туда, не упоминайте, пожалуйста, моего имени и не показывайте меня семье, с которою я знаком. Позвольте мне на время закутаться в плащ одного из ваших солдат и называйте меня попросту арестованным, которого вы конвоируете.

– С величайшим удовольствием, – ответил Босуэл, – я обещал по-хорошему обращаться с вами, и не в моих правилах нарушать слово. А ну-ка, Эндрю, закутай в плащ арестованного и смотри не упоминай ни его имени, ни где мы его задержали, не то пеняй на себя: наездишься ты у меня на деревянной кобылке.

Тем временем всадники достигли арки ворот, по обе стороны от которых возвышались стены с зубцами и двумя башенками; одна из этих башенок обрушилась почти полностью; сохранилась лишь ее нижняя часть, занятая под хлев крестьянином, обитавшим с семьей во

²¹ Добрый товарищ (*искаж. исп. buen camarada*).

второй башенке, совсем целой. Ворота, разбитые и сорванные с петель солдатами Монка^[83] еще во время гражданской войны, не были с тех пор восстановлены и, таким образом, не составили ни малейшей преграды для Босуэла и его людей. Проезд от них к замку, очень крутой и узкий, был замощен крупным булыжником; этот проезд шел наискось по склону обрывистого холма, образуя петли и то открывая, то, напротив, скрывая из виду самый замок и его внешние бастионы, которые, как казалось всадникам, отвесно поднимались над их головами.

Представшие перед их взорами средневековые стены замка были настолько мощными, что Босуэл воскликнул:

– Счастье, что эта крепость в честных и надежных руках. Ведь если бы ею владел неприятель, какая-нибудь дюжина мятежных старух, обладай они хоть вполовину тем пылом, какой был у той старой карги в Милнвуде, вооружась прялками, могла бы оборонять его от целого отряда драгун. Клянусь жизнью, – продолжал он, когда они подъехали вплотную к массивной двухъярусной башне и окружающим ее бастионам и боковым укреплениям, – это великолепная крепость, и, если я еще не совсем позабыл латынь, она основана, как сказано в полуистертой надписи над воротами, сэром Ральфом Белленденом в тысяча триста пятидесятом году – давность почтенная. Мне следует приветствовать старую леди с подобающим ей уважением, хотя мне нелегко будет припомнить иные из тех изысканных выражений, которые я расточал в те времена, когда еще бывал в таком обществе.

Пока сержант подобным образом рассуждал сам с собой, дворецкий, увидев через бойницу солдат, успел сообщить своей госпоже, что у ворот замка остановился отряд драгун, видимо, лейб-гвардейцев, под охраной которых находится арестованный.

– Я убежден, – сказал Гьюдвил, – и готов поклясться, что шестой всадник их пленник; его лошадь ведут в поводу, и двое передних драгун вынули из чехлов свои карабины и держат их у бедра. В дни великого маркиза^[84] и мы точно так же водили пленных.

– Солдаты его величества короля? – спросила хозяйка. – Возможно, что они хотят подкрепиться. Подите, Гьюдвил, пригласите их и распорядитесь, чтобы ни они, ни их лошади не испытывали ни в чем недостатка. Погодите, скажите моей камеристке, что мне нужны черная шаль и плащ. Я хочу сойти вниз и сама приветствовать солдат короля. Надо же оказать лейб-гвардейцам внимание, ведь они так усердствуют ради его величества. И послушайте, Гьюдвил, пусть Дженни Деннисон наденет кружевную накидку – она будет идти впереди меня и моей внучки, а три других девушки сзади нас, – и еще пригласите мисс Эдит сейчас же прийти сюда.

Облаченная в парадное платье и сопровождаемая в соответствии с ее указаниями подобающей свитой, леди Маргарет чинно и торжественно выплыла во внутренний двор своего замка. Босуэл приветствовал важную и достопочтенную владелицу старинного родового гнезда с ловкостью и уверенностью, не лишенной некоторого налета той легкой и беспечной развязности, которая отличала светских щеголей времен Карла II и нисколько не походила на грубые манеры драгунского сержанта. Самый язык его и жесты, применяясь к случаю и обстоятельствам, стали, казалось, изысканнее и утонченнее; впрочем, в превратностях исполненной приключений, беспорядочной жизни Босуэл порою водил компанию, более соответствовавшую знатности его рода, чем тому положению, которое он занимал. На вопрос леди Маргарет, чем она может быть полезна драгунам, он ответил с глубоким поклоном, что, поскольку им предстоит этой ночью проехать еще несколько миль, они были бы чрезвычайно признательны уважаемой леди за позволение устроить в замке привал и дать коням кратковременный отдых, прежде чем они снова тронутся в путь.

– С величайшей охотой, – ответила Босуэлу леди Белленден, – моим слугам велено позаботиться, чтобы и людям и лошадям всего было вдоволь.

– Мы в этом не сомневались, сударыня, – продолжал свои любезности Босуэл, – ибо в стенах Тиллитудлема тем, кто служит своему королю, никогда иного приема и не оказывали.

– Мы всегда старались добросовестно и честно исполнить свой долг, – ответила на это леди Маргарет, довольная комплиментом сержанта, – как по отношению к нашим монархам, так и по отношению к их приверженцам, а особенно к их верным солдатам. Не так давно – возможно, что воспоминание об этом все еще не изгладилось у его величества, благополучно властвующего над нами в настоящее время, – сам король почтил своим посещением мой скромный и бедный дом и завтракал в одной из комнат этого замка, мистер сержант, – эту комнату покажет вам моя дежурная камеристка. Мы еще и теперь зовем эту комнату королевским покоем.

Между тем Босуэл приказал своим людям спешиться; поручив одним присматривать за лошадьми, другим – охранять арестованного, он смог продолжить беседу, так милостиво начатую леди Белленден.

– Раз сам король, мой владыка, имел честь лично познать ваше гостеприимство, я несколько не удивлен, что оно распространяется также на тех, кто служит ему и чья главная заслуга состоит в том, что они делают это верой и правдой. К тому же я имею более близкое отношение к особе его величества, чем можно думать при взгляде на эту грубую красную куртку.

– В самом деле? – спросила леди Маргарет. – Вы, наверное, принадлежали к его домашнему штату?

– Не совсем так, сударыня, правильнее сказать – к его дому, и эта близость дает мне право притязать на родство с лучшими фамилиями Шотландии, не исключая, видимо, и фамилии Тиллитудлем.

– Сударь! – сказала старая леди, с достоинством выпрямившись при этих словах Босуэла, воспринятых ею как дерзкая шутка. – Я не понимаю вас, сударь.

– Сударыня, человеку в моем положении глупо говорить о подобных вещах, – ответил сержант, – но вы, разумеется, слышали о жизни и злоключениях моего деда Фрэнсиса Стюарта, которому Иаков Первый, его двоюродный брат, даровал титул Босуэла, как зовут и меня мои сослуживцы. Увы! Это имя принесло ему в конце концов не больше счастья, чем мне.

– Вот как, – удивленно и сочувственно сказала леди Маргарет, – я и вправду предполагала, что внук последнего графа должен находиться в затруднительных обстоятельствах, но, признаюсь, все же не ожидала встретить его в таком низком чине. Что же довело вас при таких связях до...

– Ничего особенного, сударыня, самый обычный ход житейских событий, – поспешил сказать Босуэл, прерывая леди Маргарет и предугадывая ее вопрос. – Я испытал в своей жизни мгновения счастья, как доводится всякому; мне случалось распить бутылку-другую с Рочестером^[85], беззаботно играть в кости с Бэкингемом^[86] и сражаться в Танжере^[87] бок о бок с Шеффилдом^[88]. Но мое счастье никогда не бывало длительным, я не сумел превратить веселых собутыльников в полезных друзей; быть может, – продолжал он с горечью, – я не смог в достаточной мере проникнуться мыслью, что потомок шотландских Стюартов должен считать для себя великою честью приглашение на ужин к какому-нибудь Уилмоту или Виллье.

– Но ваши друзья в Шотландии, мистер Стюарт, ваши родственники в этой стране, столь многочисленные и столь могущественные?

– Ах, миледи, – ответил сержант, – полагаю, что иные из них были бы готовы, пожалуй, предложить мне должность главного егеря, так как я неплохой стрелок, иные, быть может, взяли бы меня в качестве своего bravo²², так как я недурно владею шпагой; найдутся среди них и такие, которые, за неимением лучшей компании, были бы не прочь пригласить меня в собутыльники, раз я могу выпить, не поморщившись, три бутылки вина. Не знаю почему, но только, если уж нужно служить, и служить своим родственникам, я предпочитаю быть слугою

²² Телохранителя (*ит.*).

кузена Карла, как самого высокопоставленного из них, хотя жалование за эту службу довольно скудное и мундир далеко не блестящий.

– Это срам, это позор на весь мир! – воскликнула леди Маргарет. – Почему вы не обратитесь к его священнейшему величеству? Он, несомненно, придет в изумление, услышав, что отпрыск его августейшего рода...

– Прошу прощения, сударыня, – перебил ее сержант Босуэл, – я простодушный солдат, и, надеюсь, вы извините меня, если я позволю себе сказать, что его священнейшее величество больше хлопочет о своих собственных отпрысках, нежели о происходящих от его прапрадеда.

– Хорошо, мистер Стюарт, – сказала леди Маргарет, – я хочу получить от вас обещание, что вы проведете эту ночь в Тиллитудлеме; завтра утром я ожидаю к себе вашего командира, доблестного и честного Клеверхауза, которому и король и страна так обязаны за его борьбу против тех, кто готов вывернуть мир наизнанку. Я поговорю с ним о том, чтобы вас поскорее произвели в офицеры, и уверена, что, воздавая дань уважения к крови, которая течет в ваших жилах, и просьбам леди, удостоенной столь лестного внимания его величества короля, как это случилось со мною, он не оставит вас в том бедственном положении, в каком вы находились до этого времени.

– Премного обязан вашей чести; конечно, я останусь здесь на ночь, раз вы настаиваете на этом, тем более что таким образом я смогу без промедления передать полковнику Грэму моего арестанта и получить его приказания относительно этого молодца.

– Кто же ваш арестант? – спросила леди Маргарет.

– Молодой человек из весьма порядочного семейства, проживающего невдалеке отсюда. Он был настолько неосторожен, что предоставил убежище одному из убийц покойного примаса и, кроме того, способствовал бегству этого пса.

– Какое бесстыдство! – воскликнула леди Маргарет. – Я готова забыть обиды, причиненные мне руками этих разбойников, хотя некоторые из этих обид, мистер Стюарт, таковы, что забыть их нельзя; но тем, кто покрывает преступников, совершивших столь жестокое и предумышленное убийство беззащитного человека, старого и притом облеченного священным саном архиепископа, тем их бесстыдство не может быть прощено! Если вы хотите поместить арестованного в надежное место и облегчить ваших людей, я прикажу Гаррисону и Гьюдйлу разыскать ключ от нашей ямы, или главной темницы. Ее не открывали с тех пор, как бедный сэр Артур Белленден через неделю после Килсайтской победы^[89] посадил туда два десятка захваченных им мятежников; она уходит всего на два яруса под землю, так что не может быть очень вредною для здоровья заключенных в ней узников, тем более что там, кажется, есть отверстие для доступа воздуха.

– Прошу прощения, сударыня, – ответил сержант, – не сомневаюсь, что ваша темница великолепна; но я обещал хорошо обращаться с этим молодым человеком и приму меры, чтобы его тщательно стерегли. Я заставлю тех, кого наряжу в охрану, зорко следить за ним, и бежать ему будет так же невозможно, как если бы у него на ногах были испанские сапоги, а на пальцах – пыточные зажимы.

– Дело ваше, мистер Стюарт, – заметила на это леди Белленден. – Вам лучше моего известно, в чем состоит ваш долг. От всего сердца желаю вам хорошо провести вечер и поручаю вас заботам моего управителя Гаррисона. Я охотно пригласила бы вас составить компанию, но я... я...

– О сударыня, не требуется никаких пояснений; я очень хорошо понимаю, что грубая красная куртка войск короля Карла Второго отнимает у того, кто ее носит, и вполне справедливо, права и привилегии голубой крови короля Иакова Пятого.

– Только не в моих глазах, уверяю вас, мистер Стюарт; вы несправедливы ко мне, если считаете, что я способна на это. Завтра же я переговорю с вашим полковником, и, надеюсь, вы вскоре достигнете положения, которое избавит вас от неприятностей этого рода.

– Полагаю, сударыня, – сказал Босуэл, – что ваша доброта вводит вас в заблуждение; во всяком случае, я бесконечно признателен вам за ваше намерение. Как бы там ни было, я эту ночь проведу с мистером Гаррисоном приятно и весело.

Леди Маргарет церемонно откланялась, выразив в этом поклоне все свое почтение к королевской крови, даже если она течет в жилах сержанта лейб-гвардии, и еще раз заверила мистера Стюарта, что от всего сердца предоставляет в его распоряжение, а также распоряжение его спутников все, чем только богат Тиллитудлем.

Сержант Босуэл не преминул воспользоваться любезным приглашением леди и вскоре за веселой пирушкой с готовностью забыл о своем высоком происхождении. Мистер Гаррисон постарался подать самые лучшие вина, какие только хранились в подвалах замка, и усердно стремился служить примером для своего гостя, а в таких делах это гораздо важнее, чем приглашения и уговоры. К их занятию, столь любезному его сердцу, присоединился и старый Гьюддил, подобно тому как Дэви во второй части «Генриха IV»^[90] принимает участие в кутеже своего господина, шерифа Шелло. Он спустился в погреб, рискуя собственной шеей, чтобы пошарить в закоулках, известных, как он похвалялся, лишь ему одному; он уверял, что за время его службы дворецким из этих тайников никогда не извлекалась, да и не могла быть никоим образом извлечена, ни одна бутылка, кроме как для верных слуг короля.

– Когда здесь обедал как-то раз герцог^[91], – сказал дворецкий, который из уважения к генеалогии Босуэла сел в некотором отдалении и после каждого периода своей речи придвигался на пол-ярда к столу, – моя госпожа потребовала бутылку бургундского (тут он немного придвинулся), но не знаю, как это случилось, мистер Стюарт, но меня одолело сомнение. Я заподозрил, что герцог вовсе не такой друг правительства, каким хочет казаться: хороший род – это еще не все. Старый герцог Джеймс потерял честь еще раньше, чем голову, и выходит, что этот вустерец оказался твердым кусочком и ни на что не годится, ни чтобы изжарить, ни чтобы сварить, ни чтобы съесть в сыром виде. (Этим глубокомысленным замечанием Гьюддил закончил первую параллель и начал придвигаться зигзагами, как искусный и опытный инженер, с очевидным намерением подвести апроши^[92] к столу.) Итак, чем чаще хозяйка моя покрикивала: «Бургундского его светлости... Старого бургундского его светлости... Самого лучшего бургундского... Бургундского тысяча шестьсот тридцать девятого года», – тем чаще я повторял про себя: «Черта с два, ни одна капля его не попадет в герцогскую утробу, пока я не выясню, чем он дышит; хватит с него простого Канарского и кларета». Нет, джентльмены, шутите: с тех пор как на меня возложили обязанности дворецкого в нашем тиллитудлемском доме, тут уж я гляжу в оба, чтобы ни один предатель или человек сомнительных взглядов не глотнул чего-нибудь из заветного тайника. Но когда я встречаю истинного друга его величества и борца за его правое дело, а также за умеренное епископство, когда я встречаю человека, который, как я себе говорю, будет стоять за церковь и за корону, как это делал я сам при жизни моего господина – то было во время Монтроза, – в нашем погребе нет ничего такого, чего бы я пожалел для него.

К этому времени он подвел ложементы к крепостным стенам или, иными словами, придвинулся вплотную к столу.

– А теперь, мистер Фрэнсис Стюарт из Босуэла, разрешите мне удостоиться чести выпить за ваше здоровье, и за ваше производство, и за всяческую удачу в очищении этой страны от вигов и круглоголовых, фанатиков и приверженцев ковенанта.

Босуэл, который, как нетрудно себе представить, уже давно перестал быть привередливым и руководствовался в выборе друзей и приятелей больше занимаемым им положением и удобствами, чем древностью своего рода, охотно ответил на тост дворецкого, похвалив попутно его вино. Мистер Гьюддил, таким образом, был принят в компанию в качестве его полноправного члена и продолжал снабжать ее источником радости и веселья, пока не занялся следующим днем.

Глава X

*Ужели в путь пустился б я с тобой
Лишь в ясный день, по глади голубой.
А в бурю я покинул бы твой челн
И на берег бежал от грозных волн?
Прайор^[93]*

Пока леди Маргарет вела с знатным драгунским сержантом беседу, подробно пересказанную нами на предыдущих страницах, внучка ее, не разделявшая восторгов бабушки перед всеми, в чьих жилах течет королевская кровь, удостоила его одним-единственным взглядом и увидела высокого, крепко сложенного человека со смелым, огрубевшим от непогоды лицом, в котором гордость и недовольство мешались с отчаянной, бесшабашной веселостью. Остальные солдаты еще меньше были достойны ее интереса; зато таинственный арестант, завернувшийся в плащ и прятавший в его складках лицо, целиком приковал к себе внимание мисс Эдит, которая, сколько ни силилась, не могла отвести от него глаз, хотя и бранила себя за праздное любопытство, явно стеснявшее незнакомца.

– Мне хотелось бы, – сказала она своей горничной и наперснице Дженни Деннисон, – мне хотелось бы знать, кто этот несчастный.

– Я и сама только что об этом подумала, мисс Эдит, – ответила Дженни. – То не может быть Кадди Хедриг, этот выше и будто потоньше.

– Но это может быть, – продолжала мисс Эдит Белленден, – кто-нибудь из наших соседей, и мы должны принять в нем участие.

– Я смогла бы, пожалуй, выведать, кто он такой, – сказала предприимчивая и ловкая Дженни, – пусть только солдаты покончат со своими делами и отправятся отдыхать; одного из них я хорошо знаю – это самый красивый и молодой между ними.

– Ты знаешь, кажется, всех молодых бездельников в околотке, – ответила ее госпожа.

– Что вы, мисс Эдит, я совсем не так легка на знакомства, – ответила горничная. – Конечно, как же не знать с лица тех, кто заглядывается на тебя на рынке и в церкви; но я знакома так, чтобы по-настоящему поговорить, только с несколькими молодыми людьми, и все они тиллитудлемские ребята, а кроме того, с тремя Стейнсонами, Томом Рендом, молодым мельником, пятью Ховисонами в Несершейлсе, длинным Томом Джирли да еще...

– Сократи, пожалуйста, перечень исключений, он грозит быть нескончаемым, и скажи, кто тот молодой солдат, о котором ты говорила, – прервала Дженни мисс Белленден.

– Господи Боже, мисс Эдит, да ведь это Том Хеллидей, солдат Том, как его называют, который был ранен мятежниками на их сборище в Аутерсайд-муре и пролежал у нас в замке, пока не поправился. Я могу спросить его, о чем захочу, и Том, конечно, ответит, могу поручиться в этом.

– Тогда, – сказала мисс Эдит, – найди случай спросить у него имя узника и приди ко мне сообщить, что ты узнала.

Дженни Деннисон отправилась выполнять поручение. Вскоре она возвратилась с испуганным и удивленным лицом; было видно, что ее глубоко взволновала судьба арестованного.

– В чем дело? – тревожно спросила Эдит. – Неужели это все-таки Кадди? Вот бедняга!

– Кадди, мисс Эдит? Нет, нет, это не Кадди, – расплакалась верная горничная, страдавшая оттого, что ее новости поразят в самое сердце юную мисс Эдит. – О дорогая, милая мисс Эдит, нет... это... это сам молодой Милнвуд.

– Молодой Милнвуд! – воскликнула в ужасе мисс Белленден. – Молодой Милнвуд! Непостижимо, совершенно непостижимо! Его дядя – прихожанин священника, принявшего индуль-

генцию, и не поддерживает решительно никаких связей с крамольниками; да и он сам никогда не вмешивался в эти злосчастные споры; он ни в чем не повинен; разве что вступился за чьи-нибудь поправленные права.

– Ах, моя дорогая мисс Эдит, – сказала ее наперсница, – теперь не такое время, чтобы спрашивать, где правда, а где нет; будь он такой же невинный, как новорожденный, они нашли бы, как сделать его виноватым, когда бы им этого захотелось; но Том Хеллидей говорит, что дело идет о жизни мистера Гарри, потому что он укрыл одного из пяти джентльменов, покончивших с этим старикашкой архиепископом.

– О его жизни! – вскричала Эдит, вскакивая со своего места. Запинаясь, с отчаянием в голосе, она продолжала: – Нет, они не могут... Они не сделают этого... Я вступлюсь за него... Они не тронут, нет, они не тронут его...

– О моя милая, милая леди! Подумайте только о бабушке, подумайте об опасности и о том, как это трудно, – прибавила Дженни, – его держат под строгой охраной, пока не приедет сюда Клеверхауз, который будет здесь завтра утром, и если Милнвуд не повинится перед ним и не расскажет всего, то – так говорит Том Хеллидей – расправа будет короткая: на колени... товсь... внимание... пли... – так же, как они поступили с глухим Джоном Мак-Брайером; несчастный не понял ни одного вопроса, с которым они к нему приставали, и вот лишился жизни, потому что был тугим на ухо.

– Дженни, – сказала юная леди, – если он умрет, я умру вместе с ним; сейчас не время вспоминать об опасностях и трудностях; я накину на себя плед, мы проникнем туда, где они его сторожат... Я паду к ногам часового и буду молить его – ведь и у него есть душа, и ему не надо забывать о ее спасении.

– Сохрани Боже, – прервала мисс Эдит Дженни, – сохрани Боже, чтобы наша юная леди валялась в ногах у солдата Тома и говорила с ним о спасении его души, – бедный мальчик и сам не знает, есть ли она у него, хотя порой и клянется ею; нет, этому не бывать, мисс Эдит, слышите, не бывать! Но будь что будет, я никогда не оставлю влюбленных без моей помощи; раз вам нужно встретиться с молодым Милнвудом, хотя я не думаю, что от этого будет прок, – ведь вашим сердцам только прибавится горечи, – я готова рискнуть и постараюсь улестить Тома; но вы должны дать мне полную волю и не проронить ни словечка; Хеллидей сторожит Милнвуда в восточном крыле нашего замка.

– Иди принеси мне плед, – приказала Эдит, – дай мне только повидаться с ним, и я найду средство избавить его от опасности. Поспеши, если не хочешь, чтобы я разлюбила тебя!

Дженни выбежала из комнаты и вскоре вернулась с пледом, в который мисс Эдит закуталась так, чтобы спрятать лицо и скрыть свой стройный девичий стан.

В конце семнадцатого и в начале следующего столетия носить плед описанным образом было в моде среди шотландских дам, и достопочтенные пастыри пресвитерианской церкви, опасаясь, что подобная мода может благоприятствовать любовным интригам, добились от Ассамблеи нескольких актов, осуждающих ношение пледа. Но мода, как обычно, не подчинилась велениям власти, и, пока плед не был предан забвению, женщины всех сословий продолжали при случае прибегать к его помощи, пользуясь им как мантилей или вуалью²³. Итак, закутавшись в плед и скрыв в его складках лицо, Эдит, опираясь на руку своей преданной горничной, торопливыми и нетвердыми шагами направилась к месту заключения Мортонна.

Это была тесная комнатка в одной из замковых башен, выходящая в просторную галерею, по которой взад и вперед шагала часовая: сержант Босуэл, шепетильно соблюдая данное слово, а может быть, и испытывая некоторое сочувствие к пленнику, в котором его подкупали

²³ В те времена было в обычае не открывать лица в общественных местах или в смешанном обществе. В Англии, где плед не был в ходу, знатные дамы пользовались с этой целью полумаскою, тогда как щеголи закидывали на правое плечо полу своего плаща так, чтобы прикрыть нижнюю часть лица. Об этом неоднократно упоминает в своем дневнике Пипс. (Примеч. авт.)

молодость и благородное поведение, не пожелал оскорбить его, поместив с ним вместе солдата. Итак, Хеллидей с карабином в руках прохаживался по галерее, утешаясь время от времени глотком эля из огромного кувшина, стоявшего на столе в одном из углов галереи, и мурлыча в промежутках шотландскую любовную песенку:

Из Джонстона путь наш в веселый Данди...
Красотка моя, за меня выходи!

Дженни Деннисон вторично предупредила свою госпожу, чтобы та предоставила ей свободу действий.

– Я знаю, как нужно общаться с солдатом, – сказала она, – он парень грубый, но я знаю его хорошо; а вы – ни слова, ни одного слова.

Руководствуясь своими особыми соображениями, она отворила дверь в галерею как раз в тот момент, когда часовой повернулся спиной ко входу, и, подхватив песенку, которую тот мурлыкал, кокетливо, тоном грубоватой, но в то же время беззлобной насмешки, пропела:

Солдатской женою негоже мне стать, –
Друзья огорчатся, рассердится мать;
А лэрд или лорд подошли б для меня!
Твоею женою не сделаюсь я!

– Недурной вызов, ей-ей, черт подери! – вскричал часовой, круто повернувшись кругом. – И еще от двоих разом! Да не так-то легко отхлестать солдата его собственным поясом! – И он запел, продолжая с того места, на котором остановилась девушка:

Придется, красотка, меня полюбить
И ужин и ложе со мной разделить,
Под бой барабанов мы пустимся в путь,
Моею женою, красавица, будь.

Поди ко мне, милочка, и поцелуй меня за мою песенку.

– И не подумаю, мистер Хеллидей, – ответила Дженни, выражая тоном и взглядом нужную степень негодования, – и вам больше меня не видать, пока вы не научитесь вежливости. Я пришла сюда со своею приятельницей совсем не за тем, чтобы выслушивать такой вздор, вам должно быть стыдно за себя, да, да, стыдитесь!

– Гм! А за каким вздором, мисс Деннисон, вы сюда пришли в таком случае?

– У моей родственницы есть одно личное дело к вашему узнику, молодому мистеру Гарри Мортону, и я сопровождаю ее, чтобы присутствовать при их разговоре.

– Черта с два, – заявил часовой. – А позвольте спросить, мисс Деннисон, как же ваша родственница, да и вы сами предполагаете проникнуть к нему? Вы, пожалуй, чересчур пухленькая, чтобы пролезть через замочную скважину, а о том, чтобы отворить дверь, нечего и толковать.

– Да тут толковать и нечего, нужно сделать, – отпарировала настойчивая девица.

– Держи карман шире, милая Дженни.

И солдат снова принялся ходить взад и вперед по галерее, мурлыча себе под нос:

Когда в колодец поглядишь,
Дженет, Дженет,
Себя в колодце разглядишь,

Красотка Дженет.

– Так вы не желаете нас впустить, мистер Хеллидей? Ну что ж! Ладно, пусть так. Будьте здоровы. Больше вы меня не увидите и этой славной вещицы – тоже, – сказала Дженни, показывая солдату блестящий серебряный доллар.

– Дай ему золотой, дай золотой, Дженни, – прошептала, замирая от волнения, юная леди.

– С таких, как он, хватит и серебра, раз ему нипочем глазки хорошенькой девушки, – ответила горничная. – И, кроме того, что еще хуже, он может подумать, что тут что-то не так, что тут побольше, чем родственница. Господи Боже! Не так уж много у нас серебра, чтобы швыряться золотом. – Прошептав это своей госпоже, она громко сказала: – Не хочет моя родня дожидаться, мистер Хеллидей; ну так вот, как вам угодно, а не то – будьте здоровы.

– Погодите чуточку, погодите, – оживился солдат, – попридержите лошадку, Дженни, и давайте столкнемся. Если я впущу вашу родственницу к моему арестанту, вы останетесь здесь и повеселите меня, пока она не выйдет оттуда, и тогда, знаете, никто из нас не будет внакладе.

– И тогда сам дьявол погонится за мной по пятам, – ответила Дженни. – Неужто вы думаете, что моя родственница и я заодно хотим потерять наше доброе имя; чтобы такие шалопаи, как вы, а в придачу и ваш арестант, пошли чесать языками. Нет уж, мы хотим, чтобы игра шла в открытую. Да, да, господа, прошу поглядеть, какая разница между обещаниями некоторых и исполнением их обещаний! Вы все наговаривали на бедного Кадди, что он такой да сякой; а попроси я его о чем хочешь, и мне бы не пришлось напоминать ему дважды о том же, даже если бы ему грозила за это веревка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Роман «Пуритане» был написан и опубликован в 1816 году. Его английское название «Old mortality» («Давно усопшие»), малопонятное и слабо связанное с повествованием, во французском переводе оказалось изменено на «Шотландских пуритан». Поскольку первые русские переводы вальтер-скоттовских романов делались с французского, то и по-русски роман назывался «Шотландские пуритане» (1824); название «Пуритане» у нас привилось с 1896 года. Еще один русский вариант заглавия – «Тори и виги» с подзаголовком «Исторический роман начала XVII века». Время действия в подзаголовке (которого нет у В. Скотта) указано ошибочно. События, изображаемые в романе, относятся к исходу XVII столетия. Однако ошибка невелика и, можно сказать, естественна. Относящееся к началу XVII века в романе не только упоминается, но и живет в сознании персонажей. Кроме того, в романе говорится и о более поздних временах уже XVIII столетия. Таким образом, в «Пуританах» нашли отклик события, происходившие на Британских островах на протяжении XVII и отчасти XVIII века.

2.

Ковенантеры – сторонники независимой пресвитерианской церкви в Шотландии. В 1558 г. шотландские протестанты, объединившись для защиты своего исповедания, составили так называемый ковенант (covenant – по-английски – договор, соглашение), в котором декларировали свою решимость отстаивать пресвитерианское исповедание от посягательств со стороны католической реакции и английской церкви. В 1638 г. старый ковенант был подтвержден новым. Ковенант 1638 г. – документ, в котором содержится торжественная клятва шотландских пресвитериан (см. коммент. к с. 92) бороться с абсолютизмом Карла I в вопросах религии и отстаивать пресвитерианство в Шотландии в том виде, в каком оно было установлено в эпоху Реформации. Карл I, стремившийся подчинить короне шотландскую церковь, как это имело место в Англии, встретил упорное сопротивление своим планам. Ковенант объединил широкие народные массы. Переговоры, которые вел в Шотландии по поручению короля герцог Гамильтон, не привели ни к чему. В Шотландии разразилось восстание, известное в истории под названием «епископских войн». В 1643 г. шотландские ковенантеры заключили с лондонскими пресвитерианами, партия которых играла в то время руководящую роль в парламенте, договор о совместной борьбе против роялистов. Этот договор, то есть Торжественная Лига и ковенант, содержал в себе пункт о введении в Англии церковных порядков, близких к шотландским. Выполняя свои обязательства, шотландцы в 1644 г. оказали английскому парламенту помощь вооруженными силами.

3.

Камеронцы – последователи пресвитерианского проповедника Ричарда Камерона, основателя непримиримой по отношению к англиканству религиозной секты. Отказываясь повиниться Карлу II, отрицая его авторитет в вопросах религии и отвергая индульгенцию (см. коммент. к с. 54), Камерон в 1680 г. «объявил войну» правительству Карла II. В одной из стычек с правительственным отрядом Камерон был убит (1680).

4.

Иаков II (1633–1701) – английский король с 1685 по 1688 г., изгнанный из пределов Англии революцией 1688 г., возведшей на престол его зятя, голландского штатгальтера Вильгельма Оранского. Кратковременное царствование Иакова II отмечено усилением в стране позиций католицизма и гонениями на пресвитериан.

5.

Аргайл Арчибалд – сын маркиза Аргайла, шотландского политического деятеля, казненного правительством Карла II после Реставрации, в 1661 г. Обвиненный в государственной измене и осужденный на смертную казнь, Аргайл бежал в Голландию (1681). В 1685 г. он возглавил шотландский отряд экспедиции, направленной эмигрантами одновременно в Англию и Шотландию с целью свержения Иакова II, преемника на английском престоле недавно умершего Карла II. Высадившись в Шотландии, он не смог, однако, поднять восстание; вскоре его отряд был рассеян, а сам он схвачен, осужден и казнен в Эдинбурге в том же 1685 г.

6.

Монмут Джеймс Скотт (1649–1685) – побочный сын Карла II. Занимал при Карле II ряд крупных военных постов, в частности был главнокомандующим правительственных войск в Шотландии во время подавления восстания ковенантеров, описанного в «Пуританах». Монмут тем не менее пользовался симпатиями пресвитериан, видевших в нем возможного наследника престола и связывавших с ним надежды на прекращение религиозных преследований. В 1683 г. Монмут был обвинен в государственной измене за участие в заговоре, прощен Карлом II, но изгнан из Англии. В 1685 г. одновременно с Аргайлом был направлен эмигрантами в Англию. Высадившись в Англии, провозгласил себя королем, был разбит при Седжмуре и, несмотря на покаянное письмо, направленное им королю Иакову II, казнен в Лондоне в 1685 г.

7.

Прелатисты – сторонники англиканской церкви, управляемой епископами, или прелатами.

8.

Виги – в XVII в. шотландские пресвитериане, противники Стюартов.

9.

Беньян Джон (1628–1688) – известный английский писатель, автор романа «Странствия паломника», страстный проповедник пуританства, идеологии поднимающейся английской буржуазии XVII в., убежденный демократ и республиканец. С восемнадцати лет служил в армии Кромвеля. После Реставрации Беньян отбыл двенадцать лет тюремного заключения, во время которого и написал свою книгу.

10.

...в памятный 1715 год... – Речь идет о восстании 1715 г., поднятом шотландскими якобитами (приверженцами дома Стюартов) в интересах Карла Эдуарда, сына Иакова II. Возглавлял это восстание граф Мар, за которым пошли горные кланы. Восстание не было поддержано населением равнинной Шотландии, и к концу года правительственные войска разгромили повстанцев. В Горной Шотландии вплоть до середины XVIII в. сохранились почти нетронутыми феодальные отношения, и в этом – объяснение реакционной роли горцев во время буржуазной революции и их участие во всех последующих реакционных восстаниях якобитов.

11.

...зимой 1745/46 года... – В 1745 г. в Горной Шотландии вспыхнуло еще одно восстание якобитов, стремившихся возвести на английский престол Карла Эдуарда, сына упоминавшегося в предыдущем примечании претендента. Вскоре после подавления восстания (1746) были уничтожены кланы и проведены различные мероприятия, способствовавшие ликвидации в Горной Шотландии феодализма.

12.

Стюарты – королевская династия, правившая в Шотландии (с 1371 г.) и в Англии (1603–1649, 1660–1714). Происходила от старинного шотландского феодального рода, один из представителей которого получил звание королевского управляющего (стюарта).

13.

Карл II – сын казненного короля Карла I. После смерти Кромвеля (1658) возвратился из эмиграции в Англию и в 1660 г. был коронован. Реставрация сопровождалась массовыми репрессиями по отношению к деятелям республики, реакцией во всех областях политической и общественной жизни, усилением религиозной нетерпимости. В Шотландии во время реставрации произошел ряд больших и мелких восстаний. Религиозное движение здесь сочеталось с освободительной борьбой против англичан и борьбой буржуазии (в Шотландии в этом периоде еще очень слабой) в союзе с ремесленниками (страдавшими от экономического застоя) и крестьянством (разоренным «огораживанием») против земельной аристократии, судорожно цеплявшейся за свои феодальные права и привилегии.

14.

Старый Нол – прозвище Оливера Кромвеля (1599–1658), вождя английской буржуазной революции 1642–1660 гг.

15.

Протектор – титул Кромвеля с 1653 г.

16.

Господин Молчание – еще одно прозвище Кромвеля.

17.

Нарушить спящих вечный сон? – Джон Лэнгхорн (1735–1779), поэма «Мертвец».

18.

Мистер Петтисон – вымышленный автор «Пуритан».

19.

Хемпден Джон (1594–1643) – двоюродный брат Кромвеля, революционный деятель, боровшийся с епископальной церковью и во многом содействовавший уничтожению епископата (1643). Избранный в парламент, Хемпден стоял на страже интересов умеренных слоев буржуазии, готовых на компромисс с королевской властью. Впрочем, когда выяснилось, что компромисс невозможен, Хемпден как член Комитета безопасности развил кипучую деятельность, организуя и снаряжая армию для борьбы с роялистами. В битве при Челгровфилде (1643) Хемпден был смертельно ранен.

20.

Хупер Джон – епископ Глостерский, протестант, сожжен как еретик в 1555 г.

21.

Лэтимер Хью (1485–1555) – епископ Вустерский, протестант, сожжен как еретик в 1555 г.

22.

...не следуя тому правилу царя Соломона... – В. Скотт имеет в виду следующие слова из притчей Соломоновых: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его» (Библия).

23.

Драйден Джон (1631–1700) – английский поэт и драматург.

24.

Лорд-лейтенант – командующий вооруженными силами графства.

25.

Шериф – глава администрации графства.

26.

Кальвинисты – последователи Жана Кальвина (1509–1564), одного из наиболее видных деятелей Реформации. Наибольшее распространение кальвинизм получил во французской Швейцарии (родина Кальвина) и во Франции, среди французских протестантов (гугенотов). Кальвин требовал от своих приверженцев сурового аскетизма и нетерпимости ко всем инакомыслящим.

27.

Королевское местечко (англ. borough) – населенный пункт, имеющий право посылать своих представителей в парламент.

28.

Монтроз Джеймс, маркиз (1612–1650) – вождь контрреволюции в Шотландии; активно боролся с ковенантерами. В 1643–1645 гг. одержал ряд побед, но в конце концов был разбит при Филипхоу, после чего был вынужден бежать из Шотландии. В 1650 г. высадился в Шотландии с намерением поднять восстание в интересах Карла II, но был схвачен и казнен в Эдинбурге.

29.

Красные куртки – прозвище, данное солдатам, так как они носили мундиры красного цвета.

30.

Килсайт и Типпермур – места битв Монтроза с ковенантерами.

31.

...на злосчастном поле под Вустером... – Битва под Вустером (1651) закончилась решительной победой Кромвеля над роялистами.

32.

Ла Кальпренед Готье (1610–1663) – французский писатель, автор романов и драм. Упомянутый в тексте роман «Клеопатра» – одно из наиболее известных произведений Кальпренеды.

33.

Скюдери Мадлена (1607–1701) – французская писательница, автор многотомных романов; пользовалась в свое время большой известностью. Наиболее знаменитый ее роман – «Артамен, или Кир Великий» (1649–1653).

34.

...рухнул вниз, доспехами звеня... – цитата из поэмы Томаса Кэмпбела (1777–1844) «Утехи надежды».

35.

Мальволио – персонаж из комедии Шекспира «Двенадцатая ночь», слуга Оливии. В. Скотт имеет в виду 4-ю сцену 3-го акта этой комедии, где Мальволио, размечтавшись и представив себе великолепие, среди которого ему предстоит жить, говорит: «...семеро моих слуг послушным движением направляются за ним (дядюшкой Тоби); тем временем я хмурю брови и, быть может, завожу мои часы».

36.

Данбар, Инверкейтинг – населенные пункты, близ которых происходили битвы Монтроза с ковенантерами.

37.

Марстон-мур, Филипхоу – населенные пункты, где происходили битвы роялистов и ковенантеров.

38.

Круглоголовые – презрительное прозвище, данное роялистами пуританам и сторонникам Кромвеля в Долгом Парламенте (1640–1653). Пуритане коротко стригли волосы и не носили пышных локонов, как кавалеры, т. е. роялисты.

39.

Роланд – главный герой поэмы Лудовико Ариосто (1474–1533) «Неистовый Роланд».

40.

...не иначе, как Гаем-трактирщиком. – Гай-трактирщик получил это прозвище, очевидно, в память о Гае Гракхе, народном трибуне Древнего Рима, пламенном ораторе, человеке твердых принципов.

41.

...бесчестного возлюбленного несчастной королевы Марии... – Речь идет о графе Босуэле, убийце супруга Марии Стюарт – Дарнлея. Через несколько месяцев после его убийства последовал брак Марии с Босуэлом. С этого времени начались ее злоключения. Восставшими подданными она была свергнута с престола и заточена в замке Лох-Левен. Бежав оттуда, она переехала в Англию, где королева Елизавета, продержав ее восемнадцать лет в заключении, в конце концов осудила на смерть. В 1587 г. Мария Стюарт была казнена.

42.

...на кобылке, выращенной из желудя... – Речь идет о принятом в те времена дисциплинарном взыскании, состоявшем в том, что провинившегося солдата сажали на большую деревянную лошадь и держали его на ней с мушкетами, подвязанными к ногам.

43.

Рабсак – титул ассирийского военачальника, упоминаемого в Библии. Рабсак хулил и поносил израильского бога; у пуритан Рабсак – олицетворение наглости и нечестия.

44.

Путь к славной смерти или торжеству. – Хотя этот эпитафия и приписан автором Джеймсу Даффу, он, как считают, сочинен самим В. Скоттом.

45.

Индульгенция. – Под этим названием известен опубликованный в 1672 г. декрет Карла II, предоставлявший на известных условиях право свободного богослужения всем без различия исповеданиям. Так как этот декрет имел в виду не только пресвитериан всевозможных толков, но и католиков, он вызвал бурю негодования, и в 1673 г. Карл II под давлением парламента вынужден был издать так называемый Акт о присяге (Test Act), согласно которому всякое должностное лицо обязано было присягнуть, что оно не верит в таинство причастия, одно из основных догматов католицизма.

46.

...перед золотым тельцом... – Берли говорит об одном из золотых тельцов, поставленных в Вефиле и Дане царем израильским Иеровоамом, сказавшим народу: «...вот боги твои...» (Библия).

47.

Велиал – дьявол, олицетворяющий нечестие и беззаконие (Библия).

48.

Халфтекст – фамилия (или прозвище) со значением «недоучка» – человек, знающий тексты Священного Писания только наполовину; напротив, имя другого проповедника, Паундтекста, обозначает человека, хорошо знающего Священное Писание.

49.

Резолюционисты – сторонники резолюций, принятых шотландским парламентом в 1650 г., после битвы при Данбаре. Этот документ приглашал всех шотландцев, приверженцев ковенанта, вступать в ряды армии, действующей против Кромвеля. Протестующие – противники этих резолюций.

50.

...видела герцога... которому потом отрубили в Лондоне голову... – Элисон, видимо, вспоминает о герцоге Джеймсе Гамильтоне, приближенном Карла II. Гамильтон был казнен правительством Кромвеля в 1649 г.

51.

...страшную предсказывает повесть. – Шекспир В. «Генрих IV», ч. II (акт I, сц. 1).

52.

Иеремия – один из библейских пророков, автор Книги пророка Иеремии, Книги Плач Иеремии и Книги Послание Иеремии (Библия).

53.

Ваал – верховное божество финикийян, культ которого получил широкое распространение в царстве Израильском; в Библии олицетворение нечестия.

54.

Киссон – река в Палестине; согласно Библии, пророк Илия истребил на берегах этой реки многочисленных жрецов Ваала.

55.

Маммона – упоминаемое в Библии божество, олицетворяющее богатство.

56.

Латитудинарии – представители направления внутри англиканской церкви, считавшие возможным соглашение с пресвитерианами в результате взаимных уступок.

57.

Сын Давидов – т. е. царь Соломон, автор Книги Екклезиаста, в которой развенчивается самодовлеющее значение земных благ (Библия).

58.

Рутвен Патрик (1573–1651) – шотландец, один из видных генералов на службе шведского короля Густава-Адольфа. Принимал участие в борьбе шотландской контрреволюции с Кромвелем.

59.

Лесли Александр (1580–1661) – шотландец, генерал, прослуживший около тридцати лет в шведской армии, один из военачальников Густава-Адольфа.

60.

Монро Роберт (умер в 1680 г.) – служил в войсках Густава-Адольфа, принимал участие в Реставрации.

61.

...в семьдесят поздненько начинать. – Шекспир В. «Как вам это понравится» (акт II, сц. 3).

62.

Малколм Кенмор, или Большеголовый, – Малколм III, король Шотландии (убит в 1093 г.). Царствование Малколма протекало в ожесточенной борьбе с завоевателями – норманнами. Род Белленденов, по-видимому, норманнского происхождения, и леди Маргарет намекает на какие-то события, связанные с этой борьбой.

63.

Навуходоносор (605–562 до н. э.) – царь Вавилонии; во время похода на Египет разорил Иудею. Имя Навуходоносора неоднократно упоминается в Библии.

64.

...что золотой истукан в поле Деир, и так же как Седрах, Мисах и Авденаго... – В Библии рассказывается, что Навуходоносор, завоевав Иудею, поставил на поле Деир золотого идола и велел ему поклоняться. Не выполнили царского повеления только Седрах, Мисах и Авденаго.

По приказанию разгневанного царя ослушники были брошены в «пещь огненную», но огонь, убив их палачей, не причинил праведникам никакого вреда.

65.

Злобный дух тысяча шестьсот сорок второго года... – В 1642 г. началась английская буржуазная революция. В том же году Карл I бежал на север Англии, после чего разразилась гражданская война.

66.

Нонконформисты. – В 1662 г. правительство Карла II провело через парламент так называемый Акт о единообразии в богослужении. Согласно этому акту, к богослужению могли допускаться лишь священники признанного правительством англиканского исповедания; около двух тысяч пресвитерианских священников в связи с этим вынуждены были покинуть свои общины. Лица, не подчинившиеся (по-английски подчиняться – *to conform*) этому акту, стали называться нонконформистами.

67.

...попросту угождатель. – Шекспир В. «Двенадцатая ночь» (акт II, сц. 3).

68.

Сенной рынок – место в Эдинбурге, где происходили публичные казни.

69.

Эрастианство – учение о подчинении церкви государственной власти. Ведет начало от Томаса Эраста (1524–1583), не признававшего за церковью права наказывать за грехи и преступления и считавшего, что карать – дело светских властей.

70.

Джон Ячменное Зерно (John Barleycorn) – в фольклоре олицетворение пива, браги или других алкогольных напитков.

71.

Кора-Линн – один из порогов Клайда, близ Ланарка.

72.

Существует ковенант труда, существует и ковенант искупления? – Босуэл, задавая свой вопрос Моз, имеет в виду шотландский национальный ковенант (1638), т. е. торжественную клятву шотландских пресвитериан бороться за свои религиозные верования против англиканской церкви и поддерживавшего ее правительства Карла I. Таким образом, слово ковенант на устах Босуэла – символ неповиновения королевской власти. Кадди, говоря о ковенанте труда и ковенанте искупления, имеет в виду закон, данный Богом человеку, согласно которому человек должен «трудиться в поте лица своего», а Бог пошлет искупителя греха человеческого (Христа); согласно протестантскому вероучению, человек может искупить свои грехи только верою, без добрых дел. Босуэл, не зная пуританской терминологии, не понимает уловки Кадди и удовлетворяется ответом Моз.

73.

Мерк – старинная шотландская денежная единица, равная 13 шиллингам 4 пенсам.

74.

...выпускать на свободу своих заключенных в темнице ангелов. – Для понимания этих слов нужно знать, что фигурки на голландских часах действительно часто изображали ангелов и что в это время так называлась английская золотая монета с изображением ангела.

75.

Филистимляне... и идумеи... – народы, упоминаемые в Библии как постоянные и злейшие враги иудеев. В языке пуритан, отождествлявших свою борьбу за пресвитерианство с борьбой иудеев против язычества, – символ нечестивости и враждебности.

76.

Васан – область в Палестине к востоку от Иордана, неоднократно упоминаемая в Библии. В земле Васан, по Библии, водилось много диких быков, отличавшихся свирепостью.

77.

...в подобающее вам кресло. – Имеется в виду скамья, подвешенная к «журавлю», установленному на берегу реки или какого-нибудь водоема. На эту скамью усаживали сварливую женщину, привязывали ее и несколько раз окунали в воду.

78.

Зифеи – племя, обитавшее в пустыне Зиф, отличавшееся лживостью и вероломством (Библия).

79.

Антиномианство, лапсарианство, сублапсарианство – различные религиозные течения внутри протестантской церкви.

80.

...я французов встречал. – Роберт Бёрнс (1759–1796). «Веселые нищие».

81.

...в один из заграничных шотландских полков. – Шотландские наемники издавна служили на континенте. Подробнее об этих полках В. Скотт рассказывает в романе «Квентин Дорвард».

82.

Пор-Рояль – женский монастырь в Париже.

83.

Монк Джордж (1608–1670) – генерал республиканской армии, сражался с роялистами в Шотландии. После смерти Кромвеля (1658) начал переговоры с Карлом II и содействовал реставрации Стюартов на английском престоле.

84.

В дни великого маркиза... – Речь идет о Джеймсе Монтрозе.

85.

Рочестер – Джон Уилмот, граф Рочестер (1647–1680), приближенный Карла II, поэт.

86.

Бэкингам Джордж Виллье (1627–1687) – роялист, приближенный Карла II, поэт и публицист.

87.

Танжер – город в Северной Африке, полученный Карлом II в приданое за Екатериной, принцессой Португальской; Танжер был оккупирован англичанами с 1662 по 1684 г.

88.

Шеффилд Джон (1649–1721) – военный деятель царствования Карла II, автор исторических сочинений, драм, стихов.

89.

...после Килсайтской победы... – Битва при Килсайте (1645) закончилась поражением ковенантеров. Силами роялистов командовал неоднократно упоминаемый в «Пуританах» Монтроз.

90.

Дэви – один из персонажей пьесы Шекспира «Генрих IV», ч. II. В. Скотт имеет в виду акт V, сцену 3.

91.

Когда здесь обедал как-то раз герцог... – Гьюдрил говорит, очевидно, о герцоге Джеймсе Гамильтоне.

92.

Апроши – рвы с брустверами, обращенные в сторону неприятеля. При помощи апрошей осаждающие приближались, смыкая кольцо блокады, к стенам осажденной крепости.

93.

...бежал от грозных волн? – Мэтью Прайор (1664–1721). «Генри и Эмма».